Принцъ Майо
ФИЛИПЪ ОППЕНГЕЙМЪ
РОМАНЫ ОППЕНГЕЙМА УВЛЕКАТЕЛЬНѢЙШІЕ ВЪ МІРЕ

Филиппъ Оппенгеймъ

ПРИНЦЪ МАЙО

Романъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37
1930

Эта книга напечатана
въ типографіи „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
Рига, Петроцерковная площ. 25-27.

Глава 1.

Пассажиръ съ „Лузитаніи“.

Пятьсотъ восемьдесятъ семь пассажировъ перваго класса парохода „Лузитанія“ были сильно разочарованы. Многіе открыто выражали свое неудовольствіе.

Послѣ долгихъ переговоровъ рѣшено было не пускать на берегъ никого изъ пассажировъ до утра: уже начался отливъ и подойти къ пристани было невозможно.

Капитанъ отдалъ приказъ остановить машины.

Небольшой катеръ, все время лавировавшій поблизости, сталъ медленно приближаться къ морскому гиганту. Съ палубы его съ легкимъ шипѣніемъ и свистомъ взвилась въ воздухъ ракета.

Пассажиръ, терпѣливо стоявшій въ длинной очереди среди другихъ, ожидавшихъ разрѣшенія спуститься на берегъ, поспѣшно направился къ капитанскому мостику.

Капитанъ „Лузитаніи“ какъ разъ спускался внизъ. Пассажиръ подошелъ къ нему и протянулъ ему конвертъ.

— Капитанъ Гудфелло, — сказалъ онъ, — я очень попросилъ бы васъ ознакомиться съ содержаніемъ этого письма...

Капитанъ, только что закончившій долгіе переговоры съ лоцманомъ, былъ сильно раздраженъ и нѣсколько рѣзко спросилъ:

— Въ чемъ дѣло?...

— Очень прошу васъ прочесть это письмо: дѣло весьма спѣшное, — спокойнымъ тономъ отвѣтилъ пассажиръ.

— Какъ ваша фамилія? — спросилъ капитанъ. Брови его сердито сдвинулись.

— Гамильтонъ Фейнсъ, — быстро отвѣтилъ незнакомецъ. — Хотя я не внесенъ въ списки пассажировъ, но продѣлалъ весь путь въ первомъ классѣ. Это письмо поручено мнѣ передать вамъ въ случаѣ запозданія... Насколько я понялъ, никто изъ пассажировъ не будетъ спущенъ на берегъ раньше утра?...

Капитанъ подошелъ ближе къ свѣту, прочелъ письмо, тщательно разсмотрѣлъ подпись и тихо свистнулъ.

— А вамъ извѣстно содержаніе письма? — спросилъ онъ, съ любопытствомъ посмотрѣвъ на Фейнса.

— Конечно, — коротко отвѣтилъ тотъ.

— Вы и есть — Гамильтонъ Фейнсъ, о которомъ говорится въ этомъ письмѣ?

Пассажиръ утвердительно кивнулъ.

— Отлично, — сказалъ капитанъ. — Пройдите на нижнюю палубу. Съ вами есть еще кто-нибудь?

— Нѣтъ, я одинъ, — отвѣтилъ Фейнсъ.

— Тѣмъ лучше... — воскликнулъ капитанъ. — Только не говорите никому, что вамъ разрѣшено сойти на берегъ.

— Разумѣется! — отвѣтилъ Фейнсъ. — Очень вамъ благодаренъ, сэръ.

— Вы, вѣроятно, понимаете, что вамъ нельзя взять съ собой багажа? — продолжалъ капитанъ.

— О... Это не имѣетъ никакого значенія... Я распоряжусь, чтобы мнѣ его доставили завтра... Все необходимое у меня съ собой въ этомъ маленькомъ чемоданѣ...

Капитанъ взялся за свистокъ.

Фейнсъ спустился на нижнюю палубу. На ней почти никого не было. Черезъ минуту показалось шесть матросовъ. Они волокли веревочную лѣстницу. Маленькій катеръ приблизился къ борту. Никто изъ пассажировъ даже не замѣтилъ, какъ Гамильтонъ Фейнсъ перешелъ на него съ морской громады.

Черезъ минуту онъ плылъ уже вверхъ по теченію. Фейнсъ устроился въ небольшой каютѣ, скудно освѣщенной маленькой керосиновой лампой.

На катерѣ онъ ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова.

Оставшись одинъ, онъ сѣлъ лицомъ къ двери и принялся за англійскую газету, найденную имъ тутъ же на столѣ.

Такъ просидѣлъ онъ до пріѣзда въ портъ. Тутъ онъ вѣжливо простился съ капитаномъ и далъ шиллингъ матросу, вынесшему его чемоданъ.

Ступивъ на деревянные мостки, онъ внимательно огля-дѣлся по сторонамъ, какъ бы желая убѣдиться, что за нимъ никто не слѣдитъ. Затѣмъ направился на Лондонскій вокзалъ и постучался къ начальнику станціи.

Начальникъ станціи поднялъ голову, бросилъ быстрый взглядъ на вошедшаго и спросилъ:

— Вы желаете видѣть меня, сэръ?

Онъ, видимо, былъ очень занятъ: передъ нимъ лежали кипы бумаги.

Мистеръ Гамильтонъ Фейнсъ по внѣшности ничѣмъ не отличался отъ тысячъ другихъ американцевъ, пріѣзжающихъ по дѣламъ въ Европу.

Оглянувшись, — закрыта ли дверь, — онъ заявилъ:

— Мнѣ нуженъ какъ можно скорѣе экстренный поѣздъ въ Лондонъ. Я былъ бы вамъ весьма признателенъ, если бы вы могли предоставить его мнѣ черезъ полчаса...

Начальникъ станціи даже привскочилъ отъ возбужденія.

— Это совершенно невозможно, сэръ, — рѣшительно заявилъ онъ. — Совершенно невозможно...

— Разрѣшите спросить — почему? — невозмутимымъ тономъ освѣдомился Фейнсъ.

— Во-первыхъ, экстренный поѣздъ въ Лондонъ стоилъ бы вамъ сто восемьдесятъ фунтовъ, — рѣзко отвѣтилъ начальникъ станціи, — во-вторыхъ: если бы вы даже согласились заплатить эту сумму, я могъ бы предоставить его въ ваше распоряженіе не ранѣе, чѣмъ черезъ два часа... Не можемъ же мы изъ-за васъ остановить все движеніе!... Подождите... Обыкновенный поѣздъ отходитъ въ полночь. Вы можете взять спальное мѣсто...

Фейнсъ вынулъ изъ внутренняго кармана письмо, очень похожее на то, какое нѣсколько времени назадъ онъ передалъ капитану „Лузитаніи“.

И, не говоря ни слова, протянулъ его начальнику станцiи.

Тотъ, какъ бы не замѣтивъ движенiя своего собесѣдника, продолжалъ рыться въ бумагахъ.

— Быть можетъ, вы потрудитесь прочесть это письмо, — усмѣхнувшись сказалъ Фейнсъ. — Что же касается ста восьмидесяти фунтовъ, тс я охотно заплачу вамъ ихъ...

Начальникъ станцiи что-то сердито пробормоталъ и взялъ у американца письмо. Быстро пробѣжавъ его, онъ поднесъ его къ своей рабочей лампѣ, затемненной зеленымъ абажуромъ, и сталъ тщательно разглядывать подпись.

Выраженiе лица его мгновенно измѣнилось.

Онъ съ почтительнымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на Гамильтона Фейнса, заперъ ящикъ своего стола и съ преувеличенной любезностью сказалъ:

— Я тотчасъ же лично займусь этимъ дѣломъ. Могу я попросить васъ подождать въ моемъ прiемномъ кабинетѣ? — сложивъ бумаги, прибавилъ онъ.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ Фейнсъ. — Я погуляю по перрону.

— Если бы вы пожелали зайти въ ресторанъ, то онъ помѣщается въ концѣ платформы, — предупредительно замѣтилъ начальникъ станцiи, подходя къ телефону. — Вашъ поѣздъ отойдетъ раньше, чѣмъ черезъ полчаса... Во всякомъ случаѣ, я приложу къ тому всѣ старанiя...

— Пожалуй, я и впрямь пройду въ ресторанъ... — отвѣтилъ Фейнсъ.

— Прекрасно: какъ только все будетъ готово, я вамъ тотчасъ же дамъ знать...

Фейнсъ заказалъ себѣ чашку кофе и сандвичъ. Онъ усѣлся какъ можно ближе къ камину, — опять-таки, лицомъ къ двери, — снялъ шляпу и провелъ рукой по своимъ густымъ и темнымъ волосамъ.

Фейнсъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, средняго роста съ неправильными чертами лица. Лицо его было гладко выбрито. Глаза, очень темные и блестящiе, врядъ ли нуждались въ пэнснэ, которое было подвѣшено у него на черной тесемочкѣ.

О національности его можно было догадаться по формѣ мягкой сѣрой фетровой шляпы. И платье его, по всей видимости, было сшито у американскаго портного.

Онъ съ явнымъ отвращеніемъ съѣлъ сандвичъ и, послѣ перваго глотка кофе, заказалъ виски съ содой.

Время отъ времени онъ нетерпѣливо поглядывалъ на часы.

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса появился желѣзнодорожный служащій. Держа почтительно шляпу въ рукѣ, онъ доложилъ, что поѣздъ поданъ.

Фейнсъ надѣлъ шляпу, взялъ въ руки чемоданъ и послѣдовалъ за нимъ на платформу. Тамъ уже стоялъ длинный салонъ-вагонъ, прицѣпленный непосредственно къ паровозу. Позади помѣщался служебный вагонъ.

— Мы сдѣлали все, что было въ нашихъ силахъ, — съ гордостью произнесъ начальникъ станціи. — Вы изволили придти ко мнѣ въ контору ровно двадцать двѣ минуты назадъ, — вотъ передъ вами поѣздъ... Его поведетъ нашъ лучшій машинистъ... Желаю вамъ счастливаго пути, сэръ...

— Очень вамъ благодаренъ, сэръ, — отвѣтилъ Фейнсъ. —Я увѣренъ, что мои друзья по ту сторону океана оцѣнять вашу распорядительность... Когда же вы думаете мы пріѣдемъ въ Лондонъ?...

Начальникъ станціи посмотрѣлъ на часы.

— Теперь восемь часовъ, сэръ, — сказалъ онъ. — Если не случится ничего непредвидѣннаго, вы будете въ Лондонѣ безъ двадцати минутъ двѣнадцать.

Фейнсъ безмолвно кивнуль головой и поднялся въ вагонъ. Оглядѣвъ его, онъ спросилъ:

— Въ поѣздѣ всего лишь одинъ вагонъ?... Не правда ли?... Въ служебномъ вагонѣ, надѣюсь, нѣтъ пассажировъ?

— Разумѣется, нѣтъ, сэръ, — тотчасъ же отвѣтилъ начальникъ станціи. — Ни одного. Это было бы совершенно противъ правилъ. Васъ всего пятеро въ поѣздѣ: вы, машинистъ, истопникъ, сторожъ и проводникъ вагона.

Фейнсъ кивнулъ съ видимымъ удовлетвореніемъ.

— Съ вами нѣтъ багажа? — спросилъ сторожъ.

— Нѣтъ... Багажъ пришлютъ мнѣ въ гостиницу

завтра... Я не могъ взять его съ парохода, — пояснилъ Фейнсъ.

— У проводника есть прохладительные напитки, сэръ, — сказалъ на прощанье начальникъ станціи. — Спокойной ночи, сэръ.

Фейнсъ добродушно улыбнулся.

— До свиданія, господинъ начальникъ станціи, — промолвилъ онъ. — Очень вамъ благодаренъ за хлопоты...

Глава 2

Загадочная смерть

Поѣздъ мчался по направленію къ столицѣ.

Начальникъ промежуточной станціи позвонилъ въ Ливерпуль.

— Что это за экстренный поѣздъ? — спросилъ онъ.

— Пассажиръ пришелъ съ „Лузитаніи“ на частномъ катерѣ, — былъ отвѣтъ. — Полученъ строгій приказъ какъ можно скорѣй доставить его въ Лондонъ.

— Да это, конечно... — проворчалъ начальникъ станціи. — А у меня на рукахъ три мѣстныхъ поѣзда, которые здорово опаздываютъ... На одномъ изъ нихъ нашъ директоръ... и ругается же онъ!...

— А что слышно про поѣздъ?...

— Онъ идетъ со скоростью шестидесяти миль въ часъ, — былъ отвѣтъ. — Боюсь, что онъ расшатаетъ наши старыя шпалы... А кто машинистъ?

— Джимъ Пойнтонъ, — отвѣтили изъ Ливерпуля. — Его приказано было снять съ другого поѣзда...

— А какъ фамилія пассажира? Вѣроятно, это одинъ изъ этихъ милліонеровъ-американцевъ, которымъ всегда нужно мчаться куда-нибудь сломя голову.

— Фамилія пассажира Фейнсъ. Онъ вовсе не похожъ на милліонера... Онъ явился въ контору съ маленькимъ чемоданчикомъ и потребовалъ, чтобы ему дали экстренный поѣздъ... Начальникъ отвѣтилъ ему, что поѣздъ будетъ

стоить сто восемьдесятъ фунтовъ и посовѣтовалъ ему подождать пассажирскаго. Тогда тотъ подалъ ему письмо... Вы бы видѣли, какъ нашъ измѣнился: черезъ двадцать минутъ поѣздъ былъ уже поданъ...

— А отъ кого было письмо? — спросилъ заинтересованный начальникъ промежуточной станціи.

— Откуда мнѣ знать? — послышался отвѣтъ. — Начальникъ разорвалъ его на мелкіе кусочки... Молодой Джеркинсъ попытался было спросить его... но тотчасъ же пожалѣлъ о томъ...

— Вѣроятно, мы объ этомъ прочтемъ завтра въ газетахъ, — утѣшился первый. — Журналисты, навѣрное, быстро все разузнаютъ... Спокойной ночи...

Поѣздъ продолжалъ мчаться по направленію къ столицѣ. Пассажиръ нервно ходилъ взадъ и впередъ по вагону.

Затѣмъ онъ открылъ дверь и заглянулъ въ помѣщеніе служащаго. Тотъ сидѣлъ и читалъ газету. Онъ такъ поглощенъ былъ чтеніемъ, что не замѣтилъ вошедшаго.

Фейнсъ безшумно затворилъ за собой дверь и вернулся въ вагонъ. Онъ еще разъ прошелся взадъ и впередъ, дошелъ до отдѣленія проводника, заглянулъ внутрь и вернулся къ себѣ.

Дробно постукивали на скрѣпахъ колеса.

Фейнсъ опустилъ окно и выглянулъ наружу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него шумѣлъ паровозъ.

Онъ снова вернулся на прежнее мѣсто у стола, вынулъ изъ бокового кармана бумаги и разложилъ ихъ передъ собой.

Отдѣливъ отъ пачки запечатанный конвертъ, онъ положилъ его обратно въ боковой карманъ и сталъ внимательно просматривать остальныя бумаги. Время отъ времени онъ тревожно озирался вокругъ, какъ бы опасаясь, что кто-нибудь наблюдаетъ за нимъ.

По мѣрѣ приближенія къ столицѣ, Фейнсомъ больше и больше овладѣвало безпокойство: онъ поминутно вскакивалъ съ мѣста, большими шагами ходилъ по вагону высовывался въ окно и подозрительно поглядывалъ на дверь.

А въ Ливерпулѣ тѣмъ временемъ, безостановочно зво-

нилъ телефонъ: всѣ дежурные промежуточныхъ станцій недоумѣвали, — что это за поѣздъ, который надо было такъ стремительно пропускать впередъ...

Начальникъ станціи Эстонъ рѣшилъ даже, что такого важнаго пассажира нужно встрѣтить съ почетомъ. И надѣвъ лучшее свое платье, вышелъ на платформу въ тотъ мигъ, когда паровозъ свистя и шипя подъѣзжалъ къ платформѣ.

Сквозь зеркальныя окна салонъ-вагона онъ увидѣлъ таинственнаго пассажира, склонившагося надъ столомъ. Онъ повидимому, и не собирался выходить изъ поѣзда.

Вдругъ передъ изумленнымъ начальникомъ выросъ взволнованный проводникъ поѣзда.

— Мистеръ Рейсъ! — крикнулъ онъ, — пожалуйста, пойдемте со мной въ вагонъ!

Мистеръ Рейсъ тотчасъ же поспѣшилъ за нимъ. Когда они вошли въ вагонъ, проводникъ схватилъ его за руку. Это былъ маленькій тщедушный на видъ человѣкъ. На лицѣ его написанъ былъ ужасъ.

— Что съ вами? — удивленно спросилъ его мистеръ Рейсъ.

— Съ моимъ пассажиромъ что-то неладно, сэръ, — пробормоталъ проводникъ. — Часъ назадъ я принесъ ему виски... Онъ велѣлъ мнѣ не безпокоиться... Онъ внимательно изучалъ какія-то бумаги... А теперь... а теперь онъ сидитъ неподвижно... И я не думаю, чтобы онъ спалъ... Глаза его были широко раскрыты и смотрѣли впередъ, не мигая... Лицо было странно-землистаго цвѣта.

— Это Эстонъ, сэръ, конечная станція... — началъ Рейсъ и остановился. По тѣлу его пробѣжала невольная дрожь. Вся кровь отлила отъ лица. Онъ повернулся къ проводнику и взволнованнымъ голосомъ приказалъ:

— Опустите шторы! Быстрѣе!.. Приставьте людей къ дверямъ и не пропускайте никого въ вагонъ.

Проводникъ трясся, какъ листъ. Дрожащими руками онъ принялся спускать шторы. Начальникъ станціи тяжело

вздохнулъ. Онъ не сомнѣвался, что человѣкъ, сидѣвшій за столомъ, былъ мертвъ...

Въ этотъ поздній часъ станція была почти пустынна, и двое служащихъ, поставленныхъ у поѣзда, безъ труда сдержали любопытныхъ, пытавшихся проникнуть внутрь.

Третій служащій всталъ у входа въ вагонъ. На всѣ вопросы онъ отвѣчалъ, что начальникъ станціи строго запретилъ ему разговаривать съ кѣмъ-либо.

Самъ же начальникъ станціи отправился за докторомъ.

Никто не зналъ точно, что произошло.

Проводникъ поѣзда сидѣлъ безмолвно на ступенькѣ вагона, опустивъ голову на руки. Казалось, онъ не слышалъ и не замѣчалъ окружающихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ къ поѣзду подошелъ вернувшійся въ сопровожденіи доктора начальникъ станціи.

Докторъ тотчасъ же приступилъ къ осмотру таинственнаго пассажира. Мистеръ Гамильтонъ Фейнсъ сидѣлъ, прислонясь къ спинкѣ кресла. Голова его слегка свѣсилась на бокъ и глаза продолжали смотрѣть мертвымъ остановившимся взглядомъ.

— Неужели онъ мертвъ? — содрогнувшись спросилъ начальникъ станціи.

Докторъ молча кивнулъ головой.

— Ужасно! — вскрикнулъ мистеръ Рейсъ. — Ужасно!..

Докторъ накрылъ платкомъ лицо мертвеца и погрузился въ глубокую задумчивость.

— Онъ скончался во время сна? — вновь спросилъ начальникъ станціи. — Вѣроятно, скоропостижно?.. Отъ разрыва сердца?..

Докторъ отвѣтилъ не сразу.

— Нужно отнести тѣло въ покойницкую, — сказалъ онъ, наконецъ. — Я на вашемъ мѣстѣ перевелъ бы этотъ вагонъ на запасный путь и позвонилъ бы въ Скотлэндъ-Ярдъ.

— Въ Скотлэндъ-Ярдъ? — переспросилъ поблѣднѣвшій начальникъ станціи.

Докторъ оглянулся, — нѣтъ-ли кого поблизости? — и сказалъ:

— Таинственный пассажиръ вашъ скончался не отъ разрыва сердца... Онъ былъ убитъ...

— Убитъ?.. — повторилъ начальникъ станцiи. — Но вѣдь это же немыслимо!.. Этого не можетъ быть!.. Вѣдь въ поѣздѣ же не было никого посторонняго!

Докторъ указалъ пальцемъ на платье покойнаго. Начальникъ станцiи увидѣлъ тогда нѣчто, на что раньше не обратилъ вниманiя. И содрогнувшись, быстро отвернулся...

На платформѣ сталъ собираться народъ. Въ окнахъ вагона замелькали любопытныя перепуганныя лица.

— Не можетъ быть никакого сомнѣнiя, — продолжалъ докторъ. — Этотъ человѣкъ убитъ. Собственной рукой онъ ни за что не могъ бы вытащить ножа изъ раны. Я даже могу вамъ разсказать, какъ это случилось: убiйца стоялъ сзади... Никакой борьбы не произошло... Ударъ нанесенъ былъ мастерски...

— Мастерски... — какъ эхо повторилъ совершенно ошеломленный мистеръ Рейсъ.

— Повторяю вамъ: лучше всего тотчасъ же распорядиться, чтобы вагонъ поставленъ былъ на запасный путь, и позвонить въ Скотлэндъ-Ярдъ, — продолжалъ докторъ.— Лучше не трогать и этихъ бумагъ до прихода полицiи. Не отпускайте также никого изъ поѣздной прислуги: полицiя, несомнѣнно, пожелаетъ прежде всего допросить ихъ...

Начальникъ станцiи поспѣшно вышелъ на платформу. Вагонъ медленно передвинули на запасный путь и около каждаго входа поставили дежурнаго полицейскаго.

Возвратившись мистеръ Рейсъ нашелъ доктора въ отдѣленiи убитаго. Они усѣлись на диванъ, стараясь не смотрѣть на мертвеца. Начальникъ станцiи разсказалъ своему собесѣднику все, что ему было извѣстно о таинственномъ пассажирѣ.

Проводникъ, продолжавшiй ходить въ какомъ-то полуснѣ, принесъ бутылку коньяку и дрожащею рукой налилъ имъ по стакану. Объ убитомъ онъ могъ только разсказать мистеру Рейсу, что тотъ приказалъ не безпокоить себя въ пути и требовалъ полнѣйшаго одиночества и тишины.

Наконецъ раздался долгожданный стукъ въ окно и въ

вагонъ ввалился стройный мужчина съ добродушнымъ румянымъ лицомъ и сѣрыми глазами.

— Инспекторъ Джексъ изъ Скотлэндъ-Ярда, — заявилъ онъ о себѣ. — Со мной пріѣхалъ одинъ изъ моихъ сослуживцевъ... Если вы ничего не имѣете противъ, я попрошу его также войти...

— Пожалуйста... — засуетился начальникъ... — Боюсь, что дѣло это доставитъ вамъ много хлопотъ... Мы все оставили нетронутымъ, насколько, конечно, было возможно...

Проводникъ помогъ влѣзть въ вагонъ второму сыщику, и они тотчасъ-же приступили къ осмотру вещей убитаго, — осмотру, впрочемъ, не давшему никакихъ сколько-нибудь утѣшительныхъ результатовъ.

Бумаги, разбросанныя на столѣ, оказались незначущими циркулярами и рекламами. Въ чемоданѣ не нашлось ничего, кромѣ туалетныхъ принадлежностей и чистаго бѣлья. Въ карманахъ костюма не оказалось ни писемъ, ни документовъ. Въ кожаномъ чудесномъ бумажникѣ полицейскіе нашли тысячу долларовъ кредитными билетами и визитную карточку съ именемъ Гамильтонъ Фейнсъ, а въ карманахъ брюкъ — пригоршню золота.

И во внутреннихъ карманахъ сыщики не нашли ничего, что бы могло пролить хотя малѣйшій свѣтъ на это убійство. Только подпоротая подкладка пиджака свидѣтельствовала о томъ, что преступникъ чего-то искалъ на убитомъ.

И вещи Фейнса не представляли никакого интереса.

Часы были дешевые; бѣлье безъ всякой мѣтки, а платье куплено было въ одномъ изъ большихъ универсальныхъ магазиновъ Нью-Іорка.

Глава 3

Миссъ Морсъ осталась безъ завтрака

Изъ допроса прислуги выяснилось лишь то, что было уже извѣстно.

Таинственный пассажиръ, несомнѣнно, вошелъ въ поѣздъ одинъ, и вся поѣздная прислуга въ одинъ голосъ подтвердила,

что никто не могъ бы спрятаться въ поѣздѣ и проѣхать незамѣченнымъ.

Что касается машиниста, то онъ готовъ былъ поклясться подъ присягой, что со времени отхода поѣзда изъ Ливерпуля и до прихода на станцію они все время шли со скоростью, по крайней мѣрѣ, сорока миль въ часъ. Около Уиллингтона онъ увидѣлъ сигналъ, заставившій его замедлить ходъ, и все же онъ, противъ всѣхъ правилъ, прошелъ станцію со скоростью десяти миль въ часъ. Это было единственное замедленіе за время всего пути.

Проводникъ ничего не могъ прибавить къ тому, что уже разсказалъ начальнику станціи и доктору.

Инспекторъ Джексъ, впрочемъ, не былъ нисколько смущенъ всѣмъ этимъ: у него была слабость къ запутаннымъ, таинственнымъ дѣламъ.

Ресторанъ Карлтона былъ переполненъ. Было время завтрака, и въ элегантную залу входили все новые и новые посѣтители. Оркестръ сыгралъ уже первую часть программы.

Какъ только отзвучалъ заключительный аккордъ, молодая женщина, уже около получаса сидѣвшая въ зимнемъ саду и безпокойно поглядывавшая на часы, встала и направилась къ дежурному швейцару.

— Скажите, — сказала она, — здѣсь живетъ мистеръ Гамильтонъ Фейнсъ?.. Онъ долженъ былъ пріѣхать на „Лузитаніи" вчера вечеромъ или сегодня утромъ...

Швейцаръ удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Мистеръ Гамильтонъ Фейнсъ? — спросилъ онъ. — Вы ожидали, что онъ пріѣдетъ на „Лузитаніи", сударыня, не такъ ли?..

— Да... — отвѣтила молодая женщина. — Онъ пригласилъ меня сюда сегодня завтракать... Скажите, онъ пріѣхалъ?.. Если онъ въ своей комнатѣ, я попрошу васъ послать за нимъ и сказать, что я давно уже жду его...

Въ вестибюлѣ было много народу. Опасаясь, что ихъ разговоръ могутъ подслушать, швейцаръ подошелъ ближе къ молодой женщинѣ и спросилъ ее:

— Простите, сударыня. Вы не читали сегодняшнихъ газетъ?

Молодая женщина недоумѣнно посмотрѣла на него изъ-подъ опущенныхъ полей крошечной парижской шляпы. Она была стройна, средняго роста, брюнетка, очень изящно и нарядно одѣтая.

— Газеты? — удивленно переспросила она. — Нѣтъ, я почти никогда не читаю газетъ... Но какое это имѣетъ отношеніе къ мистеру Фейнсу, о которомъ я васъ спрашиваю?..

Швейцаръ указалъ ей на дверь конторы.

— Войдите, пожалуйста, сударыня, — пригласилъ онъ.

Она нетерпѣливо топнула ногой и окинула швейцара гнѣвнымъ взглядомъ. Къ ихъ разговору стали прислушиваться.

— Зачѣмъ мнѣ идти туда? — нетерпѣливо спросила она. — Развѣ вы не можете отвѣтить мнѣ тутъ же на мой вопросъ?..

— Очень васъ прошу, сударыня, — настаивалъ швейцаръ.

Въ голосѣ его было столько почтительности, что молодая женщина успокоилась и, пожавъ плечами, послѣдовала за нимъ въ контору. Она поняла, что онъ не хотѣлъ оскорбить ее. Кромѣ того, ей не хотѣлось возбуждать любопытства окружающихъ громкимъ разговоромъ въ передней.

Какъ только они вошли въ контору, швейцаръ старательно закрылъ дверь.

— Сударыня, — началъ онъ, — господинъ Гамильтонъ Фейнсъ дѣйствительно пріѣхалъ изъ Америки на „Лузитаніи“ и заказалъ себѣ комнаты въ нашей гостиницѣ... Но... по дорогѣ изъ Ливерпуля въ Лондонъ съ нимъ случилось несчастье...

Молодая женщина начала понимать. Глаза ея широко раскрылись отъ ужаса.

— Несчастный случай?.. — поблѣднѣвъ, спросила она.

Швейцаръ любезно пододвинулъ ей стулъ.

— Да... Ужасный случай, — проговорилъ онъ. — Надѣюсь, господинъ Фейнсъ не приходится вамъ родственни-

комъ?.. Быть можетъ вы сами прочтете въ газетѣ подробный разсказъ обо всемъ происшедшемъ.

Молодая женщина молча взяла газету и прочла нѣсколько строкъ.

Вдругъ лицо ея еще болѣе поблѣднѣло.

— Убитъ!.. — прошептала она. — Это... правда?..

Если бы швейцаръ болѣе внимательно присмотрѣлся, то замѣтилъ бы, что ужасъ ея не былъ ужасомъ человѣка, впервые услышавшаго о неожиданномъ преступленіи.

— Къ сожалѣнію, это правда, сударыня, — отвѣтилъ служащій. — Даже въ болѣе раннихъ изданіяхъ было названо имя убитаго, такъ что не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Это подтвердилъ и капитанъ „Лузитаніи"... Кромѣ того, полиція допросила многихъ пассажировъ...

— Убитъ! — снова повторила молодая женщина. — Какая ужасная смерть! Кто же убилъ его?.. Кто-нибудь уже арестованъ?

— Пока еще никто не арестованъ, сударыня, — отвѣтилъ швейцаръ. — Дѣло это, какъ вы сами увидите, прочтя газетную замѣтку, очень таинственное..

Молодая женщина нѣкоторое время сидѣла молча.

— Гдѣ я могла бы прочесть это... наединѣ... — наконецъ, спросила она, — такъ, чтобы мнѣ никто не могъ бы помѣшать?..

— Здѣсь, пожалуйста, если желаете, сударыня, — предупредительно отвѣтилъ служащій. — Я долженъ вернуться на свое мѣсто.. Быть можетъ прикажете прислать вамъ рюмку вина?..

— Нѣтъ... Не надо... ничего не надо... — быстро отвѣтила она. — Я хочу лишь остаться одна и прочесть газету.

Швейцаръ пробормоталъ что-то соболѣзнующее, вышелъ и закрылъ за собой дверь.

Молодая женщина развернула газету.

Въ сообщеніи объ убійствѣ приводились показанія нѣкоторыхъ пассажировъ, разговоръ съ капитаномъ: говорилось о томъ, что мистеръ Фейнсъ на пароходѣ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ: даже капитанъ замѣтилъ его лишь тогда,

когда онъ подошелъ къ нему съ письмомъ. Письмо было подписано главою пароходнаго общества: въ немъ предписывалось удовлетворять всѣ просьбы его подателя.

Начальникъ станціи въ Ливерпулѣ, въ свою очередь, показывалъ, что письмо подписано было крупнымъ желѣзнодорожнымъ начальникомъ: не исполнить его приказанія было совершенно немыслимо.

Очевидно, на пароходѣ не было никого, кто сколько-нибудь зналъ покойнаго и имѣлъ бы понятіе о его дѣлахъ. Въ Лондонѣ о немъ никто не спрашивалъ. Нѣсколько телеграммъ, отправленныхъ въ Нью-Іоркъ, остались безъ отвѣта.

По подпоротой подкладкѣ пиджака можно было заключить, что украдены были документы или бумаги. Но какого рода были эти документы — никто не зналъ.

Въ концѣ авторъ замѣтки выражалъ надежду, что какія-нибудь сообщенія съ той стороны океана помогутъ найти убійцу.

Молодая женщина сложила газету. Повидимому, она была больше напугана, нежели огорчена. Нѣкоторое время она сидѣла въ глубокомъ раздумьи и разсѣянно смотрѣла въ окно.

Наконецъ, она встала и направилась къ двери. На порогѣ она остановилась. Швейцаръ горячо разговаривалъ съ нѣсколькими посѣтителями, и она сразу догадалась, что разговоръ шелъ о ней.

— Сударыня! — замѣтивъ ее, обратился къ ней швейцаръ. — Останьтесь здѣсь еще мгновенье... Васъ хочетъ видѣть служащій изъ Скотлэндъ-Ярда. Кромѣ того, собралось нѣсколько журналистовъ... Они хотятъ разспросить васъ о господинѣ Гамильтонѣ Фейнсѣ...

Молодая женщина заволновалась, покраснѣла и съ трудомъ проговорила:

— Я очень сожалѣю... Но мнѣ, право, нечего сказать имъ... Потрудитесь, пожалуйста, имъ это передать...

Швейцаръ покачалъ головой.

— Они настаиваютъ, сударыня...

— Но я сама ничего не знаю!

Брови молодой женщины сердито сдвинулись.

— Я понимаю, — замѣтилъ швейцаръ. — Но, сударыня, со Скотлэндъ-Ярдомъ нельзя шутить. Вѣдь не станете же вы теперь отрицать, что господинъ Фейнсъ пригласилъ васъ завтракать сюда?..

— Хорошо, — промолвила молодая женщина подумавъ. Я поговорю со служащимъ изъ Скотлэндъ-Ярда. Журналистамъ же мнѣ, право, нечего сказать...

Швейцаръ просунулъ голову въ дверь, сдѣлалъ знакъ, и инспекторъ Джексъ почти тотчасъ же вошелъ въ комнату.

— Сударыня, — началъ онъ, — насколько я понялъ, господинъ Гамильтонъ Фейнсъ былъ вашимъ другомъ?..

— Моимъ знакомымъ, — поправила его молодая женщина.

— Ваше имя, сударыня?..

— Миссѣ Морсъ, — тотчасъ же отвѣтила она. — Миссъ Элленъ Морсъ.

— Вы должны были завтракать здѣсь съ господиномъ Фейнсомъ, не такъ ли? — продолжалъ свои разспросы инспекторъ.—Могу я спросить васъ, когда вы получили отъ него приглашеніе?..

— Вчера... — тотчасъ же отвѣтила она. — Каблограммой изъ Куинстоуна.

— Вѣроятно, вы можете дать намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о покойномъ? — продолжалъ Джексъ. — Его профессія, напримѣръ, или соціальное положеніе?.. Быть можетъ вамъ извѣстно также, почему онъ пріѣхалъ въ Европу?..

Миссъ Морсъ покачала головой.

— Я не настолько близко была знакома съ господиномъ Фейнсомъ, — отвѣтила она. — Нѣсколько лѣтъ назадъ мы съ нимъ познакомились въ Парижѣ... Когда онъ въ послѣдній разъ былъ въ Лондонѣ, осенью, я два раза завтракала съ нимъ...

— Значитъ, до телеграммы вы не получали отъ него писемъ? — продолжалъ разспрашивать инспекторъ.

— За все наше знакомство мы едва-ли разъ обмѣнялись письмами, — отвѣтила миссъ Морсъ. — Онъ такъ же не любилъ писать, какъ и я...

— Значитъ, вы не знаете, почему онъ пріѣхалъ въ Европу?..

— Нѣтъ...

— А онъ пріѣзжалъ въ Европу, вѣроятно, по дѣламъ?.. По какимъ же именно? Не можете ли вы намъ сообщить этого, сударыня?

— Не имѣю ни малѣйшаго представленія...

— А не можете-ли вы дать намъ его американскій адресъ?..

Миссъ Морсъ покачала головой.

— Я вамъ уже говорила: онъ не писалъ мнѣ, — отвѣтила она. — Когда мы встрѣтились въ Парижѣ, мы обмѣнялись нѣсколькими незначущими записками, но...

— Однако, во время разговора онъ, вѣроятно, говорилъ вамъ что-нибудь о своихъ занятіяхъ, — продолжалъ сыщикъ.

— Нѣтъ-нѣтъ, никогда, — тотчасъ же отвѣтила дѣвушка. — И я не имѣю ни малѣйшаго представленія о томъ, чѣмъ онъ занимался...

Глава 4

Миссъ Морсъ разговариваетъ

Инспекторъ былъ смущенъ. Ни одной минуты не вѣрилъ онъ, что миссъ Морсъ говоритъ правду.

— Быть можетъ, вы не желаете, чтобы имя ваше попало въ газеты? Такъ не безпокойтесь, — прибѣгнулъ онъ къ хитрой уловкѣ.

— Разумѣется, — тотчасъ же отвѣтила миссъ Морсъ. — Во всякомъ случаѣ, это не помѣшало бы мнѣ сказать вамъ всю правду... Все, что мнѣ извѣстно по этому дѣлу... Вамъ это можетъ показаться страннымъ, но я положительно ничего не знаю о мистерѣ Фейнсѣ: онъ былъ мнѣ совершенно чужой...

Сыщикъ нѣсколько минутъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости.

— Значитъ, вы дѣйствительно ничѣмъ не можете намъ помочь, сударыня? — спросилъ онъ наконецъ.

— Боюсь, что такъ, — отвѣтила молодая женщина.

— Быть можетъ, потомъ вы что-нибудь припомните, — задумчиво проговорилъ сыщикъ. — Могу я попросить васъ оставить мнѣ вашъ адресъ?...

— Пожалуйста, я живу въ Дэвенхэмъ Гаузъ, — мгновенно и безъ всякаго колебанія отвѣтила миссъ Морсъ.

Онъ записалъ адресъ.

— Я все же осмѣлюсь явиться къ вамъ, — вѣжливо замѣтилъ инспекторъ. — Мы настолько мало освѣдомлены о жертвѣ вчерашняго преступленія, что каждая мелочь, какую удалось бы вамъ припомнить, могла бы намъ быть весьма полезной.

Молодая женщина повернулась къ швейцару.

— Не могу ли я выйти изъ Карлтона, не проходя черезъ вестибюль? — спросила она. — Мнѣ, право, нечего сказать журналистамъ...

— Конечно, сударыня, — тотчасъ же отвѣтилъ тотъ. — Потрудитесь слѣдовать за мной.

Наиболѣе догадливые журналисты все же поймали миссъ Морсъ при выходѣ.

— Не спрашивайте меня ничего о мистерѣ Фейнсѣ, — рѣшительно заявила она имъ. — Мое знакомство съ нимъ было совершенно поверхностнымъ... хотя я и пришла сегодня сюда по его приглашенію. Я не знала о томъ, что онъ убитъ... Для меня это было полнѣйшей неожиданностью, и я не желаю сейчасъ объ этомъ говорить...

Журналисты окружили ее тѣсной стѣной. Но она на всѣ ихъ просьбы отвѣтила отказомъ. Швейцаръ подозвалъ такси и помогъ молодой женщинѣ войти въ него.

Онъ далъ адресъ шофферу и вернулся въ вестибюль, гдѣ поджидалъ его инспекторъ Джексъ.

— Мнѣ кажется, этотъ покойный Фейнсъ былъ очень скромнымъ человѣкомъ, — промолвилъ швейцаръ. — Я теперь припоминаю его... Онъ уже останавливался какъ-то въ нашемъ отелѣ: къ нему никогда никто не заходилъ, и большую часть дня онъ проводилъ въ зимнемъ саду...

Инспекторъ кивнулъ.

— Да... Онъ, повидимому, умѣлъ держать языкъ за зубами... — замѣтилъ онъ. — Гмъ... Замысловатое дѣло! — съ жаромъ воскликнулъ сыщикъ. — Особенно послѣ того, что мы только что узнали... Хотя миссъ Элленъ Морсъ, повидимому, такъ же умѣетъ молчать, какъ и онъ самъ.

— А вамъ извѣстно что-нибудь о ней? — спросилъ швейцаръ.

Инспекторъ внимательно разсматривалъ узоръ ковра.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья. — Во всякомъ случаѣ, она дала очень интересный адресъ...

— Дэвенхэмъ Гаузъ?... — удивился швейцаръ. — Вы знаете, кто живетъ тамъ?

— Герцогъ Дэвенхэмскій, — быстро отвѣтилъ сыщикъ. — Во всякомъ случаѣ она очень интересна и изящна... Хотѣлъ бы я знать, о чемъ они собирались говорить съ мистеромъ Фейнсомъ сегодня за завтракомъ...

Швейцаръ бросилъ на него удивленный взглядъ: онъ не понялъ всего значенія этого замѣчанія.

Миссъ Элленъ Морсъ знала, что за ней слѣдуютъ два такси. Она велѣла шофферу ѣхать въ магазины Хэрродса и черезъ маленькое окошечко въ кузовѣ автомобиля стала слѣдить за погоней.

Сначала оба такси слѣдовали непосредственно за ея машиной. Затѣмъ на людной улицѣ они отстали, и она съ радостью подумала, что они потеряли ее въ массѣ автомобилей. Однако, въ Паркѣ, она снова замѣтила, что они ѣдутъ слѣдомъ за ней.

При выѣздѣ изъ Парка автомобиль миссъ Морсъ едва могъ продвигаться среди экипажей: когда же, наконецъ, машина остановилась передъ магазинами Хэрродса, дѣвушка со вздохомъ облегченія замѣтила, что погоня отстала...

Заплативъ шофферу немного болѣе двойного тарифа, она сказала: — говорите, что я приказала ждать меня здѣсь... Остановитесь здѣсь на четверть часа... Затѣмъ можете уѣзжать...

— Значитъ, вы не вернетесь, миссъ? — спросилъ озадаченный шофферъ.

— Нѣтъ, — быстро отвѣтила дѣвушка. — Но я хочу, чтобы тѣ, которые за мной слѣдятъ, думали, что я вернусь... Пусть потеряютъ немного времени... Это послужитъ имъ наукой впредь...

Шофферъ дотронулся рукой до фуражки и поклонился въ знакъ согласія.

Миссъ Морсъ направилась въ магазинъ и быстро затерялась среди толпы. Не задерживаясь ни у одного изъ прилавковъ, она прошла къ боковой двери и тотчасъ же наняла проѣзжавшее такси.

Ей показалось, что ея маленькая хитрость вполнѣ удалась: по крайней мѣрѣ, она не видѣла болѣе своихъ преслѣдователей.

Приказавъ шофферу остановиться у одного изъ большихъ клубовъ, она набросала карандашомъ нѣсколько словъ на своей визитной карточкѣ и передала ее швейцару.

— Пожалуйста узнайте, здѣсь ли этотъ джентльменъ, — сказала она. — Если онъ здѣсь, то попросите его сойти сюда... Мнѣ нужно поговорить съ нимъ...

Она снова сѣла въ такси и стала ждать. Менѣе, чѣмъ черезъ пять минутъ съ лѣстницы бѣгомъ спустился громаднаго роста широкоплечій молодой человѣкъ.

Въ рукахъ онъ держалъ мягкую элегантную шляпу. Въ его произношеніи слышался сильный американскій акцентъ.

— Элленъ!... — удивленно воскликнулъ онъ. — Вы здѣсь?...

— Дикки, — улыбаясь его растерянному виду отвѣтила дѣвушка. — Я знаю, что мнѣ не слѣдовало пріѣзжать сюда и вызывать васъ изъ клуба... Это была непростительная безтактность... Однако, когда я разскажу вамъ, въ чемъ дѣло, вы отнесетесь, быть можетъ, болѣе снисходительно къ моему поведенію...

— Наоборотъ... Я такъ радъ васъ видѣть!... — перебилъ ее молодой человѣкъ. — Надѣюсь, не случилось ничего ужаснаго...

— Ничего, близко касающагося насъ, во всякомъ слу-

чаѣ, — успокоила она его. — Мнѣ просто нужно переговорить съ вами. Садитесь рядомъ со мной... Мы немного прокатимся...

— Но я играю въ бриджъ, и мы не окончили роббера... — воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Нечего дѣлать! — отвѣтила она. — Дѣло, о которомъ я собираюсь съ вами говорить, гораздо важнѣе вашего роббера. Будьте же благоразумны, Дикки. У васъ даже шляпа въ рукѣ... Садитесь рядомъ и ѣдемъ...

Онъ недоумѣнно поглядѣлъ на нее, но повиновался. Она бросила шофферу адресъ въ Сити. Какъ только они отъѣхали, миссъ Морсъ спросила своего спутника:

— Дикки, вы читаете газеты?

— Не всегда, — улыбаясь отвѣтилъ онъ. — Впрочемъ, я читаю „Нью-Іоркъ-Геральдъ". Англійскія газеты чрезвычайно скучны, не правда ли?...

— Въ такомъ случаѣ, вы, вѣроятно, читали объ этомъ убійствѣ? — спросила она. — Объ убійствѣ въ экстренномъ поѣздѣ между Ливерпулемъ и Лондономъ?

— Разумѣется, — отвѣтилъ онъ съ видимымъ интересомъ. — Вамъ извѣстны еще какія-нибудь подробности?...

— О, да... — спокойно отвѣтила она. — Во-первыхъ убитый, мистеръ Гамильтонъ Фейнсъ, родился въ той же деревнѣ, гдѣ и я воспитывалась... въ Массачузетѣ... Я знаю о немъ, конечно, больше, чѣмъ кто бы то ни былъ въ этой странѣ... Сегодня я должна была позавтракать съ нимъ въ Карлтонѣ... Но, вѣдь, я вродѣ васъ: я едва просматриваю англійскія газеты...

И миссъ Морсъ разсказала своему спутнику все, что произошло въ отелѣ, и о погонѣ журналистовъ.

— Скажите же, Элленъ, — воскликнулъ молодой человѣкъ. — Кто былъ этотъ мистеръ Фейнсъ, и почему вы должны были съ нимъ завтракать?...

— Это не имѣетъ никакого значенія, — нетерпѣливо прервала она его. — Вѣдь, вы не повѣряете мнѣ всѣхъ своихъ тайнъ, мистеръ Вандерполь? Почему же я должна вамъ все разсказывать?... Увы!... Бѣдный Фейнсъ уже ни-

когда ни съ кѣмъ не будетъ завтракать... Но о чемъ вы задумались?...

Молодой человѣкъ отвѣтилъ не сразу:

— Мнѣ странно, что вы согласились завтракать съ человѣкомъ, котораго я не зналъ... Но, положимъ, это не мое дѣло... — замѣтилъ онъ. — Вы видѣли дневные выпуски газетъ?

— Конечно, же нѣтъ Дикки! — воскликнула Эллень.— Вѣдь я же говорила вамъ, что не читаю англійскихъ газетъ... Я прочла лишь ту замѣтку, которую мнѣ показали въ Карлтонѣ.

— Странно, что никто ничего не знаетъ объ этомъ таинственномъ человѣкѣ... — сказалъ молодой человѣкъ. — Во всякомъ случаѣ, онъ занималъ въ Америкѣ какое-нибудь выдающееся положеніе: письмо капитану вѣдь было подписано предсѣдателемъ Трансатлантической компаніи, а письмо начальнику станціи — предсѣдателемъ самой крупной желѣзнодорожной компаніи въ мірѣ. Но зачѣмъ я вамъ все это говорю... Вѣроятно, вы больше, чѣмъ кто бы то ни было, знаете о немъ?...

— Я разскажу вамъ все, что знаю о немъ, — промолвила молодая женщина. — Еще нѣсколько лѣтъ назадъ онъ былъ простымъ конторщикомъ въ правительственномъ учрежденіи въ Вашингтонѣ. Онъ былъ очень трудолюбивъ и слылъ „человѣкомъ съ головой“. Отъ времени до времени онъ писалъ мнѣ. Въ одинъ прекрасный день онъ вдругъ очутился въ Лондонѣ. Мнѣ онъ сказалъ, что пріѣхалъ по дѣламъ. По тѣмъ же дѣламъ онъ затѣмъ направился въ Берлинъ... Во время этого путешествія мы часто съ нимъ видѣлись.

— Вотъ какъ?... — воскликнулъ молодой человѣкъ.

Эллень весело разсмѣялась.

— Дикки, надѣюсь, вы не ревнуете, — проговорила она. — Я знаю, что вы очень влюблены, но увѣрена, что мы съ вами всегда останемся лишь друзьями... Не правда-ли? — Она лукаво усмѣхнулась. — Я могу продолжать свой разсказъ?

— Конечно же!

— Въ такомъ случаѣ не прерывайте меня... Я въ то время уже хорошо знала Лондонъ, онъ же былъ здѣсь въ первый разъ. Вотъ почему мы часто съ нимъ видѣлись: я показывала ему достопримѣчательности города. О своихъ дѣлахъ онъ никогда ничего мнѣ не разсказывалъ. Не говорилъ и о томъ, что заставило его прiѣхать въ Европу... Но какъ-то, передъ своимъ отъѣздомъ, онъ все-же проговорился...

— То-есть? — быстро спросилъ Дикки.

Элленъ на мгновенiе задумалась.

— Не знаю, хорошо-ли, что я разсказываю вамъ все это, — начала она. — Я дѣлаю это потому, что мы съ вами земляки... И еще потому, что вы — начинающiй дипломатъ... А мнѣ очень хочется помочь вамъ сдѣлать карьеру...

Дикки задумался.

— Пожалуйста, Элленъ, не разсказывайте мнѣ ничего, если то, что вы хотите сказать — чужая тайна, — воскликнулъ онъ, наконецъ. — Я хотѣлъ бы предложить вамъ только одинъ вопросъ.

— Какой же?..

— Я хотѣлъ бы знать, какое отношенiе имѣетъ моя служба къ вашему разсказу?

— Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я должна разсказать вамъ все, а я еще не рѣшила окончательно, дѣлать ли это или нѣтъ, — задумчиво произнесла Элленъ.

— Тогда скажите мнѣ только то, — сказалъ онъ, — что сказалъ вамъ Фейнсъ передъ отъѣздомъ — могло бы это помочь разгадать тайну этого убiйства?..

— Да... Быть можетъ, — сказала она.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы разсказать объ этомъ кому слѣдуетъ... — замѣтилъ Дикки.

— Да! Полицiя ничего не узнаетъ, покуда я не вмѣшаюсь въ дѣло! — воскликнула дѣвушка.

— Вы шутите, Элленъ? — удивленно спросилъ ее молодой человѣкъ.

— Я говорю совершенно серьезно, — отвѣтила миссъ Морсъ. — Я — одна изъ немногихъ, которыя могли бы направить полицiю на вѣрный слѣдъ...

— Но что же вамъ мѣшаетъ это сдѣлать? — все болѣе и болѣе удивляясь спросилъ Дикки.

— Я не знаю, что лучше: говорить объ этомъ, или молчать? — задумчиво произнесла дѣвушка. — Во всякомъ случаѣ, вамъ я могу кое-что сообщить.

Она помолчала мгновеніе и добавила:

— Я знаю, что послѣднее путешествіе въ Европу мистеръ Фейнсъ совершалъ по порученію правительства.

Дикки ошеломленно посмотрѣлъ на свою спутницу.

— Вы въ этомъ увѣрены, Элленъ? — Но я не понимаю... Вѣдь онъ не состоялъ на службѣ...

— Вы еще очень юный и неопытный дипломатъ, Дикки! — сказала дѣвушка. — Развѣ вы не знаете, что правительство нерѣдко даетъ порученія частнымъ лицамъ? Что такимъ образомъ часто передаются пакеты и письма, которые не желаютъ пересылать черезъ посольства...

— Быть можетъ, это принято здѣсь, въ Европѣ, — промолвилъ молодой человѣкъ. — Но, долженъ сознаться, я не думалъ, что такъ можетъ поступать наше правительство...

— Вотъ видите, Дикки... Вѣкъ живи, вѣкъ учись, — съ лукавой улыбкой промолвила Элленъ. — Еще недавно мы, американцы, слѣдовали всецѣло доктринѣ Монрое... Теперь другія времена...

— Вы говорите, какъ настоящій дипломатъ!

— Быть можетъ, я и на самомъ дѣлѣ настоящій дипломатъ, — промолвила дѣвушка. — Вѣдь молодой женщинѣ нужно-же чѣмъ-нибудь заполнить свой досугъ...

Дикки весело разсмѣялся.

— Недурно сказано для молодой женщины, которую еще на прошлой недѣлѣ „Нью-Іоркъ-Геральдъ“ назвалъ одной изъ самыхъ блестящихъ женщинъ англійскаго общества!..

Элленъ пожала плечами и насупилась.

— Ахъ, Дикки! — воскликнула она. — Если бы я не была хороша, изящна и остроумна, то, конечно, никто не принялъ бы меня. Американкы-безприданницы не очень цѣнятся въ англійскомъ обществѣ...

— О чемъ-же вы думаете, Элленъ? Почему же вы до

сихъ поръ не вышли замужъ за меня? — воскликнулъ Дикки.

— Я подожду, пока вы подрастете еще, — весело отвѣтила миссъ Морсъ. — Теперь же вернемтесь къ мистеру Фейнсу.

Молодой человѣкъ глубоко вздохнулъ.

— Я лишь хотѣла сказать, — замѣтила молодая дѣвушка, — что убійство сильно встревожило меня. Кому-то, повидимому, стало извѣстно, что онъ — тайный агентъ правительства... При немъ могли быть важные документы. И даже, навѣрное, были...

— Пожалуй, вы правы, — согласился молодой человѣкъ.

— Теперь я скажу вамъ откровенно, зачѣмъ я увлекла васъ изъ клуба, — серьезно проговорила миссъ Морсъ. — Въ послѣдній разъ я завтракала съ Фейнсомъ тотчасъ же по возвращенiи его изъ Берлина. Онъ далъ мнѣ тогда очень важное и отвѣтственное порученіе... Онъ передалъ мнѣ письмо къ министру Харви...

Дикки изумился.

— Ничего не понимаю!.. — воскликнулъ онъ. — Почему онъ передалъ письмо вамъ, будучи въ Лондонѣ...

— Не забѣгайте впередъ, — съ улыбкой перебила его Элленъ. — Я, конечно, тотчасъ же предложила ему и сама этотъ вопросъ. Оказывается, въ Америкѣ было условлено, что Фейнсъ не долженъ переступать порога посольства, во время своихъ дѣловыхъ поѣздокъ по Европѣ. Онъ даже не долженъ былъ встрѣчаться съ лицами, имѣвшими какое-либо отношеніе къ американскому посольству. Всѣ документы передавались имъ черезъ третьихъ лицъ и, по возможности, въ двухъ экземплярахъ. Напримѣръ, письмо, переданное мнѣ, также изготовлено было въ двухъ экземплярахъ...

— Боже милостивый!.. Но почему же этотъ Фейнсъ избралъ именно васъ для такого порученія? — воскликнулъ Дикки.

— Вы, вѣдь, знаете, что я очень дружила съ первой женой Харви. Въ то время она была еще жива, и я почти каждый день бывала въ посольствѣ... Теперь, быть можетъ,

вы поймете, почему Фейнсъ пригласилъ меня завтракать въ Карлтонѣ...

Дикки сидѣлъ въ глубокой задумчивости.

— Я рѣшительно недоумѣваю, что могло заключать письмо, которое собирался передать вамъ сегодня Фейнсъ?— тихо промолвилъ онъ.

— Одно несомнѣнно, — замѣтила Элленъ. — Въ настоящее время оно уже въ рукахъ тѣхъ, чьи интересы пострадали бы, если бы оно было вручено по адресу.

— Что же вы хотите, чтобы я разсказалъ своему начальству? — послѣ мгновеннаго раздумья спросилъ Дикки.

— Все!.. Отъ перваго до послѣдняго слова... — тотчасъ же отвѣтила Элленъ. — Видите, какъ я забочусь о вашей дипломатической карьерѣ?..

Наступило недолгое молчаніе. Миссъ Морсъ разсѣянно смотрѣла въ окно, погруженная въ свои мысли.

И вдругъ она сказала:

— Меня теперь занимаетъ совсѣмъ другой вопросъ.

— Какой именно? — быстро спросилъ ея спутникъ.

— Что изъ всего этого мнѣ слѣдуетъ разсказать инспектору Джексу?

Глава 5

Человѣкъ, знавшій Фейнса

На станціи Эстонъ, къ моменту прихода поѣзда съ пассажирами „Лузитаніи“, собрались, естественно, журналисты отъ всѣхъ лондонскихъ газетъ. Молодому сотруднику „Ивнингъ Кометъ“ особенно посчастливилось: ему удалось, по описанію, полученному изъ Ливерпуля, узнать единственнаго пассажира котораго видѣли въ обществѣ погибшаго американца на пароходѣ.

— Я имѣю удовольствіе разговаривать съ мистеромъ Кульсономъ? — спросилъ онъ, подойдя къ тучному сѣдому человѣку съ сѣдыми усами, явно американскаго облика.

Толстякъ окинулъ журналиста привѣтливымъ взглядомъ.

— Да, вы не ошиблись, — отвѣтилъ онъ. — А вы — представитель фирмы Спенсеръ и Мейльсъ, не такъ ли?..

— Спенсеръ и Мейльсъ?.. — удивленно повторилъ журналистъ.

— Ну, да... извѣстной лондонской фирмы... Торговля шерстью... Они хотѣли меня видѣть тотчасъ же по прiѣздѣ и даже обѣщали выслать одного изъ своихъ агентовъ мнѣ навстрѣчу...

Молодой человѣкъ отрицательно покачалъ головой и вкрадчивымъ голосомъ сказалъ:

— Мнѣ очень жаль, сэръ, но я явился сюда не отъ фирмы „Спенсеръ и Мейльсъ". Я сотрудникъ вечерней газеты, сэръ... Одинъ изъ моихъ ливерпульскихъ друзей телеграфировалъ мнѣ... Вы, кажется, были знакомы съ мистеромъ Фейнсомъ, сэръ?

Мгновенно помрачнѣвшiй мистеръ Кульсонъ хмуро посмотрѣлъ на журналиста, поставилъ чемоданъ на платформу и принялся раскуривать сигару.

— Странное дѣло... — проворчалъ онъ. — Если я разговаривалъ съ бѣднягой на пароходѣ, то почему я долженъ отвѣчать на разспросы господъ журналистовъ? Не лучше ли было имъ обратиться къ родственникамъ этого несчастнаго...

— Но мистеръ Кульсонъ, — взмолился журналистъ. — Мы даже не знаемъ, есть ли у него родственники?.. Между тѣмъ, многiя газеты печатаютъ всякiя небылицы...

— Могу себѣ представить! — съ улыбкой отвѣтилъ американецъ. — У насъ въ Америкѣ вѣдь тоже есть вечернiя газеты...

— Что дѣлать, — усмѣхнулся и журналистъ. — Наше любопытство вполнѣ понятно. — Убiйство это такъ необычайно: преступникъ какъ бы исчезъ. Мы даже не знаемъ, прiѣхалъ ли онъ въ Европу въ качествѣ туриста или по дѣламъ... Судя по деньгамъ, найденнымъ на немъ, онъ былъ очень состоятельнымъ человѣкомъ...

Тутъ мистеръ Кульсонъ неожиданно кивнулъ журналисту головой и попыхивая огромной сигарой, направился къ выходу.

Однако, отъ того не такъ-то легко было отдѣлаться: онъ слѣдовалъ за американцемъ по пятамъ.

— Не думаю, чтобы я могъ помочь вамъ, — сказалъ, наконецъ мистеръ Кульсонъ, — даже разсказавъ вамъ то немногое, что мнѣ извѣстно объ этомъ бѣднягѣ... Однако, если хотите, садитесь со мной въ такси. Я ѣду въ Савой Отель, и по дорогѣ мы поговоримъ.

Глава 6.

Свѣдѣнія мистера Кульсона

Журналистъ, разумѣется, немедленно согласился и принялся горячо благодарить американца.

Тотъ грузно опустился на сидѣнье, передвинулъ движеніемъ губъ сигару въ самый уголъ рта, чтобы имѣть возможность разговаривать, не вынимая ея, посмотрѣлъ въ окно, вздохнулъ и сказалъ:

— Ваша столица совсѣмъ не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я былъ здѣсь послѣдній разъ...

— Вь этой части города, дѣйствительно, нѣтъ никакихъ перемѣнъ, — отвѣтилъ журналистъ. — Зато около Стэнда много новыхъ зданій...

— Такъ!... Такъ!... — промолвилъ американецъ. — Простите, я отвлекся... Вѣдь васъ интересуетъ Гамильтонъ Фейнсъ, не такъ ли? Я, дѣйствительно былъ знакомъ съ нимъ, но боюсь, что вамъ придется побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь, болѣе хорошо знакомымъ съ нимъ, нежели я... Иначе врядъ ли вамъ удастся написать интересную статью для вашей газеты...

— Даже самыя незначительныя подробности интересны для насъ, — поспѣшилъ завѣрить мистера Кульсона начинавшій приходить въ отчаяніе журналистъ.

— Гамильтонъ Фейнсъ, — началъ американецъ, — насколько я зналъ его, былъ спокойный, безобидный человѣкъ. Послѣднія пятнадцать лѣтъ онъ получалъ жалованье отъ правительства и половину его откладывалъ. Время отъ

времени онъ наѣзжалъ сюда въ Европу... И что бы вы думали? Какъ только этотъ благородный человѣкъ попадалъ въ ваши столицы, онъ становился страшнымъ мотомъ! Года три назадъ я встрѣтилъ его въ Лондонѣ. Ему нужно было ѣхать въ Парижъ. И этотъ чудакъ ни съ того, ни съ сего заказалъ себѣ экстренный поѣздъ! Этакой, подумаешь, принцъ!

— А почему онъ это сдѣлалъ? — съ любопытствомъ спросилъ журналистъ.

— Такой онъ ужъ былъ оригиналъ. Взять хотя бы это послѣднее путешествіе на „Лузитаніи". Первый день онъ еще разговаривалъ со мной... И то лишь потому, что было бы слишкомъ невѣжливо сразу отъ меня отвернуться... А затѣмъ, за все время путешествія, онъ ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова... Сидѣлъ въ своей каютѣ, или выходилъ на палубу, когда тамъ никого не было.

— Странно... — прошепталъ журналистъ.

— Когда мы уже подходили къ Ливерпулю, онъ то и дѣло поглядывалъ на часы и разспрашивалъ матросовъ, когда мы придемъ... Оказывается, онъ пригласилъ къ завтраку какую-то даму и очень безпокоился, что не пріѣдетъ во-время... Изъ-за этого-то онъ сошелъ съ парохода, не сказавъ никому ни слова, и заказалъ экстренный поѣздъ...

— Однако, — возразилъ журналистъ, — у него были заготовлены письма, которыя онъ и передалъ капитану парохода и начальнику станціи въ Ливерпулѣ... Намъ кажется страннымъ такая предусмотрительность.

— Ну, у насъ въ Америкѣ это дѣлается очень просто, — отвѣтилъ Кульсонъ. — Онъ всегда былъ хорошимъ работникомъ и тихимъ и скромнымъ человѣкомъ. Неудивительно, поэтому, что ему было сдѣлано такое одолженіе...

— Все то, что вы мнѣ сообщили, чрезвычайно интересно, — замѣтилъ молодой человѣкъ. — И я очень признателенъ вамъ, мистеръ Кульсонъ. Но не можете ли вы мнѣ сказать еще вотъ что: не было ли у мистера Фейнса враговъ? Не было ли въ его характерѣ, или въ его образѣ жизни чего-нибудь способнаго возбудить вражду? Незначу-

щая подробность можетъ иной разъ послужить къ разгадкѣ самаго таинственнаго преступленія.

— Не знаю... не знаю, — развелъ руками американецъ. — Я могу лишь съ несомненностью сказать, что у мистера Фейнса было съ собой гораздо больше денегъ, чѣмъ нашли при немъ послѣ убійства... По моему, онъ былъ убитъ именно съ цѣлью грабежа... Грабитель, естественно, понималъ, что у человѣка, заказывающаго экстренный поѣздъ, не пусто въ карманѣ... М-да... Какимъ образомъ онъ былъ убитъ, — дѣло полиціи... Но я твердо убѣжденъ, что убитъ онъ былъ изъ-за денегъ...

Журналистъ глубоко вздохнулъ. Разговоръ съ американцемъ слегка разочаровалъ его.

Автомобиль подъѣзжалъ къ „Савой-Отелю". Журналистъ сталъ было благодарить своего спутника, но мистеръ Кульсонъ сказалъ:

— Я долженъ угостить васъ стаканомъ виски.

— Но, мистеръ Кульсонъ! — воскликнулъ журналистъ, — это я долженъ...

— Какъ вы много говорите, молодой человѣкъ! — перебилъ его американецъ. — Мы пройдемъ съ вами въ баръ — и ни слова больше!

Онъ передалъ швейцару свой чемоданъ и спросилъ:

— Комната для меня оставлена, не такъ ли? Я мистеръ Джемсъ Кульсонъ изъ Нью-Іорка... Я заранѣе написалъ, чтобы мнѣ оставили комнату...

Въ барѣ журналистъ снова навелъ разговоръ на интересовавшее его убійство.

— Повторяю вамъ, что бѣдный Фейнсъ былъ необычайно скрытенъ... Быть можетъ, это-то и погубило его... быть можетъ... Фейнсъ любилъ поважничать...

Журналистъ распрощался со своимъ новымъ знакомымъ и поспѣшилъ въ редакцію.

Черезъ нѣсколько часовъ вышло экстренное изданіе „Ивнингъ Кометъ".

А еще черезъ часъ „Савой-Отель" оказался наводненнымъ толпой людей, желавшихъ во что бы то ни стало по-

видать мистера Кульсона — „личнаго друга убитаго Фейнса“.

Однимъ изъ первыхъ явился мистеръ Джексъ. Послѣ того какъ лакей вернулъ ему посланную имъ американцу карточку, онъ положилъ ее въ конвертъ, запечаталъ и написалъ на конвертѣ „Скотлэндъ-Ярдъ“.

Кульсонъ одѣвался и принялъ инспектора въ своей комнатѣ.

— Мистеръ Кульсонъ, — сказалъ сыщикъ, — я являюсь къ вамъ по порученію Скотлэндъ-Ярда. — Насколько я знаю, вы были немного знакомы съ покойнымъ Фейнсомъ и, надѣюсь, согласитесь отвѣтитъ на нѣкоторые вопросы...

Кульсонъ сѣлъ за туалетный столъ и сталъ щеткой приглаживать волосы...

— И откуда вы все это такъ быстро узнали? — спросилъ онъ.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, — возразилъ сыщикъ. — Вѣдь, до меня вы, насколько я понялъ, бесѣдовали съ журналистомъ...

— Совершенно вѣрно, — кивнулъ американецъ. — Теперь мнѣ кажется, что не слѣдовало такъ долго разговаривать съ этимъ молодымъ человѣкомъ. Я только что прочелъ его замѣтку...

Американецъ отложилъ щетку и усмѣхаясь добавилъ:

— Совѣтую вамъ, мистеръ Джексъ, просто купить эту газету. Я рѣшительно ничего не могу прибавить къ тому, что въ ней сказано,..

— Однако, все, что вы сказали этому журналисту, не проливаетъ не малѣйшаго свѣта на обстоятельства, при которыхъ совершено было убійство, — замѣтилъ Джексъ.

— Это уже не моя вина, — отвѣтилъ Кульсонъ. — Я не могу сказать вамъ того, чего не знаю...

— Вы были знакомы съ Фейнсомъ много лѣтъ назадъ, не правда ли? — продолжалъ допытываться сыщикъ. — Не

можете вы мнѣ сказать, какими дѣлами онъ занимался въ то время?...

— Насколько мнѣ извѣстно, онъ въ то время былъ чиновникомъ одного изъ государственныхъ учрежденій Вашингтона.

— Какого именно учрежденія? — продолжалъ разспрашивать сыщикъ.

— Не могу вамъ точно сказать, — отвѣтилъ американецъ. — Мистеръ Фейнсъ мнѣ, разумѣется, говорилъ, въ какомъ именно учрежденіи онъ служитъ, но я не обратилъ на это вниманія... Не все ли мнѣ было равно?

— А вы имѣете какое-нибудь представленіе, какого рода работу онъ исполнялъ въ этомъ учрежденіи?

— Конечно, нѣтъ! — воскликнулъ мистеръ Кульсонъ, снова взявшись за щетку. — Мнѣ даже никогда не приходило въ голову спросить его объ этомъ... Я лишь знаю, что мистеръ Фейнсъ былъ спокойный и приличный человѣкъ, правда со странностями, но... онъ былъ оригиналъ.

Инспекторъ былъ разочарованъ.

— Не знаете ли вы хотя бы, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Европу? — уже безъ всякой надежды, узнать что-либо интересное спросилъ онъ.

— Я сказалъ уже, что видѣлъ его лишь мелькомъ на палубѣ. Онъ еле разговаривалъ со мной... И даже въ концѣ концовъ сталъ избѣгать меня: стоило мнѣ покзззаться на палубѣ, какъ онъ тотчасъ же уходилъ въ свою каюту... Говорю вамъ: человѣкъ съ причудами...

— Да, это былъ очень странный человѣкъ, — соглагласился инспекторъ, — между прочимъ, вы сказали, что у него, несомненно, было съ собой гораздо больше денегъ, чѣмъ было найдено въ его карманахъ?

— Я совершенно случайно видѣлъ, какъ онъ получалъ въ конторѣ передъ тѣмъ, какъ сойти съ парохода, сданныя имъ на храненіе деньги, — отвѣтилъ американецъ. У него было нѣсколько тысячедолларовыхъ билетовъ...

Инспекторъ сдѣлалъ нѣсколько помѣтокъ въ своей записной книжкѣ.

— Такъ вы лично думаете, что онъ былъ убитъ съ цѣлью грабежа? — спросилъ онъ немного подумавъ.

— Во всякомъ случаѣ, это мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ... — тотчасъ же отвѣтилъ американецъ.

Инспекторъ не могъ не согласиться.

— Скажите... вы не слышали, не былъ ли мистеръ Фейнсъ съ кѣмъ-нибудь въ ссорѣ? — продолжалъ свои разспросы сыщикъ.

— Никогда, — быстро отвѣтилъ американецъ. — Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ не бываетъ ни враговъ, ни друзей...

Инспекторъ взялся за шляпу.

— Вы надолго пожаловали къ намъ? — спросилъ онъ американца.

— Я останусь здѣсь, вѣроятно, около недѣли, отвѣтилъ мистеръ Кульсонъ. Я торгую сукнами, и въ Лондонѣ у меня — нѣсколько дѣловыхъ свиданій. Затѣмъ я ѣду въ Парижъ... Я всегда къ вашимъ услугамъ — здѣсь въ Савой-Отелѣ, или Грандъ Отелѣ въ Парижѣ. Что же касается бѣдняги Фейнса, то, къ сожалѣнію, ничего не могу вамъ сообщить о немъ...

Послѣ ухода Джекса, американецъ отложилъ щетку и подошелъ къ телефону.

Глава 7

Мистеръ Кульсонъ безъ маски.

— Это мистеръ Джемсъ Кульсонъ изъ Нью-Iорка, — сказалъ американецъ, когда телефонная станція его соединила. — Я лишь сегодня утромъ пріѣхалъ на „Лузитаніи“ и остановился въ Савой Отель, комната номеръ 443.

Послѣдовало короткое молчаніе. Затѣмъ послышался отвѣтъ:

— Будьте сегодня въ семь часовъ вечера въ барѣ или въ курительной комнатѣ... Если ничего не случится, не выходите сегодня вечеромъ изъ отеля...

Кульсонъ повѣсилъ трубку.

Въ то же время въ комнату постучался разсыльный.

— Васъ желаетъ видѣть молодая дама, сэръ, — сказалъ онъ. — Вотъ ея карточка.

„Миссъ Элленъ Морсъ“, прочелъ американецъ, взявъ карточку съ подноса. — Странно, какъ много людей желаетъ меня видѣть сегодня... — проворчалъ онъ. — Хорошо, скажите, что я сейчасъ спущусь внизъ...

— Слушаюсь, сэръ, — отвѣтилъ мальчикъ. — Съ молодой дамой пріѣхалъ еще и господинъ... — прибавилъ онъ. — Его карточка также тамъ на подносѣ.

Тутъ только американецъ обратилъ вниманіе на вторую карточку:

„Сэръ Чарльзъ Сомерфильдъ“.

Кульсонъ быстро кончилъ свой туалетъ и спустился внизъ.

Кульсонъ смѣнилъ дорожный костюмъ на смокингъ, сшитый у лучшаго нью-іоркскаго портного. Однако, по нѣкоторымъ мелкимъ подробностямъ покроя и, главное, по жилету, опытный глазъ англичанина сразу узналъ въ немъ гражданина заатлантической республики.

Мальчикъ проводилъ его въ уголъ гостиной, гдѣ сидѣли посѣтители.

Молодой человѣкъ быстро поднялся со своего стула. Это былъ высокаго роста широкоплечій молодой англичанинъ, одѣтый съ изысканной элегантностью.

— Простите, что мы потревожили васъ тотчасъ же послѣ вашего утомительнаго путешествія, — сказалъ молодой человѣкъ. — Но миссъ Элленъ Морсъ (Кульсонъ поклонился молодой дѣвушкѣ) непремѣнно хотѣла съ вами познакомиться... Миссъ Морсъ боялась, что вы можете уѣхать, не повидавъ ея...

Элленъ вмѣшалась въ разговоръ.

— Боюсь, что я очень разсердила васъ своимъ непрошеннымъ посѣщеніемъ! — воскликнула она.

Мистеръ Кульсонъ, хотя не любилъ терять время на ухаживаніе за женщинами, замѣтилъ, что молодая посѣтитель-

ница его очень хороша и что улыбка ея въ высшей степени привлекательна. Одѣта она была просто и изящно.

— Чѣмъ могу быть полезенъ вамъ? — спросилъ американецъ.

— Дѣло касается бѣднаго мистера Фейнса... — начала молодая женщина. — Полчаса назадъ я прочла въ вечерней газетѣ вашу бесѣду съ журналистомъ... И не могла удержаться... Мнѣ хотѣлось спросить васъ, не знаете ли вы еще какихъ-нибудь подробностей объ этомъ ужасномъ преступленіи? Я не рѣшилась придти сюда одна и попросила сэра Чарльза проводить меня...

Молодая женщина указала американцу мѣсто рядомъ съ собой. Онъ грузно опустился на диванъ и уперся руками въ колѣна.

— Вѣроятно, вы были хорошо знакомы съ мистеромъ Фейнсомъ? — въ свою очередь спросилъ онъ.

— Я хорошо знала его, — тотчасъ же отвѣтила Элленъ, — и его ужасная смерть была для меня сильнымъ ударомъ... Когда я прочла вашу бесѣду съ журналистомъ, я сразу поняла, что вы разсказали ему не все, что вамъ извѣстно... Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго... Не можетъ же человѣкъ разсказывать всю свою жизнь первому встрѣчному журналисту...

— Я вижу, что вы очень умны и сообразительны, сударыня, — замѣтилъ американецъ. — Вѣроятно, вы и сами надѣялись повидать здѣсь мистера Фейнса?

— Я должна была завтракать съ нимъ сегодня, — тотчасъ же отвѣтила Элленъ. — Онъ послалъ мнѣ каблограмму изъ Куинстоуна... Я была такъ потрясена... Вѣдь мистеръ Фейнсъ былъ такой спокойный, ровный человѣкъ... Я даже не могу себѣ представить, чтобы у него были враги... Вы не согласны со мной, мистеръ Кульсонъ?..

— Я долженъ васъ разочаровать, миссъ Морсъ, — началъ американецъ. — Я очень мало зналъ бѣднаго Фейнса, а здѣсь въ Европѣ почему-то всѣ вообразили, что онъ былъ моимъ лучшимъ другомъ... Сначала — этотъ журналистъ... Потомъ — инспекторъ изъ Скотлэндъ-Ярда... Онъ почему-то вообразилъ, что мы чуть ли не вмѣстѣ росли и воспитывались съ ми-

стеромъ Фейнсомъ. Я долженъ былъ отвѣтить на цѣлый списокъ принесенныхъ имъ вопросовъ... Едва за нимъ закрылась дверь, какъ приходитъ мальчикъ и приноситъ вашу карточку...

— Быть можетъ, — сказала Элленъ, поднимая на него свои прекрасные глаза и улыбаясь, — вы сами немного виноваты въ этомъ: вы слишкомъ много разговаривали съ журналистомъ?

— Журналисты — удивительные люди! — воскликнулъ американецъ. — Пока я разговаривалъ съ нимъ, мнѣ казалось, что мы съ Фейнсомъ всю жизнь были близки, какъ братья... Но, вѣроятно, вы знали его немного больше меня, миссъ Морсъ?

— Мы воспитывались съ нимъ вмѣстѣ въ одной деревнѣ, — проговорила молодая дѣвушка.

Лицо ея сдѣлалось вдругъ совершенно серьезнымъ.

— Мы играли съ нимъ, когда были дѣтьми...

Американецъ окинулъ дѣвушку удивленнымъ взглядомъ.

— Я не зналъ, что у Фейнса были близкіе друзья въ Европѣ, — замѣтилъ онъ.

— Я вѣдь и не говорила, что мы были съ нимъ близкими друзьями, — поправила она. — Я пріѣхала въ Европу девять лѣтъ назадъ. Съ тѣхъ поръ мы, конечно, очень рѣдко съ нимъ видѣлись... Быть можетъ, меня поразила его трагическая смерть именно потому, что я должна была сегодня съ нимъ увидѣться...

Американецъ откинулся на спинку стула и положилъ ногу на ногу.

— Да... Это такъ понятно... — согласился онъ.

— Вы часто видѣли Фейнса во время путешествія? — спросилъ сэръ Чарльзъ.

— Нѣтъ, онъ все время избѣгалъ и меня, и другихъ пассажировъ... — Мнѣ кажется, никто изъ нихъ и не узналъ бы его.

— Кажется, онъ былъ очень скрытенъ?

— Очень, — подтвердилъ американецъ. — Мнѣ представляется, что онъ велъ весьма умѣренный образъ жизни и откладывалъ большую часть жалованія для путешествій въ Европу.

— Онъ не казался вамъ особенно возбужденнымъ во время путешествія? — спросила Элленъ. — Вамъ не казалось, что онъ предчувствуетъ несчастье?

— Я ничего не замѣтилъ, — покачалъ головой американецъ. — Вашей европейской полиціи далеко до нашей, — прибавилъ онъ. — У насъ бы давно напали на слѣдъ убійцы... Однако, помяните мое слово: нашъ бѣдный другъ поплатился за то, что былъ такимъ мотомъ, когда пріѣзжалъ въ Европу.

— Неужели онъ, дѣйствительно, такъ безразсудно тратилъ деньги? — удивленно спросилъ Соммерфильдъ.

— Въ Европѣ онъ положительно сходилъ съ ума, — воскликнулъ американецъ. — Я помню, онъ какъ-то нанялъ лакея и переводчика и они повсюду таскались за нимъ... Для чего? Неизвѣстно... Какую работу онъ могъ придумать для этого бездѣльника? Я разумѣю лакея... А на европейскихъ языкахъ онъ говорилъ лучше всякаго переводчика... Онъ былъ въ Европѣ, что называется „снобомъ"... Разыгрывалъ изъ себя милліонера, и вотъ — результаты...

— Вы часто встрѣчались съ мистеромъ Фейнсомъ на родинѣ? — спросила Элленъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— О, нѣтъ! — тотчасъ же отвѣтилъ американецъ. — Какъ-то я случайно встрѣтилъ его въ Вашингтонѣ въ Атлантикъ-Гаузъ и чуть ли не насильно долженъ былъ тащить его выпить коктейль. Я совершенно не знаю Вашингтона, и онъ не предложилъ мнѣ даже осмотрѣть городъ, или зайти къ нему въ клубъ... Онъ выпилъ свой коктейль, пробормоталъ, что страшно торопится, и скрылся...

Элленъ глубоко вздохнула и опустила глаза.

— Я очень благодарна вамъ, мистеръ Кульсонъ, что вы согласились принять насъ, особенно послѣ того, какъ васъ столько разъ уже тревожили сегодня... — тихо промолвила она. — Все же я нѣсколько разочарована: мистеръ Фейнсъ не былъ такимъ нелюдимымъ въ то время, какъ мы съ нимъ вмѣстѣ ходили въ школу въ Массачузетѣ... Кромѣ того, за послѣднее время, насколько мнѣ извѣстно, онъ много путешествовалъ: а это тоже скорѣе развиваетъ въ человѣкѣ общительность.

Тутъ она подняла на американца свои прекрасные глаза и окинула его испытующимъ взглядомъ.

Мистеръ Кульсонъ не опустилъ глазъ подъ ея пристальными взглядомъ. Ни одинъ мускулъ его лица не дрогнулъ. Черезъ нѣкоторое время онъ съ нерѣшительностью замѣтилъ:

— Я не сказалъ бы, чтобы онъ такъ много путешествовалъ за послѣднее время.

Элленъ поднялась съ дивана.

— Еще разъ благодарю васъ, мистеръ Кульсонъ, — сказала она. — И простите, что мы такъ задержали васъ: меня такъ волновала неожиданная смерть мистера Фейнса.

— Да... Весьма печальный конецъ, — отвѣтилъ Кульсонъ, провожая Элленъ и ея спутника до двери. — До свиданія, миссъ. До свиданія, сэръ Чарльзъ...

Проводивъ своихъ посѣтителей, Кульсонъ посмотрѣлъ на часы. Было уже четверть седьмого. Онъ прошелъ въ ресторанъ, заказалъ легкій обѣдъ и съѣлъ его съ большимъ аппетитомъ.

Затѣмъ онъ закурилъ сигару, перешелъ въ курительную комнату и усѣлся у камина съ газетой въ рукахъ.

Ровно въ семь часовъ въ комнату вошелъ Ричардъ Вандерполь. Окинувъ быстрымъ взглядомъ всѣхъ находившихся въ ней, онъ подошелъ къ американцу.

Въ безукоризненно сшитомъ фракѣ Вандерполь мало чѣмъ отличался отъ англичанина. Бѣлый жилетъ и мастерски завязанный галстухъ не выдавали гражданина заокеанской республики.

— Мистеръ Джемсъ Кульсонъ изъ Нью-Іорка? — съ улыбкой спросилъ онъ.

— Онъ самый, — отвѣтилъ американецъ, внимательно взглянувъ на молодого человѣка.

— Очень радъ познакомиться съ вами, — промолвилъ Дикки. Добродушная улыбка не сходила съ его лица. — Вы сейчасъ лишь съ парохода, не правда ли?

Американецъ сказалъ въ отвѣтъ нѣсколько любезныхъ словъ.

Лакей, проходившій мимо, на нѣсколько секундъ задержался около нихъ, въ ожиданіи заказа.

— Выпьемъ что-нибудь? — спросилъ молодой человѣкъ.

— Да, — отвѣтилъ американецъ. — Я хорошо пообѣдалъ и съ удовольствіемъ выпью чернаго кофе и рюмку коньяку.

— А мнѣ принесите коктайль „мартини"! Я буду обѣдать позже, съ друзьями, — пояснилъ Дикки. — Сядемте сюда, въ этотъ уголъ, мистеръ Кульсонъ. У васъ совсѣмъ свѣжій видъ послѣ такого продолжительнаго путешествія... Большой пароходъ — „Лузитанія" не правда ли? Надѣюсь, вы не скучали дорогой?

Они разговаривали такимъ образомъ, пока не явился лакей съ кофе, коньякомъ и коктейлемъ. Нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ поблизости, вышли изъ комнаты.

Когда Дикки убѣдился, что никто не можетъ ихъ подслушать, онъ склонился къ своему собесѣднику и, понизивъ голосъ до едва слышнаго шопота, сказалъ:

— Кульсонъ... начальникъ въ тревогѣ. Мы не понимаемъ, въ чемъ дѣло... Вамъ что-нибудь извѣстно?...

— Ровно ничего, — шопотомъ же отвѣтилъ Кульсонъ.

— За вами слѣдили на пароходѣ?

— Нѣтъ! По крайней мѣрѣ, я ничего не замѣтилъ. Фейнсъ былъ въ своей каютѣ за шесть часовъ до отхода парохода... Я ровно ничего не понимаю...

— Бумаги были, конечно, при немъ?

— Да, въ подкладкѣ пиджака. Вѣроятно, вы уже знаете объ этомъ изъ газетъ: подкладка оказалась подпоротой, и бумаги исчезли... Когда онъ сходилъ съ парохода, онѣ еще были при немъ...

Молодой человѣкъ тревожно осмотрѣлся вокругъ. Комната была пуста.

— Сегодня днемъ я получилъ кое-какія свѣдѣнія, — продолжалъ Дикки. — И мнѣ велѣно было повидаться съ вами... Вы вѣдь не думаете серьезно, что Фейнсъ былъ убитъ съ цѣлью грабежа? И зачѣмъ онъ заказывалъ экстренный поѣздъ? Не нужно было привлекать на себя вниманія.

— Я сознательно ввелъ въ заблужденіе журналиста, — тотчасъ же отвѣтилъ американецъ. — Вы, конечно, понимаете, почему... Всѣ деньги, бывшія при немъ въ Ливерпулѣ, найдены въ его карманахъ... Ни одинъ долларъ не пропалъ...

Молодой человѣкъ стиснулъ зубы.

— Вы поступили совершенно правильно, — замѣтилъ онъ. — Есть у васъ копіи?

— Онѣ у меня въ чемоданѣ, — прошепталъ американецъ. — Признаться откровенно, я радъ буду избавиться отъ нихъ какъ можно скорѣе. Вы возьмете ихъ съ собой?

— Разумѣется, — промолвилъ Дикки. — Я за тѣмъ и пришелъ...

— Въ такомъ случаѣ, подождите здѣсь. Я пойду за ними, — сказалъ американецъ, вставая.

Онъ поднялся въ свою комнату и открылъ чемоданъ. Между двумя рубашками лежалъ пакетъ, величиной не больше обыкновеннаго письма.

Держа наготовѣ револьверъ, мистеръ Кульсонъ переложилъ его въ свой карманъ. Эта предосторожность, впрочемъ, оказалась излишней: никто не потревожилъ мистера Кульсона. И черезъ нѣсколько минутъ, вернувшись въ курительную комнату, онъ передалъ пакетъ Вандерполю.

— Скажите, за вами сейчасъ никто не слѣдилъ? — тревожно спросилъ его Дикки.

— Я лично ничего не замѣтилъ, — отвѣтилъ американецъ.

— Кстати, — прибавилъ онъ черезъ мгновеніе, — сегодня у меня была посѣтительница... И мнѣ показалось, что она что-то знаетъ обо мнѣ... знаетъ и скрываетъ...

— Посѣтительница?... — удивленно прошепталъ Дикки.

— Да, барышня — миссъ Элленъ Морсъ.

— Ахъ, вотъ что! — облегченно воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Начальникъ желаетъ меня видѣть лично? — спросилъ американецъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Дикки. — Займитесь своими дѣлами, какъ обычно... Поѣзжайте дней черезъ десять въ Парижъ. Вѣроятно, въ Грандъ-Отелѣ вы найдете къ тому времени письмо...

Американецъ проводилъ Вандерполя до выхода. Тревожное выраженіе мгновенно исчезло съ лица молодого человѣка: оно стало по обычному добродушнымъ и привѣтливымъ.

— Послушайте, мистеръ Кульсонъ, — предложилъ онъ

на прощанье. — Давайте пообѣдаемъ вмѣстѣ на дняхъ? Разумѣется, здѣсь нѣтъ такихъ веселыхъ мѣстъ, какъ въ Парижѣ, но я надѣюсь, что мы все же пріятно проведемъ время... Я позвоню вамъ завтра или послѣзавтра...

— Отлично, — отвѣтилъ толстякъ. — Съ большимъ удовольствіемъ!

— Мнѣ придется взять такси, — замѣтилъ молодой человѣкъ. — Мнѣ нужно съѣздить къ начальнику, онъ обѣдаетъ гдѣ-то въ Кенсингтоунѣ и успѣть вернуться сюда въ половинѣ восьмого...

— Въ такомъ случаѣ, вамъ надо торопиться, — съ улыбкой замѣтилъ американецъ. — Вы знаете, который часъ?

Дикки взглянулъ на часы и тихо свистнулъ.

— М-да!.. — сказалъ онъ, покачавъ головой. — Ничего! Я оставлю имъ записку.

Онъ присѣлъ къ столу, написалъ нѣсколько словъ, запечаталъ конвертъ и передалъ его дежурному служащему.

— Мальчикъ, такси!

Крѣпко пожавъ руку своего новаго знакомаго, Дикки поспѣшно вышелъ на улицу.

— Поѣзжайте по Бромтснъ Родъ, — бросилъ онъ шофферу. — Я тамъ скажу вамъ, куда ѣхать...

Было четверть седьмого. Въ половинѣ седьмого, — одинъ изъ постовыхъ полицейскихъ на Мельбурнъ Скуаръ въ Кенсингтонѣ остановилъ движеніемъ руки машину.

Удивленный этимъ неожиданнымъ приказаніемъ шофферъ спросилъ:

— Въ чемъ дѣло? Я ѣхалъ, кажется, достаточно медленно...

Даже не посмотрѣвъ на него, полицейскій заглянулъ внутрь экипажа и спросилъ:

— Гдѣ васъ нанялъ этотъ пассажиръ?

— У „Савой Отеля", — удивленно отвѣтилъ шофферъ. — Развѣ съ нимъ что-нибудь случилось?

Полицейскій ничего не отвѣтилъ, вошелъ въ машину и крикнулъ:

— Какъ можно скорѣе поѣзжайте въ участокъ!

Глава 8.

Въ ожиданіи обѣда

Герцогиня Дэвенхомская пріѣхала въ „Савой Отель" ровно въ половинѣ восьмого. Несмотря на сѣдые волосы, она казалась еще очень моложавой и привлекательной.

По правую руку ея сидѣла ея дочь — лэди Грэсъ Редфордъ, высокая, стройная и изящная дѣвушка. По лѣвую — миссъ Элленъ Морсъ.

Дѣвушки съ любопытствомъ разглядывали нарядную толпу, наполнявшую холль.

Герцогиня нетерпѣливо посматривала на часы.

— Назначать обѣдъ въ половинѣ восьмого, конечно, немного рано для занятыхъ людей, — замѣтила она. — Однако, разъ эти господа приняли приглашеніе, они должны были бы придти во-время... Вѣдь, они знаютъ, что въ девять часовъ мы должны быть въ театрѣ...

— Особенно удивляетъ меня Дикки Вандерполь, — воскликнула Элленъ. — Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался дипломатомъ, онъ считаетъ преступленіемъ опоздать куда бы то ни было хотя бы на минуту.

— И вообще, сталъ ужасно скученъ, — съ гримасой замѣтила лэди Грэсъ.

— Прямо невыносимъ! — отвѣтила Элленъ.

— Рѣшительно не помню, чтобы и принцъ Майо куда нибудь опоздалъ, — замѣтила герцогиня. — Я считаю его самымъ воспитаннымъ изъ всѣхъ молодыхъ людей нашего круга.

Лэди Грэсъ улыбнулась и бросила быстрый взглядъ на Элленъ.

— Не думаю, чтобы Элленъ была согласна съ вами, мама, — сказала она.

— Почему? — удивилась герцогиня. — Я даже слышала, что вы были очень нелюбезны съ нимъ въ послѣдній разъ...

Брови Элленъ недовольно сдвинулись.

— Имъ и такъ слишкомъ много восхищаются! — замѣтила она. — И кромѣ того у насъ въ Америкѣ не любятъ людей иныхъ расъ.

Герцогиня бросила на молодую дѣвушку негодующій взглядъ.

— Раса расѣ рознь, — рѣзко отвѣтила она. — Майо — японскій принцъ, двоюродный братъ императора... Его родъ восходитъ къ тѣмъ временамъ, когда о нашихъ предкахъ никто еще и не зналъ...

— Что-жъ, — отвѣтила Элленъ, слегка пожавъ плечами, — возможно, что я къ нему несправедлива: его вѣдь такъ кругомъ хвалятъ всѣ... Кромѣ того, я — патріотка. А между нами и Японіей нѣтъ теперь большой дружбы.

Къ герцогинѣ подошелъ высокій сѣдой старецъ.

— Здравствуйте, генералъ, — воскликнула она. — Я очень рада, что встрѣтила васъ здѣсь. Видите ли, я часто жалѣю, что въ дни моей молодости не было принято обѣдать въ ресторанахъ...

Генералъ улыбнулся. Онъ былъ очень худощавъ. Лицо его, правильное и тонкое, носило слѣды тяжкихъ заботъ и горя. По военной выправкѣ и манерѣ носить платье, въ немъ можно было сразу признать военнаго.

— Да... Обѣды въ ресторанѣ имѣютъ свои пріятныя стороны, — замѣтилъ онъ.

— Мы ждемъ принца Майо... Вы знаете его? — спросила герцогиня.

— Знаю ли я его! — воскликнулъ генералъ. — Если когда-нибудь я напишу свои мемуары о русско-японской войнѣ, то не одна страница въ нихъ посвящена будетъ принцу Майо. За всю войну не было болѣе блестящей атаки, чѣмъ его атака подъ Мукденомъ. Я встрѣчался со многими выдающимися японцами, но долженъ сказать, что считаю его самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ людей его расы...

Герцогиня съ улыбкой обратилась къ Элленъ:

— Вы слышите, дорогая?

Элленъ усмѣхнулась.

— Очевидно, судьба противъ меня! — замѣтила она.

Глава 9

„Мистеръ Вандерполь скончался“

— Я никогда не забуду атаки принца Майо, — продолжалъ генералъ. — На своихъ крошечныхъ лошадкахъ они налетѣли на врага, какъ вѣтеръ на ржаное поле... Самъ принцъ былъ раненъ, истекалъ кровью, но остался среди своихъ солдатъ... Но простите меня, герцогиня... Мои друзья уже ждутъ меня...

Генералъ откланялся и отошелъ къ своему столу.

Герцогиня не удерживала его, она смотрѣла въ другую сторону; выйдя изъ зимняго сада, къ нимъ приближался молодой человѣкъ. Это былъ средняго роста брюнетъ съ блестящими черными волосами и смуглымъ цвѣтомъ лица. Узкіе, нѣсколько вкось поставленные глаза и быстрота движеній выдавали въ немъ представителя желтой расы. Одѣтъ онъ былъ совершенно безукоризненно.

Подойдя къ герцогинѣ, онъ склонился надъ ея рукой.

— Дорогой принцъ, — воскликнула она. — Какъ любезно, что вы пришли... кто-то говорилъ мнѣ, что вы нездоровы, и я очень опасалась, что вы вынуждены будете остаться дома... Вы, вѣроятно, очень плохо переносите нашъ ужасный климатъ?

— Какъ видите, герцогиня, я здоровъ и очень досадую, что заставилъ васъ напрасно тревожиться... — отвѣтилъ Майо. — Что касается мѣстнаго климата, то я даже полюбилъ его: онъ полонъ неожиданностей и заставляетъ особенно цѣнить каждый лучъ солнца.

Голосъ принца, низкій и глубокій, былъ удивительно пріятенъ.

— Принцъ, вы знакомы съ моей дочерью? — промолвила герцогиня. — Миссъ Элленъ Морсъ, вы также знаете... Мы ждемъ еще двухъ мужчинъ: сэра Чарльза Сомерфильда и мистера Вандерполя.

Принцъ поклонился и сѣлъ. Между нимъ и лэди Грэсъ, еще совершенно молодой дѣвушкой, второй годъ только выѣзжавшей въ свѣтъ, начался оживленный разговоръ.

— А вотъ и сэръ Чарльзъ, — воскликнула герцогиня. — Я думаю, что можно садиться за столъ...

Въ это время лакей подалъ герцогинѣ записку.

— А! это какъ разъ отъ Дикки... — воскликнула она. — Повидимому, онъ недавно былъ здѣсь, такъ какъ пишетъ на бумагѣ „Савой Отеля"... Онъ предупреждаетъ, что можетъ опоздать на нѣсколько минутъ и проситъ не ждать его... Принцъ, знаете ли вы, что вы также опоздали на четверть часа? — съ улыбкой прибавила она. — Но это ничего... Вы видите, мистеръ Вандерполь еще болѣе виноватъ, чѣмъ вы...

— Мистеръ Вандерполь, кажется, вашъ большой другъ?— спросилъ принцъ Майо.

Герцогиня покачала головой.

— Нѣтъ, я очень мало знаю его, — отвѣтила она. — Я пригласила его изъ-за Элленъ.

Майо бросилъ на молодую дѣвушку удивленный взглядъ.

— Но я думалъ, что миссъ Морсъ и сэръ Чарльзъ... — началъ онъ.

— Сэръ Чарльзъ тоже неравнодушенъ къ ней, — съ улыбкой перебила его герцогиня. — Но онъ такъ медлителенъ... Дикки же дѣйствуетъ рѣшительно... И что въ этомъ удивительнаго? Элленъ такая очаровательная дѣвушка!... Я непремѣнно хотѣла бы выдать ее замужъ здѣсь.

— Миссъ Морсъ очень умна, — замѣтилъ принцъ, — и я питаю къ ней большое уваженіе. Мнѣ жаль только, что она совершенно чуждается меня...

— Вы не правы, — возразила герцогиня, — Эллень, правда, иногда бываетъ рѣзка, но такой уже у нея нравъ...

Съ этими словами герцогиня поднялась и двинулась въ ресторанъ. Молодежь послѣдовала за ней.

— Мнѣ слѣдуетъ извиниться передъ вами, принцъ, за такой ранній обѣдъ, — сказала, садясь за столъ, герцогиня.— Но виновата театральная администрація... Какъ они не могутъ понять, что нельзя такъ рано начинать представленія?

Майо улыбнулся.

— Герцогиня, — замѣтилъ онъ, — вы напрасно тревожитесь: что касается меня, то я люблю ранній обѣдъ.

— Въ такомъ случаѣ, вѣроятно, вы не завтракаете? — въ ужасѣ воскликнула герцогиня.

— Я завтракаю всегда дома... Мы привыкли ѣсть очень немного, — улыбаясь, отвѣтилъ японецъ.

— Скажите, — начала герцогиня, — правда ли, что вы хотите окончательно поселиться въ Европѣ? Я видѣла въ одномъ изъ журналовъ вашъ портретъ съ краткимъ жизнеописаніемъ. Въ концѣ было сказано, что вы намѣрены навсегда поселиться въ нашей странѣ.

Майо неопредѣленно улыбнулся.

— Я еще не знаю, герцогиня, — отвѣтилъ онъ. — Ваша страна такъ прекрасна, а радушіе, съ какимъ меня повсюду принимаютъ, поистинѣ меня трогаетъ...

Въ это мгновеніе лэди Грэсъ шопотомъ сказала сидѣвшему рядомъ съ ней сэру Чарльзу:

— Я должна сознаться, что никакъ не могу понять принца Майо. На лицѣ его всегда какое-то особенное выраженіе, какого я никогда не видѣла ни у кого другого...

— Все это не такъ ужъ таинственно, какъ вамъ кажется, — сказалъ сэръ Чарльзъ, наклоняясь къ своей сосѣдкѣ. — И эти разговоры его — все вздоръ: вовсе онъ не такъ ужъ очарованъ нашей страной. Скорѣе даже — наоборотъ... Ему чужды наши обычаи. Я никогда не видѣлъ его, напримѣръ, играющимъ въ поло, онъ ничего не знаетъ о крикеттѣ... Онъ понятія не имѣетъ о спортѣ...

— Меня интересуетъ, — послышался на другомъ концѣ стола голосъ герцогини, — читалъ ли кто-нибудь вечернія газеты: нѣтъ ли новыхъ подробностей объ этомъ ужасномъ убійствѣ... По-моему, это позоръ: наша полиція положительно никуда не годится... Скажите, принцъ, могло ли произойти что-либо подобное въ вашей странѣ?

— Конечно, — тотчасъ же отвѣтилъ японецъ. — Условія жизни въ нашей странѣ очень похожи на ваши. Только между нашей и вашей расой есть глубокое различіе... Особенно чувствуешь его, когда читаешь ваши газеты и разговариваешь съ вами, — задумчиво прибавилъ онъ.

— Скажите же намъ, въ чемъ эта разница? — послышался голосъ Элленъ.

Японецъ посмотрѣлъ на нее снисходительно-дружескимъ взглядомъ.

Такое ужъ установилось у нихъ обыкновеніе: молодая дѣвушка держала себя съ принцемъ нарочно холодно, онъ же говорилъ съ ней тономъ философа, пытающагося объяснить свои мысли ребенку.

— Вы придаете слишкомъ большое значеніе человѣческой жизни, слишкомъ цѣните ее, — отвѣтилъ онъ. — Васъ слишкомъ волнуетъ убійство... или смерть близкихъ вамъ лицъ...

— Это вполнѣ понятно! Какое же еще можетъ быть большее несчастье! — воскликнула Элленъ.

— Я знаю, что вы такъ думаете, — спокойнымъ голосомъ продолжалъ принцъ. — А между тѣмъ, вы — христіане; у васъ такая прекрасная вѣра! Въ нашей религіи, быть можетъ, меньше философіи, но больше здраваго смысла: мы не окутываемъ смерти чернымъ плащомъ. Мы относимся къ ней, какъ къ ночи, — какъ къ явленію, которое неизбѣжно.

Герцогиня вздохнула.

— Принцъ, я вижу, вы — романтикъ, — воскликнула она. — Но скажите же намъ серьезно... Неужели у васъ такъ спокойно относятся къ смерти?

— Почему же нѣтъ? — отвѣтилъ японецъ. — Во имя благой цѣли каждый изъ гражданъ моей страны можетъ отдать свою жизнь съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ онъ ночью кладетъ голову на подушку.

Сэръ Чарльзъ поднялъ бокалъ и воскликнулъ:

— За нашихъ союзниковъ!

Принцъ Майо задумчиво отпилъ изъ своего стакана немного воды. Онъ очень рѣдко пилъ вино.

— Боюсь, что нашъ разговоръ принялъ слишкомъ мрачный характеръ, — замѣтилъ онъ. — Надѣюсь, миссъ Морсъ заставитъ насъ забыть эти ужасы... Говорятъ, что нигдѣ нѣтъ такихъ прекрасныхъ дѣвушекъ, какъ въ вашей странѣ, миссъ Морсъ.

Элленъ поморщилась: любезность японца была ей непріятна. Почувствовавъ, впрочемъ, что Сомерфильдъ наблюдаетъ за ней, она отвѣтила японцу ничего незначущей шуткой.

Обѣдъ приближался къ концу. Вскорѣ всѣ встали изъ-за стола.

— Какъ странно, что Дикки до сихъ поръ нѣтъ... — сказала герцогиня. — Я теперь буду знать, что на него никогда нельзя расчитывать.

— Быть можетъ, это и не его вина, — замѣтила Элленъ. — Вѣдь мистеръ Харви очень требовательный, а теперь большинство чиновниковъ въ отпуску...

— Такъ, такъ... моя дорогая, — добродушно улыбнулась герцогиня. — Нужно защищать своихъ соотечественниковъ.

Вся компанія, въ ожиданіи автомобиля, перешла изъ ресторана въ холль. Въ углу его, попыхивая своей вѣчной сигарой, сидѣлъ мистеръ Кульсонъ и съ любопытствомъ осматривалъ постояльцевъ гостиницы и гостей.

Элленъ и лэди Грэсъ были, несомнѣнно, центромъ всеобщаго вниманія.

Англичанка была высокаго роста, съ правильными и тонкими чертами лица, быть можетъ, недостаточно выразительными. Здоровый загаръ и веселые, большіе, голубые глаза придавали ей добродушный и привлекательный видъ.

Элленъ, напротивъ, казалась существомъ совсѣмъ другого міра: ея сѣро-зеленые глаза поминутно мѣнялись, то радостно вспыхивая, то потухая подъ сдвинутыми бровями. Она была вся жизнь, движеніе, вся радость жизни.

Сэръ Чарльзъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы поговорить съ ней наединѣ.

— Вы сегодня какая-то скучная, Элленъ, — проговорилъ онъ. — Что съ вами? Неужели вамъ, дѣйствительно, такъ не нравится принцъ Майо?

— Конечно, нѣтъ... — быстро отвѣтила она. — Онъ очень странный. Мнѣ такъ хотѣлось бы посмѣяться надъ нимъ... И, вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствую, что не могу.

— Быть можетъ, по сравненію съ нами, обыкновенными людьми, Майо вамъ кажется чѣмъ-то вродѣ героя романа? — спросилъ молодой человѣкъ.

— Во всякомъ случаѣ — не моего романа, — улыбаясь отвѣтила молодая дѣвушка.

Сэръ Чарльзъ погрузился на нѣкоторое время въ глубокую задумчивость.

— Элленъ, мнѣ кажется, что иногда я не вполнѣ понимаю васъ, — сказалъ онъ, наконецъ. — Особенно, когда намъ случается говорить о принцѣ Майо... Онъ вамъ или очень нравится, или же вы никому не желаете повѣрить вашихъ мыслей о немъ...

— Ваше послѣднее предположеніе, — съ улыбкой отвѣтила Элленъ, вставая и направляясь вслѣдъ за остальными къ выходу, — мнѣ кажется самымъ вѣрнымъ...

У входа къ принцу подошли нѣсколько знакомыхъ, и онъ задержался на нѣсколько минутъ.

Когда онъ сѣлъ въ автомобиль, Элленъ показалось, что онъ измѣнился въ лицѣ...

При входѣ въ театръ принцъ Майо тихо сказалъ Сомерфильду:

— Сэръ Чарльзъ, совѣтую вамъ сдѣлать такъ, чтобы дамамъ не попалась на глаза вечерняя газета.

Молодой человѣкъ удивленно взглянулъ на японца.

— Я васъ не понимаю, принцъ, — сказалъ онъ.

— Для меня лично это не имѣетъ значенія, — отвѣтилъ Майо. — Но ваши женщины ко всему такъ странно относятся... Къ тому же мистеръ Вандерполь — соотечественникъ миссъ Морсъ...

— Развѣ что-нибудь случилось съ Дикки? — быстро спросилъ англичанинъ.

Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ принца. Казалось, онъ не слышалъ послѣдняго вопроса.

Элленъ стояла на лѣстницѣ, поджидая ихъ.

— Герцогиня предлагаетъ помѣститься всѣмъ въ ложѣ,— сказала она. — У насъ взяты еще два кресла, но такъ какъ Дикки нѣтъ, то мѣста хватитъ всѣмъ... Пожалуйста, сэръ Чарльзъ, купите программу...

Оставшись одинъ, Сомерфильдъ быстро развернулъ газету.

Въ то же время Элленъ шопотомъ сказала поднимавшемуся рядомъ съ ней по устланной ковромъ лѣстницѣ принцу:

— Я слышала, что вы сказали сэру Чарльзу. Скажите, что случилось съ Дикки?

— Простите, — отвѣтилъ японецъ, — я не думалъ, что вы можете насъ услышать...

— Я слышала только голосъ сэра Чарльза, — перебила его Элленъ. — Скажите же мнѣ, что случилось?

— Съ мистеромъ Вандерполемъ случилось несчастье, — тихо и спокойно проговорилъ принцъ. — Нужно будетъ сообщить объ этомъ герцогинѣ... Я позабылъ о предразсудкахъ вашей страны. Вѣроятно, герцогиня пожелаетъ уѣхать изъ театра...

Элленъ быстро вошла въ ложу и подошла къ герцогинѣ.

— Простите, — сказала она. — Съ Дикки, повидимому, что-то случилось... Если вы позволите, сэръ Чарльзъ проводитъ меня домой.

— Но, дорогое дитя... — начала герцогиня.

— Миссъ Морсъ совершенно права, — перебилъ ее принцъ Майо. — Я вамъ объясню потомъ, въ чемъ дѣло...

Элленъ и Сомерфильдъ простились и вышли.

Закрывъ дверь ложи и поставивъ стулъ герцогини такъ, чтобы ее нельзя было видѣть изъ залы, принцъ Майо сказалъ:

— Съ мистеромъ Вандерполемъ произошло сегодня большое несчастье... Есть даже свѣдѣнія, что онъ скончался.

Глава 10

Мистеръ Дженксъ на вѣрномъ слѣду

Дѣло объ убійствѣ Гамильтона Фейнса, подъ впечатлѣніемъ новаго преступленія, было почти забыто: гдѣ-то между „Савой-Отель“ и Мельбурнъ Скуаръ въ Кенсигтонѣ, при еще болѣе таинственныхъ и загадочныхъ обстоятельствахъ былъ убитъ молодой секретарь американскаго посольства.

Преступникъ вошелъ въ экипажъ такъ, что шофферъ этого не замѣтилъ. И несмотря на то, что дипломатъ былъ человѣкомъ атлетическаго сложенія и необычайной силы, убійца задушилъ его безъ малѣйшаго крика, безъ малѣйшей борьбы. И исчезъ безслѣдно, точно провалился сквозь землю.

Шофферъ показалъ лишь, что три раза по пути долженъ

былъ пріостановиться въ людныхъ перекресткахъ. Однако, онъ утверждалъ, что никто въ это время не входилъ въ экипажъ и не выходилъ изъ него.

Разслѣдованіемъ было установлено, что секретарь посольства посѣтилъ въ „Савой-Отелѣ" американца, интересовавшагося вопросомъ объ утвержденіи въ Англіи американскихъ патентовъ. Изъ „Савой" онъ отправился къ Кенсингтонъ, гдѣ долженъ былъ повидаться со своимъ начальствомъ. Изъ Кенсингтона онъ предполагалъ снова вернуться въ „Савой", гдѣ его поджидало къ обѣду нѣсколько человѣкъ друзей во главѣ съ герцогиней Дэвенхэмской.

Убійство Ричарда Вандерполя совершено было въ четвергъ вечеромъ. Въ слѣдующій понедѣльникъ утромъ въ гостиной Элленъ сидѣлъ инспекторъ Джексъ.

— Простите меня, что я проникъ къ вамъ въ домъ, — сказалъ сыщикъ. — Я постарался придать своему посѣщенію видъ обычнаго свѣтскаго визита, дабы никто изъ прислуги не могъ заподозрить моей настоящей профессіи... Я лишь исполняю долгъ службы.

— Я все же не понимаю вашей настойчивости, — съ недовольнымъ видомъ промолвила молодая дѣвушка. — Когда мы видѣлись съ вами въ Карлтонѣ, я сказала вамъ все, что мнѣ извѣстно о мистерѣ Фейнсѣ.

— Не сердитесь, миссъ Морсъ, — продолжалъ инспекторъ самымъ любезнымъ тономъ. — Но мы въ Скотлэндъ-Ярдѣ положительно теряемся въ догадкахъ: совершены два почти тождественныхъ преступленія при совершенно загадочныхъ обстоятельствахъ... Вы не станете, разумѣется, отрицать, что между ними есть нѣкоторыя общія черты... Во-первыхъ — оба они совершены съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ...

— А во-вторыхъ? — быстро спросила Элленъ.

— Во-вторыхъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ жертва — американскій гражданинъ, — промолвилъ инспекторъ.

Нѣсколько мгновеній Элленъ сидѣла молча подъ взглядомъ сыщика.

— Иначе говоря, вы видите какую-то связь между этими двумя преступленіями? — спросила она, наконецъ.

— Мы еще не составили себѣ на этотъ счетъ опредѣлен-

наго мнѣнія, — тотчасъ же отвѣтилъ сыщикъ. — Однако, приходится хвататься за малѣйшее указаніе... Я не хочу нисколько васъ оскорбить, но... миссъ Элленъ Морсъ, американка, вращающаяся въ высшемъ англійскомъ обществѣ, извѣстная своимъ умомъ и остроуміемъ... должна была завтракать съ мистеромъ Фейнсомъ въ тотъ день, когда онъ былъ убитъ... Она же — миссъ Элленъ Морсъ — должна была обѣдать съ мистеромъ Вандерполемъ въ тотъ вечеръ, когда онъ такъ трагически погибъ....

Элленъ вздрогнула и полузакрыла глаза.

— Не думаете ли вы, что совпаденіе это недостаточно огорчаетъ меня, чтобы нужно было повторять о немъ? — тихо промолвила она.

— Миссъ Морсъ, повѣрьте мнѣ, я пришелъ сюда не изъ празднаго любопытства, я дѣйствую въ интересахъ правосудія, — проговорилъ сыщикъ.

— Мистеръ Джексъ, повѣрьте мнѣ, я была бы въ отчаяніи, если бы оба преступника не были обнаружены и должнымъ образомъ наказаны, — сказала молодая дѣвушка. — Но я рѣшительно отказываюсь понять, въ какой мѣрѣ я могу вамъ въ этомъ помочь... Повторяю вамъ, никакихъ свѣдѣній по этому дѣлу дать вамъ не могу...

— Не спорю, не спорю... — отвѣтилъ инспекторъ. — Но, съ другой стороны, вы можете отвѣтить мнѣ на нѣкоторые вопросы. Мы блуждаемъ среди догадокъ. И мнѣ кажется, что оба преступленія совершены были однимъ и тѣмъ же лицомъ.

— Но у васъ еще нѣтъ увѣренности въ этомъ? — неожиданно для самой себя, едва слышнымъ шопотомъ спросила Элленъ.

— Очень мало, — тотчасъ же отвѣтилъ инспекторъ. — Но въ такихъ загадочныхъ случаяхъ приходится строить всякія догадки...

— Хорошо, оставимъ эти разсужденія, — перебила его Элленъ. — Моя тетка — совершенно больна, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно. Сегодня она чувствуетъ себя лучше и можетъ каждую минуту зайти сюда. И мнѣ не хотѣлось бы, чтобы она застала васъ здѣсь...

Инспекторъ откинулся на спинку стула и съ удовольствіемъ огляделся вокругъ: прелестная маленькая гостиная миссъ Морсъ окнами обращена была на паркъ. На каминѣ весело тикали старинные французскіе часы. Около него, прижавшись другъ къ другу, грѣлись два карликовыхъ шпица. Въ вазахъ стояли цвѣтущія вѣтки мимозы, и воздухъ насыщенъ былъ ихъ ароматомъ. На маленькомъ столикѣ около кресла, въ которомъ сидѣла Элленъ, лежалъ новый романъ и нѣсколько иллюстрированныхъ журналовъ.

— Быть можетъ, эти вопросы покажутся вамъ совершенно не относящимися къ дѣлу, — сказалъ сыщикъ. — Но все же я попросилъ бы васъ отвѣтить на нихъ... Думаете ли вы, что Фейнсъ былъ знакомъ съ Вандерполемъ?

— Я никогда не слышала, чтобы одинъ изъ нихъ говорилъ о другомъ, — тотчасъ же отвѣтила Элленъ.

— Не думаете ли вы, что у обоихъ была какая-нибудь общая цѣль въ жизни? Или же общая страсть? Напримѣръ, собираніе почтовыхъ марокъ, коллекціонированіе фарфора и тому подобное?

Молодая дѣвушка покачала головой.

— Я очень мало знала мистера Фейнса. Что же касается Дикки, то есть, я хочу сказать — мистера Вандерполя, то онъ очень увлекся своей службой и игрой въ поло...

— А мистеръ Фейнсъ — онъ тоже вѣдь, кажется, былъ дипломатомъ? — вдругъ спросилъ сыщикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула Элленъ. — Сколько мнѣ извѣстно, онъ служилъ въ одномъ изъ административныхъ учрежденій въ Вашингтонѣ...

— Такъ... Допустимъ... — задумчиво произнесъ сыщикъ. — А все-таки интересно бы точно узнать, въ чемъ заключается служба Фейнса? Покуда мы знаемъ лишь, что была правительственная служба...

— Въ такомъ случаѣ, вы знаете столько же, сколько и я, — отвѣтила Элленъ.

— Мы послали нашего сотрудника въ Вашингтонъ. Ему приказано навести тамъ возможно точныя справки относительно занятій и образа жизни мистера Фейнса и осмотрѣть вещи

покойнаго... Кромѣ того, ему поручено разузнать, по какимъ дѣламъ покойный ѣздилъ въ Европу.

Элленъ хотѣла, было, что-то сказать, но промолчала.

— Я, однако, не очень вѣрю въ успѣхъ этого разслѣдованія, — послѣ мгновенной заминки, продолжалъ инспекторъ.

— Значитъ, вы не думаете, что убійство было совершено съ цѣлью грабежа? — спросила Элленъ, низко опустивъ голову.

— Нѣтъ, не вѣрю... — задумчиво произнесъ инспекторъ. — Человѣкъ, совершившій эти преступленія, настолько ловокъ и уменъ, что могъ бы съ полнымъ расчетомъ на успѣхъ совершить преступленіе, которое принесло бы ему гораздо большую выгоду.

— Простите меня, — перебила его молодая дѣвушка, — но я васъ очень попрошу поторопиться, если вы еще о чемъ-нибудь хотите спросить меня... Хотя вы и одѣлись, какъ подобаетъ джентльмэну, — тутъ ея губы сложились въ насмѣшливую гримасу, — я все же не желала бы, чтобы моя тетка увидѣла васъ здѣсь...

— Мнѣ очень жаль, миссъ Морсъ, что вы такъ враждебно настроены противъ меня, — промолвилъ сыщикъ. — Я хотѣлъ лишь узнать, не кажется ли вамъ, что кому-нибудь исчезновеніе мистера Фейнса и мистера Вандерполя могло принести выгоду? И — кому именно?..

— Если вы думаете, что я желаю что-то скрывать отъ васъ, мистеръ Джексъ, то вы ошибаетесь, — спокойно отвѣтила Элленъ. — Напротивъ, я была бы очень рада, если бы удалось открыть преступниковъ... Мнѣ лишь непріятно быть замѣшанной въ дѣло, о которомъ я ничего не знаю, и подвергаться разспросамъ, которые ни къ чему не могутъ привести... Повторяю, мнѣ извѣстно столько же, сколько и вамъ...

— А именно? — быстро спросилъ инспекторъ.

— Вы — полицейскій сыщикъ, и мнѣ незачѣмъ говорить вамъ о томъ, что совершенно очевидно, — спокойно продолжала Элленъ. — Мистеръ Фейнсъ, американскій гражданинъ, убитъ и ограбленъ по дорогѣ въ Лондонъ. Мистеръ Ричардъ Вандерполь убитъ послѣ свиданія съ мистеромъ Кульсономъ — единственнымъ знакомымъ Фейнса на пароходѣ. Возможно, что

у Фейнса съ Кульсономъ были общія тайныя дѣла. Возможно, что мистеръ Кульсонъ говорилъ о нихъ мистеру Вандерполю... И, наконецъ, возможно, что мистеръ Вандерполь убитъ тою же рукой, что и Фейнсъ... Такъ?

Инспекторъ нѣсколько разъ одобрительно кивнулъ.

— Продолжайте, пожалуйста! Продолжайте, миссъ Морсъ.

— Не мое дѣло, конечно, высказывать какія бы то ни было предположенія, — продолжала Элленъ. — Однако, можно предположить, что эти убійства совершены были съ политической цѣлью...

— Сударыня, — сказалъ инспекторъ, взявшись за шляпу, — вы не можете себѣ представить, какъ важно услышать мнѣніе посторонняго лица человѣку, теряющемуся въ догадкахъ... Вы одна знаете, помогли ли вы мнѣ настолько, насколько могли, — тутъ сыщикъ въ упоръ поглядѣлъ на молодую дѣвушку. — Все же вы помогли мнѣ немного...

Элленъ, уже протянувшая руку къ звонку, остановилась.

— Что вы хотите этимъ сказать, мистеръ Джексъ? Чѣмъ именно я помогла вамъ?..

Инспекторъ нѣкоторое время стоялъ молча, какъ бы что-то обдумывая. Лицо его было серьезно и сосредоточенно. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Если бы вы захотѣли облегчить мнѣ мою задачу въ этомъ дѣлѣ, то мой отвѣтъ былъ бы простъ... То, что вы сказали мнѣ, было сказано вами противъ желанія, и не словами... Кромѣ того, вы сказали мнѣ это такъ, что у меня уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній: вы просто хотѣли навести меня на ложный путь... Теперь я вижу, что мы съ вами въ разныхъ лагеряхъ... И я не буду далѣе задерживать васъ...

Еще долго послѣ того, какъ сыщикъ вышелъ, Элленъ прислушивалась къ звуку его удалявшихся шаговъ...

Глава 11

Мистеръ Кульсонъ и сыщикъ

Мистеръ Джемсъ Кульсонъ велъ въ Лондонѣ обычную жизнь дѣлового человѣка. Вставалъ онъ нѣсколько ранѣе обык-

новеннаго и тотчасъ же направлялся въ парикмахерскую. Затѣмъ долго и съ аппетитомъ пилъ утренній кофе, закуривалъ длинную сигару и погружался въ чтеніе газетъ.

Около одиннадцати часовъ онъ отправлялся въ Сити, иногда возвращаясь къ завтраку, иногда позднѣе. Къ четыремъ или пяти часамъ онъ уже всегда бывалъ въ отелѣ и сидѣлъ въ барѣ, бесѣдуя со старыми друзьями и заключая новыя знакомства.

На шестой день его пребыванія въ столицѣ къ нему подошелъ лакей и сказалъ ему, что его желаетъ видѣть мистеръ Джексъ.

На секунду на лицѣ американца мелькнуло недовольное и даже враждебное выраженіе. Впрочемъ, онъ тотчасъ же овладѣлъ собой и съ протянутой рукой пошелъ навстрѣчу сыщику.

— Простите, что снова безпокою васъ, мистеръ Кульсонъ, — сказалъ инспекторъ. — Я былъ бы вамъ чрезвычайно признателенъ, если бы вы могли удѣлить мнѣ для разговора двѣ или три минуты...

Кульсонъ весело разсмѣялся.

— Теперь я свободенъ до полуночи! — сказалъ онъ. — И даже радъ вашему приходу: иной разъ время тянется для меня безконечно долго... Не угодно ли вамъ закурить?

Онъ протянулъ сыщику коробку съ сигарами, позвалъ лакея и заказалъ ему виски.

Они расположились въ самомъ углу курительной комнаты, вдали отъ остальныхъ посѣтителей.

— Вы, разумѣется, снова пришли ко мнѣ по поводу этихъ двухъ загадочныхъ убійствъ? — спросилъ американецъ.

Сыщикъ утвердительно кивнулъ.

— Не въ обиду вамъ будь сказано, вы не обнаружили въ этомъ дѣлѣ слишкомъ большого проворства, — замѣтилъ американецъ, переложивъ сигару въ уголъ рта. — У насъ въ Нью-Іоркѣ преступникъ былъ бы арестованъ втеченіе двадцати минутъ...

— Не смѣю сомнѣваться, мистеръ Кульсонъ, — отвѣтилъ сыщикъ. — Въ томъ, что вы говорите, есть, несомнѣнно, доля

правды... Однако, и вы не можете не согласиться съ тѣмъ, что въ этихъ двухъ преступленіяхъ есть много загадочнаго...

Кульсонъ стряхнулъ пепелъ съ сигары и нѣкоторое время сидѣлъ въ задумчивости.

— Разумѣется, разумѣется... — согласился онъ, наконецъ. — Но все же я не повѣрю, чтобы вы въ Скотлэндъ-Ярдѣ не знали больше того, что сообщается въ газетахъ. Вы не убѣдите меня, что у васъ нѣтъ уже совершенно опредѣленной догадки относительно того, какъ и кѣмъ были совершены эти преступленія...

Быть можетъ, вы и правы, — согласился сыщикъ.

Въ это время лакей подалъ виски, и американецъ, поднявъ свой стаканъ, воскликнулъ:

— Я пью за удачу!.. За удачу вашихъ поисковъ и за удачу моихъ дѣлъ въ Европѣ!

— Я буду съ вами совершенно откровененъ, мистеръ Кульсонъ, — промолвилъ сыщикъ, отхлебнувъ изъ стакана, — и скажу вамъ, почему я пришелъ къ вамъ сегодня...

— Я пришелъ къ вамъ, — продолжалъ онъ, стряхивая пепелъ съ сигары, — ибо, по странному совпаденію, вы были знакомы съ обѣими жертвами... Болѣе того, вы — медленно и съ разстановкой произнесъ онъ, — были послѣднимъ лицомъ, видѣвшимъ мистера Вандерполя...

Американецъ окинулъ собесѣдника удивленнымъ взглядомъ.

— Откуда вамъ все это извѣстно? — спросилъ онъ.

Сыщикъ улыбнулся.

— Это нетрудно было узнать, — промолвилъ онъ. — Изъ разспросовъ шоффера выяснилось, что мистеръ Вандерполь взялъ его у „Савой-Отеля". Изъ разспросовъ же администраціи отеля намъ легко было узнать, съ кѣмъ покойный бесѣдовалъ передъ своей трагической кончиной.

— Мы сидѣли съ нимъ въ этой самой комнатѣ. И я — я даже сидѣлъ въ этомъ же самомъ креслѣ! — воскликнулъ американецъ, хлопнувъ рукой по ручкѣ сидѣнья... — Долженъ вамъ сознаться откровенно, мистеръ Джексъ, что мгновеньями мнѣ даже становится жутко, и я подумываю, не покинуть ли мнѣ Лондонъ и не бѣжать ли мнѣ въ Парижъ...

— О, я не думаю, чтобы вы были такъ робки, — улыбаясь промолвилъ сыщикъ. — Кстати, быть можетъ, вы откроете мнѣ, зачѣмъ приходилъ къ вамъ молодой Вандерполь въ роковой вечеръ?

— Съ большимъ удовольствіемъ! — сказалъ американецъ. — Вы, конечно, слышали о фирмѣ „Кульсонъ и Брусъ изъ Нью-Іорка“? Я стою во главѣ большого синдиката. Мы предполагаемъ эксплоатировать свои патенты и въ Парижѣ, и здѣсь. И такъ какъ намъ хотѣлось выяснить предварительно наши права въ связи съ новымъ англійскимъ закономъ на сей предметъ, то мы и обратились къ нашему посланнику мистеру Харви съ просьбой разъяснить намъ кое-какія неясности. Вы сами понимаете, что фирма, вкладывающая въ какое-нибудь дѣло извѣстныя средства, не можетъ дѣлать этого вслѣпую... Харви телеграфировалъ намъ, что онъ готовъ дать намъ необходимыя справки, и просилъ дать ему знать, какъ только я прибуду сюда. И вотъ — черезъ часъ послѣ своего пріѣзда я позвонилъ ему, и онъ былъ такъ любезенъ, что прислалъ ко мнѣ сюда мистера Ричарда Вандерполя. Бѣдный, бѣдный молодой человѣкъ! Я искренно полюбилъ его за нѣсколько минутъ нашего знакомства. Онъ привезъ мнѣ письменное изложеніе интересовавшаго насъ вопроса. Если хотите, я могу показать его вамъ...

— Пожалуйста. Если это не затруднитъ васъ, — сказалъ внимательно выслушавшій разсказъ американца сыщикъ.

— Съ удовольствіемъ, мистеръ Джексъ; я вернусь черезъ пять минутъ, — сказалъ вставая мистеръ Кульсонъ.

Дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ пять минутъ, Кульсонъ вернулся къ сыщику съ пачкой бумагъ и развернулъ на столѣ обычнаго типа коммерческое письмо съ адресомъ американскаго посольства на заголовкѣ.

Сыщикъ внимательно ознакомился съ содержаніемъ бумаги. Это было дѣйствительно изложеніе новаго закона о патентахъ примѣнительно къ дѣлу фирмы Кульсонъ и Брусъ. Внизу приписано было нѣсколько строкъ рукой самого посла.

— А это, — сказалъ американецъ, указывая на остальныя бумаги, — вся моя переписка по этому поводу. Если у васъ есть свободный часъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Благодарю васъ, — сказалъ Джексъ, отстраняя бумаги. — Въ данную минуту я слишкомъ занятъ этимъ дѣломъ... Вы. вѣдь сказали, что совершенно не знали мистера Вандерполя?

— Да... Я встрѣтился съ нимъ въ тотъ вечеръ впервые, и, повторяю, онъ мнѣ очень, очень понравился.

Сыщикъ внимательно наблюдалъ за своимъ собесѣдникомъ; въ искренности его нельзя было сомнѣваться; онъ производилъ впечатлѣніе типичнаго дѣльца американской складки, увлекающагося, не способнаго говорить ни о чемъ, кромѣ своихъ дѣлъ.

— Мистеръ Кульсонъ, — внезапно спросилъ инспекторъ,— вы знакомы съ миссъ Элленъ Морсъ?

Быть можетъ, здѣсь американецъ немного отступилъ отъ своей воли, такъ какъ слишкомъ долго думалъ передъ тѣмъ, какъ отвѣтить:

— Да... какъ же! Но очень мало... Она приходила какъ-то ко мнѣ съ сэромъ Чарльзомъ Сомерфильдомъ узнать, не могу ли я разсказать ей что-нибудь о Фейнсѣ...

— Вы съ ней встрѣтились въ тотъ день въ первый разъ, не правда ли? — спросилъ инспекторъ.

— Да... — тотчасъ же отвѣтилъ мистеръ Кульсонъ. — По правдѣ сказать, у меня не лежитъ сердце къ тѣмъ изъ моихъ соотечественниковъ и соотечественницъ, которые находятъ Америку недостаточно прекрасной страной для себя и переселяются въ Европу... Но... Почему вы меня спросили о ней?

— Такъ... Между прочимъ... — въ задумчивости отвѣтилъ сыщикъ. — Однако, не буду васъ задерживать, мистеръ Кульсонъ... Я убѣжденъ, что вы разсказали мнѣ все, что вамъ извѣстно по этому дѣлу... Придется мнѣ искать въ другомъ мѣстѣ путеводной нити къ разгадкѣ этого таинственнаго дѣла...

— Но погодите, погодите... — засуетился мистеръ Кульсонъ. — Развѣ вы не выпьете со мной еще немного этого отличнаго виски?

Инспекторъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, я спѣшу къ себѣ въ контору, — отвѣтилъ онъ. —

Однако, разрѣшите мнѣ побывать у васъ еще разъ передъ вашимъ отъѣздомъ.

Онъ крѣпко пожалъ руку американца и повернулся къ выходу. Тутъ Кульсонъ сдѣлалъ маленькую оплошность.

— Скажите, все-таки, мистеръ Джексъ, — спросилъ онъ, — почему вы упомянули имя миссъ Морсъ? Мнѣ это очень любопытно было бы узнать...

Инспекторъ задумчиво посмотрѣлъ на мистера Кульсона.

— Я и самъ не знаю, — послѣ нѣкотораго размышленія отвѣтилъ онъ. — Вѣроятно, потому, что и миссъ Морсъ, и вы — были знакомы съ убитымъ...

— Прелестная барышня, не правда ли? — спросилъ американецъ.

— Какъ и всѣ ваши соотечественницы, пріѣзжающія къ намъ въ Европу, — любезно отвѣтилъ сыщикъ. — Спокойной ночи!...

Послѣ ухода инспектора, Кульсонъ снова опустился въ кресло и нѣкоторое время сидѣлъ въ глубокой задумчивости.

— Да... Это не наши американскіе пріемы!.. — проворчалъ онъ про себя. — Этотъ сыщикъ или очень простъ, или слишкомъ хитеръ для меня...

Онъ подошелъ къ письменному столу, набросалъ нѣсколько незначущихъ словъ одной знакомой фирмѣ въ Сити и передалъ свое посланіе разсыльному.

Нѣсколько минутъ спустя, выйдя въ холль, онъ увидѣлъ свою записку въ рукахъ у швейцара, который списывалъ себѣ помѣченный на ней адресъ...

— Такъ... такъ....

Мистеръ Кульсонъ возвратился въ баръ, тихо посвистывая.

Глава 12

Дипломатическія связи миссъ Морсъ

Мистеръ Робертъ Харви, американскій посолъ въ Лондонѣ, былъ человѣкомъ большой культуры, въ высшей степени одаренный, съ врожденнымъ дипломатическимъ чутьемъ.

Сейчасъ онъ сидѣлъ въ своей огромной библіотекѣ и задумчиво смотрѣлъ на разстилавшійся передъ окнами Паркъ.

Доселѣ между двумя великими націями, говорившими на одномъ языкѣ, не возникало, да, казалось, и не могло возникнуть никакихъ недоразумѣній; интересы ихъ во многомъ совпадали, идеалы, къ которымъ они стремились, тоже были схожи...

Теперь же на безоблачномъ небѣ показалась маленькая тучка. Несмотря на ея ничтожность, Харви не могъ не задумываться о ней: два гражданина великой заатлантической республики были звѣрски убиты въ самой многолюдной столицѣ міра. Значенія этого событія нельзя было ни преуменьшать, ни, тѣмъ иначе, вовсе обойти молчаніемъ.

Такъ же на дѣло смотрѣли и въ Америкѣ. Посолъ бросилъ бѣглый взглядъ на только что полученное имъ изъ Вашингтона письмо и, снова глубоко задумавшись, устремилъ взоръ въ Паркъ.

Друзья его не затуманивали напрасными словами смысла своего посланія. Онъ понялъ, что по поводу этихъ двухъ загадочныхъ убійствъ ему придется имѣть объясненіе съ нѣкоторыми весьма высокопоставленными лицами.

Будучи дипломатомъ и по складу ума, и по профессіи, Харви вполнѣ сознавалъ всѣ трудности предстоящаго разговора.

Въ дверь постучали и лакей доложилъ:

— Дама, которую вы ожидали, сэръ.

— Дорогая Элленъ, — сказалъ посолъ вставая, — какъ я радъ, что вы пришли!

Элленъ улыбнулась.

— Мнѣ это напоминаетъ прежнее время, когда я чувствовала себя здѣсь, какъ дома! — воскликнула она.

Харви ничего не отвѣтилъ: онъ зналъ, что Элленъ, подруга его первой жены, не прощала ему слишкомъ скорой второй его женитьбы.

Онъ любезно пододвинулъ ей кресло къ своему большому письменному столу.

— Я не рѣшился бы послать за вами, — началъ онъ, — если бы не дѣйствительное затрудненіе. Нужно вамъ сказать, что, кромѣ безчисленныхъ телеграммъ, мнѣ прислали еще изъ

Вашингтона обширное, на ста сорока страницахъ, донесенiе о событiяхъ позапрошлой недѣли.

Элленъ слегка вздрогнула.

— Бѣдный Дикки! — прошептала она. — И подумать только, что это я послала его на эту ужасную смерть!

Харви покачалъ головой.

— Не обвиняйте себя напрасно... — задумчиво сказалъ онъ. — Я самъ послалъ бы его туда же... Его меньше знали, чѣмъ остальныхъ служащихъ посольства... Кромѣ того, онъ, какъ свѣтскiй молодой человѣкъ, часто бывалъ въ „Савой-Отелѣ"... Даже, если бы я зналъ, насколько опасно это порученiе, я все-таки послалъ бы именно его... Вѣдь онъ былъ силенъ, какъ Геркулесъ... Рука, набросившая на его шею петлю, была, несомнѣнно, рукой кудесника со стальными пальцами...

Элленъ снова вздрогнула.

— Я далеко не „слабая женщина", — замѣтила она. — Но я не могу вспомнить объ этомъ безъ содроганiя.

— Мы всѣ любили бѣднаго Дикки, — съ печалью въ голосѣ проговорилъ посолъ. — Все-таки это неслыханная дерзость — убить среди бѣла дня личнаго секретаря!

— Убить... и ограбить!.. — прибавила Элленъ, понизивъ голосъ до едва слышнаго шопота.

Брови посла сосредоточенно сдвинулись.

— Да... — замѣтилъ онъ. — И явно, что документы, бывшiе при немъ, попали въ руки лицъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ нихъ...

— Вы въ этомъ совершенно увѣрены? — быстро спросила молодая дѣвушка.

— Совершенно увѣренъ, — отвѣтилъ посолъ. — Такъ убиваютъ только на Востокѣ.

Онъ вдругъ остановился и разсѣянно посмотрѣлъ въ окно.

— Продолжайте же! — воскликнула Элленъ. — Я чувствую, что вы отъ меня что-то скрываете...

Посолъ усмѣхнулся и ласково взглянулъ на нее.

— Какъ вы, навѣрное, уже догадались, — письма, врученныя Фейнсу и Дикки содержали увѣренiя, что посылка нашего флота въ Тихiй океанъ не связана ни съ какими воинственными цѣлями... Это была простая мирная демонстра-

ція. Намъ хотѣлось только показать нѣкоторымъ націямъ нашу военную мощь. Но здѣсь въ этомъ усумнились... и у меня явилась необходимость съ документами въ рукахъ разсѣять зародившіяся у нѣкоторыхъ мѣстныхъ государственныхъ дѣятелей подозрѣнія... Съ другой стороны... — тутъ посолъ на мгновеніе умолкъ, испытующе смотря на Элленъ, — передъ убійствомъ Дикки, нація, считающая себя нашимъ врагомъ въ восточныхъ водахъ, поспѣшно готовилась къ войнѣ. Теперь эти приготовленія пріостановлены, и нашъ флотъ получилъ приглашеніе посѣтить Іокогаму... Разумѣете?

— Понимаю, — тихо проговорила Элленъ. — Но зачѣмъ же вы мнѣ все это разсказали?! Теперь я все вижу въ другомъ свѣтѣ... Въ ужасномъ свѣтѣ!..

— Я знаю васъ съ тѣхъ поръ, когда вы были еще ребенкомъ, — отвѣтилъ посолъ. — Всѣ члены вашей семьи были моими друзьями. Вы принадлежите къ нашей расѣ, и я знаю, что на ваше молчаніе можно расчитывать. Существуютъ такія обстоятельства, при которыхъ правительства обращаются къ услугамъ частныхъ гражданъ... И вы это отлично знаете, Элленъ, ибо уже нѣсколько разъ оказывали своему правительству подобныя услуги...

— Своему правительству я оказывала услуги давно... — прошептала Элленъ.

— Не такъ давно, — возразилъ Харви. — Не случись этой трагической смерти Фейнса, его документы попали бы ко мнѣ черезъ васъ... Теперь я еще разъ хочу прибѣгнуть къ вашей помощи...

При солнечномъ свѣтѣ, струившемся изъ окна, лицо Элленъ казалось блѣднѣе обыкновеннаго. Быть можетъ, частые выѣзды наложили эту печать утомленія на ея обычно оживленное лицо. Подъ глазами ея легли темные круги. Она слушала своего собесѣдника со вниманіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ какой-то тревогой.

— Было замѣчено или, вѣрнѣе говоря, я самъ замѣтилъ, что вы въ большой дружбѣ съ однимъ изъ представителей древнѣйшей аристократіи, гостящимъ въ этой странѣ въ настоящее время... Я, разумѣется, говорю о принцѣ Майо... — началъ посолъ.

Элленъ чуть удивленно приподняла брови. Она дружила съ принцемъ Майо? Губы ея шевельнулись, но она промолчала и спросила:

— Хорошо... Въ чемъ же дѣло?..

— Я самъ часто бесѣдовалъ съ принцемъ Майо, — продолжалъ посолъ,—и нахожу, что онъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ прeставителей своей расы. Я не могу сказать ни слова противъ него. Если бы онъ былъ американцемъ, мы гордились бы имъ... Къ несчастью, однако, онъ принадлежитъ къ націи, которой мы имѣемъ всѣ основанія не довѣрять...

— Я не такъ хорошо его знаю, какъ вы воображаете, — возразила Элленъ. — Мы съ нимъ даже не друзья. Я почему-то даже враждебно къ нему отношусь... Однако, я не вѣрю, чтобы онъ былъ способенъ на безчестный поступокъ.

— И я также, — согласился посолъ. — Однако, у каждой націи разное понятіе о чести. Человѣкъ можетъ лгать для того, чтобы спасти честь женщины и на судѣ, и въ клубахъ, и среди друзей, — и всѣ признаютъ, что онъ былъ совершенно правъ. Точно такъ же патріотъ можетъ лгать и лицемѣрить, если съ этимъ связано благо его страны... Мнѣ кажется, что для Майо родина — выше всего, и, я думаю, что изъ чувства любви къ ней онъ способенъ на все...

— Продолжайте, пожалуйста... — прошептала Элленъ.

— Принцъ пріѣхалъ сюда по какому-то порученію, которое насъ не касается, — продолжалъ Харви. — Я слышалъ, что порученіе это связано съ возобновленіемъ договора между Англіей и Японіей... Во всякомъ случаѣ, я много размышлялъ и пришелъ къ такому заключенію: рукой, убившей двухъ нашихъ друзей и соотечественниковъ, руководилъ принцъ Майо.

— У васъ есть доказательства?.. — воскликнула Элленъ.

— Никакихъ, — тотчасъ же отвѣтилъ посолъ. — Мое заключеніе основано исключительно на разсужденіи; во-первыхъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что наши секретные документы прежде всего сдѣлались достояніемъ націи, отъ которой мы больше всего желали сохранить ихъ въ тайнѣ. Освѣдомленность убійцъ, несомнѣнно, указываетъ на ихъ высокое положеніе. Я ни минуты не сомнѣваюсь, что никто изъ японскаго посольства не замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. Но принцъ Майо —

здѣсь только гость, хотя ему подчиненъ и весь секретный отдѣлъ, и развѣдочная служба... Не думайте, что это пришло мнѣ въ голову внезапно... Я много и долго надъ этимъ думалъ; я совершенно увѣренъ, что оба эти убійства были инспирированы принцемъ Майо.

— Если бы даже это было такъ, чѣмъ же я могу вамъ помочь? — тихо спросила Элленъ послѣ нѣкотораго размышленія. — Почему вы послали за мной?.. Мы съ принцемъ даже не въ дружескихъ отношеніяхъ... Если я и встрѣчаюсь съ нимъ иной разъ, то по необходимости...

Посолъ окинулъ ее удивленнымъ взглядомъ.

— Дорогая Элленъ! — воскликнулъ онъ. — Я наблюдалъ за вами втеченіе нѣсколькихъ послѣднихъ вечеровъ; принцъ удѣляетъ вамъ очень много вниманія и охотно съ вами разговариваетъ.

Брови Элленъ сердито сдвинулись.

— Это вамъ лишь показалось, — промолвила она. — Я старательно избѣгаю его...

— Въ такомъ случаѣ, долженъ сказать, что это не совсѣмъ удается вамъ... — съ улыбкой сказалъ Харви.

— Теперь, быть можетъ, отношенія наши стали немного лучше, — зардѣвшись, отвѣтила Элленъ. — О чемъ же вы хотѣли просить меня?...

— Мнѣ нужно выяснить вотъ что, — началъ посолъ. — Какимъ образомъ Японія узнала о нашихъ миролюбивыхъ намѣреніяхъ?... Другими словами, мнѣ нужно узнать, дѣйствительно ли документы, украденные у Фейнса и у бѣднаго Дикки, попали въ японское посольство, или въ руки принца Майо...

— И еще что нибудь? — спросила молодая дѣвушка съ легкой насмѣшкой въ голосѣ.

— Да... Мнѣ еще нужно узнать отношеніе принца Майо къ возобновленію договора Японіи съ Англіей...

Элленъ покачала головой.

— Даже если бы мы были самыми большими друзьями, онъ не сказалъ бы мнѣ этого: онъ слишкомъ уменъ.

— Не думаю, — перебилъ ее Харви. — Человѣкъ восточной расы можетъ не придать большого значенія разговору съ женщиной и сказать ей много лишняго...

— Но онъ скоро возвращается въ Японію, — замѣтила Элленъ.

— Поэтому то я и послалъ за вами... — быстро отвѣтилъ посолъ. — Сегодня вечеромъ вы увидите принца на балу въ Дэвенхэмъ Гаузъ...

— Да! Но онъ врядъ-ли станетъ вести на балу такой разговоръ.

— А вы попытайтесь...

— Хорошо!... Попытаюсь! — съ усмѣшкой отвѣтила Элленъ. — Но думаю... что вы не вполнѣ понимаете принца Майо...

Глава 13

Миссъ Морсъ исполняетъ порученіе...

Дэвенхэмъ Гаузъ полонъ былъ въ этотъ вечеръ аромата розъ. Гремѣлъ лучшій оркестръ столицы. Въ зимнемъ саду журчали фонтаны; въ огромныхъ зеркалахъ скользили танцующія пары.

Элленъ стояла на порогѣ бальной залы. Рука ея еще покоилась на плечѣ сэра Чарльза Сомерфильда, съ которымъ она только что танцовала. На ней было свѣтлорозовое платье. Несомнѣнно, она была одной изъ самыхъ плѣнительныхъ женщинъ на этомъ балу.

— Чудесный вечеръ! — воскликнулъ сэръ Чарльзъ Сомерфильдъ. — Я давно не чувствовалъ себя такъ хорошо...

— Принцъ Майо... — внезапно вздрогнувъ сказала Элленъ.

Брови молодого человѣка сердито сдвинулись.

— Опять этотъ принцъ!... — промолвилъ онъ. — Вы что-то слишкомъ много думаете о немъ въ послѣднее время, Элленъ...

— А почему же мнѣ не думать о немъ? — нѣсколько вызывающимъ тономъ спросила дѣвушка. — Такъ рѣдко вѣдь приходится встрѣчать людей, къ которымъ питаешь ненависть...

— Я начинаю сомнѣваться въ томъ, что вы такъ ужъ ненавидите его!... — не безъ яда замѣтилъ сэръ Чарльзъ.

Элленъ какъ-то искоса взглянула на него, помолчала мгновенье и съ лукавой улыбкой прошептала:

— Я иногда сама въ этомъ сомнѣваюсь...

Сэръ Чарльзъ нахмурился.

— Не хотите ли еще потанцовать?...

— Нѣтъ, я немного устала, — отвѣтила Элленъ. — Лучше разскажите мнѣ, что вы дѣлали сегодня...

— О, сегодня я былъ очень занятъ!... — воскликнулъ сэръ Чарльзъ. — Съ девяти утра и до завтрака я игралъ въ гольфъ въ Ранела... Затѣмъ вернулся домой, переодѣлся, заѣхалъ къ портному и поѣхалъ въ клубъ. Тамъ сыгралъ партію на билліардѣ и четыре робера въ бриджъ...

— И это все?... — спросила Элленъ.

Сэръ Чарльзъ не уловилъ въ вопросѣ дѣвушки легкаго оттѣнка насмѣшки.

— О, нѣтъ!... — воскликнулъ онъ. — Я обѣдалъ въ Карлтонѣ съ Беллэрами, послѣ чего мы поѣхали въ „Ампиръ" смотрѣть новый балетъ. Чудо, какъ хорошо!...

Они прошли въ зимній садъ и усѣлись въ прохладной тѣни около журчащаго фонтана.

— Элленъ, — неувѣреннымъ и тихимъ голосомъ сказалъ вдругъ сэръ Чарльзъ. — Я никогда не былъ ревнивъ... Но вы перемѣнились ко мнѣ за послѣднее время...

— За послѣднее время произошло столько ужаснаго, — замѣтила молодая дѣвушка, — что я, вообще, измѣнилась... Но не только по отношенію къ вамъ...

— Я всегда думалъ, — продолжалъ сэръ Чарльзъ, — что въ вашемъ отечествѣ съ особеннымъ предубѣжденіемъ относятся къ людямъ желтой расы.

Элленъ пристально посмотрѣла на своего собесѣдника.

— Вы не ошиблись, — спокойно промолвила она. — Продолжайте...

— Мнѣ кажется, что вы не раздѣляете этого предубѣжденія... — проговорилъ молодой человѣкъ.

— Вы ошибаетесь, — отвѣтила Элленъ. — Но, разумѣется, бываютъ исключенія...

— Принцъ Майо, напримѣръ, не правда ли?... — воскликнулъ сэръ Чарльзъ. — Еще двѣ недѣли назадъ я готовъ

былъ побиться объ закладъ, что вы ненавидите его... А сегодня вы сами...

— Вздоръ! — промолвила молодая дѣвушка. — У меня больше причинъ ненавидѣть его, чѣмъ вы думаете, сэръ Чарльзъ.

— Неужели онъ осмѣлился?... — воскликнулъ молодой человѣкъ.

— О, нѣтъ, онъ — воплощеніе такта и воспитанности, — перебила его Элленъ. — Быть можетъ, именно за это я такъ и ненавижу его...

Она вдругъ остановилась: въ зимній садъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ гостей, подъ руку съ принцемъ Майо, вошла герцогиня.

Она остановиласъ около молодыхъ людей. Между ней и Сомерфильдомъ завязался разговоръ.

Принцъ Майо въ упоръ посмотрѣлъ на Элленъ и спросилъ:

— Быть можетъ у васъ еще не всѣ танцы разобраны?... И я могу надѣяться...

Элленъ смущенно протянула ему программу.

— Помѣченные буквой X..., еще свободны, — замѣтила она.

Принцъ улыбнулся и написалъ свое имя противъ четырехъ названій.

— Нашъ первый танецъ — № 10, — сказалъ онъ. — Гдѣ я могу найти васъ?...

— Здѣсь или около моей тетки... — отвѣтила она.

— Вамъ нравится миссъ Морсъ? — спросила герцогиня, послѣ того, какъ Элленъ ушла съ сэромъ Чарльзомъ.

— Очень, — совершенно искренно отвѣтилъ японецъ. — Въ ней удивительно много женственности и обаянія.

— Ея мать была моей кузиной, — сказала герцогиня. — Теперь она живетъ у больной тетки.

— Вѣроятно, она скоро выйдетъ замужъ?... — замѣтилъ японецъ.

— По всей вѣроятности! — отвѣтила герцогиня. — Сэръ Чарльзъ безъ памяти влюбленъ въ нее... И я надѣюсь, что рано или поздно они поженятся.

Майо остановился, чтобы взглянуть на необыкновенныя темныя орхидеи и сказалъ:

— Это будетъ громаднымъ счастьемъ для сэра Чарльза.

Когда молодые люди остались одни, Сомерфильдъ гнѣвно воскликнулъ:

— Элленъ, вы обѣщали этому японцу четыре танца...

— Мнѣ кажется, я обѣщала бы ему и восемь, если бы онъ попросилъ меня объ этомъ, — отвѣтила дѣвушка.

— Вы прикажете проводить васъ къ вашей теткѣ? — едва владѣя собой спросилъ сэръ Чарльзъ.

Элленъ утомленно опустилась въ кресло. Подсѣвъ къ ней сэръ Чарльзъ многозначительно спросилъ:

— Вы хотите мнѣ что-то сказать, Элленъ? — спросилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Нѣтъ, вы ошиблись, — съ досадой отвѣтила дѣвушка. — И, вообще, кто далъ вамъ право такимъ образомъ говорить со мной?

— Вы правы, Элленъ, — дрогнувшимъ голосомъ сказалъ мгновенно смирившійся молодой человѣкъ, — я дѣйствительно не имѣю никакого права.

Элленъ искоса взглянула на него и вдругъ поняла, что этотъ огромный, легкомысленный человѣкъ до самозабвенія любитъ ее. И ей стало жаль его. И она съ внезапной жалостью и вмѣстѣ съ тревогой промолвила:

— Не будемъ говорить объ этомъ... Мнѣ нуженъ сейчасъ только преданный, настоящій другъ... Черезъ нѣсколько недѣль я позволю вамъ высказать все, что у васъ на душѣ...

И мило, застѣнчиво улыбнувшись, добавила:

— Хорошо?...

— Хорошо, — глубоко вздохнувъ, отвѣтилъ сэръ Чарльзъ.

Вдали показался принцъ. Сомерфильдъ тотчасъ же всталъ.

Майо приближался быстрой и неслышной походкой, свойственной его расѣ.

Съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ Элленъ слѣдила за каждымъ его движеніемъ.

Губы японца усмѣхнулись, глаза — радостно поблески-

вали. Свободная, непринужденная поступь свидѣтельствовала о царственномъ происхожденіи...

— Миссъ Морсъ, я прошу васъ великодушно простить меня, — сказалъ онъ, подойдя къ ней. — Я жестоко обманулъ васъ, пригласивъ васъ танцовать, ибо я вовсе не танцую...

Элленъ усмѣхнулась и указала ему мѣсто рядомъ съ собой.

— Что-жъ, я устала и рада буду отдохнуть... Садитесь, поговоримъ...

— Или помолчимъ?... — съ ласковой усмѣшкой произнесъ японецъ. — Мнѣ почему-то кажется, что вамъ хочется молчать... Хотя... молчать вмѣстѣ могутъ лишь большіе друзья...

Она безмолвно кивнула головой.

— Мнѣ пришлось столько пережить за послѣднія двѣ недѣли... — черезъ мгновеніе прошептала она.

— И совершенно напрасно, — сказалъ Майо.

Лицо его сдѣлалось вдругъ серьезнымъ.

— Я нахожу, что во время слѣдствія ваше присутствіе было совершенно излишнимъ... Вы — женщина, и вамъ не мѣсто было тамъ. Кромѣ того, вы такъ мало могли разсказать, — прибавилъ онъ совершенно спокойно.

— Почти ничего, — согласилась она.

— Я невольно сравниваю все время наши нравы и обычаи съ вашими. И хотя мать моя была англичанка, я всецѣло раздѣляю взглядъ, распространенный среди народа моего отца... Мнѣ кажется, что всѣ эти тернистые пути не предназначены для вашего пола.

Элленъ нахмурилась.

— Не думайте, — тотчасъ же прибавилъ принцъ, — что я отрицаю права женщины на участіе въ жизни...

Элленъ слегка вздрогнула, сама не зная почему.

— Надѣюсь, вы понимаете меня? — продолжалъ японецъ. — Я страдалъ за васъ, когда васъ вызывали на слѣдствіе. Когда вамъ приходилось отвѣчать на вопросы людей, недостойныхъ даже дышать однимъ воздухомъ съ вами...

Элленъ продолжала сидѣть молча.

— Не сочтите, пожалуйста, моихъ словъ за нескромность, — сказалъ Майо послѣ нѣкотораго раздумья. — Не подумайте также, что я хочу вызвать васъ на откровенность... Я, дѣйствительно, чувствую такъ...

Элленъ ничего не отвѣтила. Около нихъ журчалъ фонтанъ; и звонко падали въ раковину одинокія капли...

Подъ пронизывающимъ взглядомъ Майо, Элленъ казалось, что она слышитъ біеніе своего сердца. Неужели онъ зналъ ея отношеніе къ Фейнсу, о разговорѣ ея съ посломъ?

Взглянувъ на него, она вдругъ подумала, что если этотъ косоглазый, непонятный человѣкъ угадалъ и другія ея мысли?

Какое безуміе было съ ея стороны соглашаться на просьбу Харви! Ей-ли состязаться съ такимъ противникомъ!

Майо снова заговорилъ. На этотъ разъ голосъ его звучалъ болѣе весело.

— Простите меня, что я такъ долго утруждалъ ваше вниманіе своими чувствованіями. Съ вами я вообще былъ болѣе откровененъ, чѣмъ съ другими...

— Вы хотите этимъ сказать, что я кажусь вамъ любопытнѣе другихъ? — съ ребяческимъ задоромъ посмотрѣвъ на принца, спросила молодая дѣвушка.

— У васъ есть качества, которыхъ я не встрѣчалъ у женщинъ моей расы, — задумчиво сказалъ Майо. — Болѣе того: я не встрѣчалъ ихъ и у представительницъ англійской аристократіи...

— Качества, которыхъ вы не одобряете въ женщинахъ, не правда ли? — все тѣмъ же вызывающимъ тономъ спросила Элленъ.

— Вы — совершенно особенная, миссъ Морсъ, — спокойно отвѣтилъ японецъ. — То, что можетъ не нравиться въ другихъ, въ васъ кажется совершенно естественнымъ... Вы умны и проницательны... По этой то причинѣ я и былъ съ вами нѣсколько откровеннѣе, чѣмъ съ другими... По этой... и еще по одной... о которой вы, несомнѣнно, догадываетесь... Скоро мнѣ придется разстаться съ моими друзьями... И воспоминанія о нихъ всегда будутъ услаждать мою жизнь...

— Вы такъ скоро собираетесь уѣзжать? — быстро спросила Элленъ.

— Да, очень скоро, — отвѣтилъ Майо. — Работа моя здѣсь почти закончена. Я долженъ возвратиться къ себѣ на родину.

Элленъ чуть отодвинулась отъ него, точно это извѣстіе было ей непріятно.

— Вы уѣзжаете... навсегда?... — спросила она, послѣ небольшого молчанія.

— Никогда нельзя заранѣе предугадать того, что предстоитъ еще намъ въ жизни, — со странной улыбкой отвѣтилъ японецъ. — Я вѣдь не воленъ въ себѣ: я слуга своего императора и родины...

— О васъ говорили, что вы рѣшили навсегда поселиться здѣсь... въ Европѣ? — смущенно замѣтила Элленъ.

Майо удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Въ Европѣ?... — воскликнулъ онъ. — Нѣтъ, нѣтъ! Это рѣшительно невозможно!... Я не могъ-бы прожить всю жизнь вдали отъ своей родины...

— Однако, многіе ваши соотечественники живутъ здѣсь? — возразила Элленъ.

Майо улыбнулся.

— Да... живутъ... по необходимости!... — замѣтилъ онъ. — Мнѣ очень трудно объяснить вамъ, женщинѣ иной расы, что для насъ — земля, на которой мы родились... Если мы покидаемъ ее, то только затѣмъ, чтобы служить ей... И ждемъ возвращенія, какъ высшей награды...

— Въ такомъ случаѣ вы теперь здѣсь... для блага вашей родины? — быстро спросила Элленъ.

— Разумѣется, — тотчасъ же отвѣтилъ японецъ.

— А въ чемъ заключается ваше служеніе родинѣ здѣсь? — робко спросила Элленъ. — Вы... изучаете англійскіе нравы... обычаи?...

Майо быстро обратился къ ней и пристально посмотрѣлъ ей прямо въ глаза. Казалось, онъ въ эту минуту прочелъ всѣ ея самыя сокровенныя мысли.

И Элленъ вдругъ почувствовала себя ребенкомъ, захваченнымъ врасплохъ во время запретной игры...

— Миссъ Морсъ, пожалуйста, не задавайте мнѣ больше такихъ вопросовъ, — промолвилъ послѣ нѣкотораго молчанія

принцъ. — Я люблю говорить правду, но есть вещи, о которыхъ я не смѣю говорить. Могу лишь вамъ сказать, что мое отечество нуждается теперь въ помощи всѣхъ вѣрныхъ своихъ сыновъ... Васъ удовлетворяетъ мой отвѣтъ?

— Да... — прошептала Элленъ.

— А теперь, — промолвилъ принцъ вставая, — я долженъ напомнить порученіе герцогини и провожу васъ къ ужину... Кто-то изъ принцевъ крови пожелалъ сидѣть съ нами за однимъ столомъ...

Элленъ тоже поднялась.

Они прошли черезъ бальную залу и поднялись по широкой лѣстницѣ.

На порогѣ огромной столовой Элленъ сама не зная почему, пріостановилась и сказала:

— Вѣроятно, вы не часто читаете газеты, принцъ? И вамъ, быть можетъ, неизвѣстно, что полиціи все-же удалось напасть на слѣдъ убійцы Гамильтона Фейнса?...

Майо нѣкоторое время молча смотрѣлъ ей въ глаза.

— Ахъ, такъ? — произнесъ онъ наконецъ.

Она поняла, что онъ хочетъ, чтобы она продолжала и вдругъ съ замершимъ сердцемъ заключила:

— Въ полицію явился маленькій докторъ изъ Уиллингтона. Онъ разсказалъ, что въ ночь убійства Фейнса ему пришлось оказать помощь какому-то раненому...

Майо молчалъ. Элленъ поразила совершенная неподвижность его лица. Она удивленно посмотрѣла на него и вдругъ почувствовала какую-то страшную стѣсненность въ груди, почувствовала, что блѣднѣетъ.

— Ея свѣтлость проситъ ваше высочество пожаловать къ столу... — послышался около нихъ голосъ дворецкаго.

Глава 14.

Инспекторъ Джексъ у принца Майо

Послѣ ужина принцъ Майо проводилъ Элленъ къ теткѣ и напомнилъ молодой дѣвушкѣ, что она обѣщала ему одинъ изъ слѣдующихъ танцевъ.

Тетка Элленъ, больная старушка, очень рѣдко показыва-

лась въ обществѣ. Она удивленно посмотрѣла вслѣдъ удалявшемуся японцу и замѣтила своей племянницѣ:

— Я недоумѣваю, что сказали бы въ Нью-Іоркѣ о вашемъ новомъ поклонникѣ, Элленъ?...

— Мнѣ кажется, что всѣ страшно завидовали бы мнѣ, — быстро отвѣтила молодая дѣвушка.

Старушка, правовѣрная американка, хотѣла было возразить что-то, но, посмотрѣвъ на племянницу, промолчала.

— Надѣюсь, что у насъ не будетъ войны съ Японіей, — сказала лишь через нѣкоторое время старушка. — Еще нѣсколько недѣль назадъ адмиралъ писалъ мнѣ, что столкновеніе почти неизбѣжно.

— Это было бы ужасно! — со вздохомъ замѣтила герцогиня. — Особенно, принимая во вниманіе нашъ союзъ съ Японіей... Однако, не думаю, чтобы эти разговоры были серьезны: ваши американскіе политики — люди со здравымъ смысломъ. Кромѣ того, мать принца Майо — англичанка, дочь лорда Стреттонъ-Уэйнъ, англійскаго посланника въ Японіи... Это была одна изъ первыхъ свадебъ между японцемъ и англичанкой.

— Мнѣ кажется, — замѣтила Элленъ, — что въ глубинѣ души принцъ все-же настоящій японецъ...

Въ это мгновеніе къ дамамъ съ мрачнымъ лицомъ подошелъ сэръ Чарльзъ и пригласилъ Элленъ на слѣдующій танецъ.

Проводивъ ее обратно къ теткѣ, онъ саркастически спросилъ:

— Слѣдующій танецъ вы разумѣется снова обѣщали принцу?

— Да... Вотъ онъ, кстати, и идетъ, — тотчасъ же отвѣтила Элленъ.

Майо привѣтливо улыбнулся молодому человѣку. — Сэръ Чарльзъ сердито отвернулся.

— Я страшный эгоистъ, — сказалъ принцъ Элленъ, когда молодая дѣвушка взяла его подъ руку. — Я отнимаю васъ у вашихъ друзей и заставляю васъ скучать въ то время, какъ другіе танцуютъ...

Элленъ усмѣхнулась.

— Пойдемте въ зимній садъ. Тамъ и поговоримъ...

Они усѣлись на свои прежнія мѣста у журчащаго фонтана.

— Принцъ, — сказала Элленъ, — сегодня вечеромъ я ближе узнала васъ... Вы не любите, когда васъ разспрашиваютъ... И все же я хотѣла бы задать вамъ одинъ вопросъ...

— Пожалуйста, — прошепталъ Майо.

— Вы какъ-то упомянули въ разговорѣ о томъ, что ваша страна именно теперь нуждается въ помощи всѣхъ своихъ вѣрныхъ сыновъ... Говоря такъ, вы думали о будущей войнѣ Японіи съ Соединенными Штатами?..

Майо мгновеніе молча смотрѣлъ на молодую дѣвушку.

— Миссъ Элленъ... Разрѣшите мнѣ такъ называть васъ... — сказалъ онъ, наконецъ. — Быть можетъ, это дерзость съ моей стороны, но я слышалъ, что такъ васъ называютъ многіе изъ вашихъ друзей...

— Да-да... называйте меня такъ... — прервала его Элленъ.

— Разрѣшите же вамъ напомнить то, о чемъ мы недавно съ вами говорили. Вѣдь вы не обидитесь?... Я увѣренъ, что вы меня поймете... Я не могу говорить объ этомъ...

— Даже со мной? — улыбаясь спросила Элленъ.

— Миссъ Элленъ... — прошепталъ Майо, — вы вѣдь — дочь той страны, о которой мы только что говорили...

Элленъ на мгновенье задумалась.

— Вы, значитъ, думаете, что для меня родина — выше всего на свѣтѣ? — спросила она, понизивъ голосъ до едва слышнаго шопота.

— Да... Я такъ думаю, — тотчасъ же отвѣтилъ Майо. — Правда, вашъ народъ — помѣсь различныхъ расъ, но все же вы — нація... И я думаю, что въ минуты серьезной опасности вы выше всего поставили бы благо родной страны...

— А поэтому?... — быстро спросила она.

— Поэтому, — отвѣтилъ онъ съ очаровательной улыбкой, — не будемте обсуждать чаяній и надеждъ моей страны... Или же, если хотите, поговоримъ объ этомъ нѣсколько иносказательно...

— Знаете ли, что случается въ сказкѣ, когда воюютъ двѣ великія націи? — прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Нѣтъ... — прошептала Элленъ. — Скажите...

— Сынъ японскаго императора и дочь великой американской націи обручаются. Ихъ помолвка останавливаетъ битвы, и обѣ націи ликуютъ...

Элленъ вздохнула и, бросивъ на Майо быстрый взглядъ, снова опустила глаза.

— Но я — не дочь великой американской націи... — чуть слышно прошептала она.

— И я, — со вздохомъ отвѣтилъ онъ, — не сынъ великаго японскаго императора.

Послѣдовало долгое молчаніе.

Она украдкой взглянула на своего собесѣдника: Майо сидѣлъ неподвижно, какъ каменное изваяніе, и лишь блескъ его глазъ выдавалъ его волненіе.

— Почему вы такъ серьезны? Вѣдь мы же говоримъ о сказкахъ? — спросила, наконецъ Элленъ.

— Потому что сказки — прекрасны, — отвѣтилъ онъ тихимъ голосомъ. — Развѣ вы никогда не читали легенды вашей родной страны?... Легенды о тѣхъ далекихъ временахъ, когда го, что теперь зовется „цивилизаціей", еще не существовало?... Когда каждый человѣкъ могъ жить свободно и думать о личномъ своемъ счастьи?... И въ исторіи моей страны было это счастливое время... Почему же намъ не помечтать и не вообразить, что это на мгновеніе вернулось?...

— А если бы оно вернулось?... — спросила Элленъ, понизивъ голосъ до едва слышнаго шопота.

— Быть можетъ, для насъ обоихъ жизнь была бы болѣе счастливой, — отвѣтилъ Майо.

Онъ взялъ кончики пальцевъ Элленъ и поднесъ ихъ къ губамъ.

Вдали показался Сомерфильдъ. Онъ окинулъ принца недовольнымъ взглядомъ.

— Уильмотъ ждетъ васъ, — сказалъ онъ Элленъ. — Вы обѣщали ему этотъ танецъ...

Молодая дѣвушка встала, и, обернувшись къ принцу, попросила:

— Пожалуйста, проводите меня къ моей теткѣ...

Разрѣшите мнѣ просить герцогиню или вашу тетушку придти какъ-нибудь съ вами ко мнѣ... Я не знаю, долго ли еще пробуду въ этой странѣ... А мнѣ такъ хотѣлось бы, чтобы вы побывали у меня...

— Пожалуйста, — быстро отвѣтила Элленъ, — я буду очень рада. Тетка моя никуда не выѣзжаетъ. Но герцогиня, вѣроятно, съ удовольствіемъ согласится... Условьтесь съ ней о днѣ...

— Хотите, завтра?... — перебилъ ее Майо.

— Хорошо, — тотчасъ же отвѣтила молодая дѣвушка.

Когда Майо вышелъ на улицу, начинался уже разсвѣтъ. Онъ отослалъ автомобиль и направился пѣшкомъ къ своему дому на Сентъ Джемсъ Скверѣ. Послѣ жары бальнаго зала утренняя свѣжесть и прохлада показались ему удивительно пріятными.

Что-то въ этомъ апрѣльскомъ пробуждающемся утрѣ напомнило ему родину; быть можетъ, ароматъ цвѣтовъ изъ палисадниковъ и отсутствіе уличнаго шума.

Какъ только онъ подошелъ къ своему дому, входная дверь безшумно открылась: во время отсутствія принца никто изъ его желтыхъ слугъ не ложился...

Дворецкій сказалъ ему нѣсколько словъ по-японски. Майо быстро прошелъ въ свой рабочій кабинетъ. На столѣ лежала каблограмма.

Быстрымъ движеніемъ Майо вскрылъ ее. Въ ней было одно только слово. Онъ прочелъ его и уронилъ бумагу на столъ: время его отъѣзда было назначено.

Въ комнату безшумными шагами вошелъ Сото — секретарь и слуга Майо.

— Хозяинъ, — сказалъ онъ. — Здѣсь былъ англичанинъ и оставилъ карточку...

Принцъ взялъ карточку:

— Инспекторъ Джексъ... прекрасно... — Въ чемъ же дѣло? — спросилъ Майо.

— Онъ разспрашивалъ насъ, — продолжалъ Сото. — Его поразилъ нашъ плохой англійскій языкъ. Онъ придетъ въ другой разъ...

Майо улыбнулся и ласково положилъ руку на плечо своего слуги.

— Это не имѣетъ никакого значенія, Сото, — тихо промолвилъ онъ. — Никакого...

Глава 15

Тайна ларца

— Вашъ домъ удивителенъ! — воскликнула Элленъ, обращаясь къ принцу. — Я знала, что вы любите искусство, все прекрасное... Но мнѣ и не мнилось, что вы такъ богаты...

Майо тихо разсмѣялся.

— Въ моей странѣ нѣтъ особенно богатыхъ людей, — отвѣтилъ онъ. — Всѣ сокровища, которыя вы видите здѣсь, я получилъ по наслѣдству... Они переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ нашемъ роду уже въ теченіе многихъ вѣковъ... Бронзовый идолъ на моемъ письменномъ столѣ, напримѣръ, насчитываетъ уже четыре столѣтія... Стѣнные ковры были сотканы въ ту пору, когда въ Европѣ еще и понятія не имѣли о коврахъ.

— Что мнѣ больше всего нравится въ вашей обстановкѣ, это ея замѣчательный фіолетовый тонъ, — замѣтила герцогиня.

— Я радъ, что вамъ нравится мой любимый цвѣтъ, — промолвилъ японецъ. — Нѣкоторые считаютъ его слишкомъ темнымъ. Я же люблю спокойные темные тона.

— Въ вашемъ домѣ все дышитъ спокойствіемъ, — замѣтила Элленъ. — Слуги движутся неслышно, ковры поглощаютъ всѣ звуки... И этотъ странный запахъ жженыхъ листьевъ... Почему у васъ всѣ окна закрыты?... Мнѣ кажется, если бы я долго осталась здѣсь, у меня разболѣлась бы голова...

— Я люблю свѣжій воздухъ... Но воздухъ вашихъ улицъ ужасенъ, — сказалъ Майо. — Кромѣ того, шумъ города мнѣ непріятенъ. Такъ — я чувствую себя въ полнѣйшемъ одиночествѣ и могу спокойно предаваться своимъ мыслямъ...

Подойдя къ небольшому столику, онъ сказалъ:

— Герцогиня, не угодно ли вамъ попробовать этихъ глазированныхъ фруктовъ. Мнѣ прислали ихъ съ родины... Здѣсь еще не знаютъ тайны ихъ приготовленія... Миссъ Морсъ, вамъ, кажется, нравятся мои портьеры?... Хотите, я объясню вамъ значеніе вытканныхъ на нихъ изображеній.

Майо подвелъ Элленъ къ окну и объяснилъ ей нѣсколько легендъ изъ мифологіи своей страны.

— Почему мы съ вами всегда говоримъ или о далекомъ прошломъ, или о будущемъ? — перебила его Элленъ. — Почему мы никогда не говоримъ съ вами о настоящемъ?...

— О настоящемъ?... — задумчиво произнесъ онъ.

— Да... именно, — быстро сказала Элленъ. — Ваша вчерашняя сказка была прекрасна, но слишкомъ далека отъ жизни...

Майо долженъ былъ остановить ее: нѣсколько гостей хотѣли проститься съ нимъ, и онъ долженъ былъ проводить ихъ до двери.

Двоюродная сестра его матери — лэди Стреттонъ Уэйнсъ помогала ему принимать гостей.

Когда Майо снова подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, она осматривала маленькій ларецъ, стоявшій на столикѣ изъ слоновой кости.

— Покажите же мнѣ тайну этого замка! — попросила Элленъ. — Все время, покуда васъ не было, я пробовала открыть этотъ ларецъ... Можно вообразить, что въ немъ спрятаны тайны цѣлой націи!...

Принцъ улыбнулся и, взявъ ларецъ изъ ея рукъ, нажалъ пружину. Крышка его тотчасъ же открылась.

— Кажется, онъ пустъ, — замѣтилъ Майо.

Элленъ заглянула въ ларецъ.

— Нѣтъ!... — воскликнула она. — Въ немъ что-то есть!... Посмотрите!

Она вынула изъ ларца небольшой странной формы острый кинжалъ и мотокъ длиннаго шелковаго шнура.

— Что это такое? — спросила она Майо. — Быть можетъ, это символы — шнуръ и кинжалъ судьбы?...

Майо безмолвно взялъ у нея изъ рукъ вынутыя вещи и положилъ ихъ обратно въ ларецъ, защелкнувъ замокъ.

Молодая дѣвушка удивленно посмотрѣла на японца.

— Въ чемъ дѣло? — спросила она. — Быть можетъ, мнѣ не слѣдовало вынимать эти вещи изъ ларца?...

Майо посмотрѣлъ на нее недвижнымъ взглядомъ и сказалъ:

— Я не зналъ, что ларецъ не пустъ. И очень сожалѣю, если эти вещи напугали васъ...

Въ то же мгновеніе Элленъ почувствовала, что полъ уходитъ изъ подъ ея ногъ. Еще мгновеніе и она лишилась бы чувствъ. Комната, съ поблекшими старинными портьерами съ мифологическими фигурами, съ бронзовыми идолами, съ запахомъ какихъ-то благоухающихъ травъ, завертѣлась вдругъ передъ ея глазами.

Шатаясь она подошла къ герцогинѣ и сказала ей, что хочетъ вернуться домой.

Майо любезно проводилъ ихъ до дверей.

— Благодарю васъ за оказанную мнѣ честь, — промолвилъ онъ, склоняясь надъ рукой герцогини. — Ваше посѣщеніе будетъ для меня всю жизнь пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ...

— Дорогой принцъ, для меня тоже было большимъ удовольствіемъ побывать въ вашемъ домѣ, — улыбаясь отвѣтила герцогиня. — Здѣсь, среди всѣхъ вашихъ прекрасныхъ вещей намъ казалось, что мы у васъ на родинѣ.

Майо низко поклонился.

Элленъ все время избѣгала смотрѣть въ лицо принцу. Простившись, она быстро сбѣжала по лѣстницѣ. На улицѣ она обернулась и еще разъ взглянула на домъ; принцъ Майо, раздвинувъ занавѣски, въ упоръ смотрѣлъ на нее. Лицо его показалось молодой дѣвушкѣ болѣе, чѣмъ когда либо неподвижнымъ и блѣднымъ.

— Правда, я не такъ скучала, какъ опасалась! — воскликнула герцогиня, садясь въ автомобиль. — Но мнѣ слѣдуетъ серьезно поговорить съ вами, Элленъ... Въ васъ влюбленъ самый блестящій богатый и красивый молодой человѣкъ Лондона... Онъ хочетъ жениться на васъ... Вы же, послѣ того, какъ увѣряли всѣхъ, что ненавидите принца Майо, теперь просто компрометируете себя съ нимъ... Я согласна, что Майо

очень интересенъ... Даже очарователенъ. Но стоитъ ли тратить на него понапрасну время?... Я увѣрена, что онъ никогда не женится на женщинѣ иной расы...

— Тетя, если вы скажете мнѣ еще хотя бы слово... я заплачу! — воскликнула Элленъ.

Тотчасъ же по пріѣздѣ домой, герцогиня подошла къ телефону и вызвала Сомерфильда.

— Чарли, — серьезнымъ голосомъ сказала она, — сегодня мы были у принца Майо, — онъ пригласилъ насъ съ Элленъ къ чаю...

— Я знаю, — послышался отвѣтъ. — Я былъ также приглашенъ, но, по правдѣ сказать, мнѣ непріятно было видѣть, какъ принцъ ухаживаетъ за Элленъ...

— Слушайте дальше, — перебила его герцогиня. — Я не знаю, что произошло между ними, но вѣроятно Майо чѣмъ-то обидѣлъ Элленъ... Она вернулась домой совершенно разстроенная и тотчасъ же заперлась у себя въ комнатѣ...

— Мнѣ очень жаль...— послышался отвѣтъ. — То-есть, я хотѣлъ сказать, я очень радъ... это слышать...

— Что вы сказали? — строго переспросила герцогиня.— Я не совсѣмъ разслышала ваши первыя слова... Во всякомъ случаѣ, я рѣшила позвонить вамъ и попросить васъ придти сегодня къ обѣду. Быть можетъ, Элленъ одумается... и будетъ благоразумнѣе...

— Благодарю васъ, — воскликнулъ Сомерфильдъ. — Я приду съ большимъ удовольствіемъ...

Герцогъ за обѣдомъ отсутствовалъ. Онъ былъ на политическомъ совѣщаніи. Элленъ была блѣднѣе обыкновеннаго и жаловалась на головную боль. Однако, она была очень любезна съ сэромъ Чарльзомъ.

Послѣ обѣда, когда молодые люди прошли въ библіотеку, сэръ Чарльзъ сказалъ:

— Элленъ, вамъ что-то волнуетъ?... У васъ усталый и больной видъ... Быть можетъ, вы скажете мнѣ, въ чемъ дѣло?...

Элленъ ничего не отвѣтила.

— Быть можетъ принцъ Майо... — началъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ!... Нѣтъ!... — воскликнула дѣвушка. — Не говорите о немъ!... Мнѣ не хочется сейчасъ говорить о немъ!...

— Что касается меня, то я радъ буду никогда въ жизни больше не говорить и не слышать о немъ... — проворчалъ Сомерфильдъ.

Послѣдовало недолгое молчаніе. Вдругъ Элленъ повернулась къ молодому человѣку.

— Чарли, — сказала она, — вы уже шесть разъ дѣлали мнѣ предложеніе...

— Семь... — поправилъ онъ ее. — И теперь еще разъ повторяю его... — Значитъ — всего восемь...

— Отлично, — промолвила она. — Я принимаю ваше предложеніе... но съ однимъ условіемъ...

— О, я согласенъ на все! — воскликнулъ молодой человѣкъ. — На все, Элленъ! Это такое счастье, что мнѣ даже не вѣрится, что это правда... Элленъ!... Вы говорите серьезно?..

— Совершенно серьезно, — промолвила молодая дѣвушка. — Вы должны завтра же объявить всѣмъ о нашей помолвкѣ и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ничего не говорить мнѣ о свадьбѣ... Согласны, Чарли? Обѣщаете мнѣ?

— Да, Элленъ! Да! Обѣщаю... Но скажите мнѣ еще разъ, что вы говорили серьезно!...

Элленъ протянула ему руку и съ горькой улыбкой прошептала:

— Я сдержу свое слово, Чарли. Вѣрьте мнѣ...

Глава 16

Принцъ Майо и помолвка Элленъ.

Элленъ снова очутилась въ огромной библіотекѣ посла на Паркъ Лэнъ. На этотъ разъ она явилась безъ приглашенія, вызвавъ посла изъ гостиной, гдѣ у жены его былъ въ это время большой пріемъ.

— Мнѣ нужно сказать вамъ лишь нѣсколько словъ, мистеръ Харви, — начала она. — Я сдѣлала важное откры-

тіе... Я хочу разсказать вамъ все какъ можно скорѣе и затѣмъ уйти...

— Это имѣетъ отношеніе къ нашему послѣднему разговору? — быстро спросилъ посолъ.

Элленъ опустила голову.

— Это касается принца Майо, — еле слышно прошептала она.

— Вы даже не хотите присѣсть, Элленъ? — спросилъ ее Харви. — Вѣдь вы знаете, какъ для меня это интересно...

Элленъ сдѣлала усиліе, чтобы улыбнуться.

— Для меня это ужасно,— прошептала она. — Вы помните: въ послѣдній разъ, когда я была здѣсь, вы сказали мнѣ, что рукой убійцы Фейнса и Дикки руководилъ, несомнѣнно, принцъ Майо...

— Отлично помню, — подтвердилъ посолъ.

— Вы были совершенно правы, — прошептала Элленъ.

Посолъ затаилъ дыханіе: онъ былъ пораженъ, несмотря на то, что въ глубинѣ души подготовленъ былъ къ этому извѣстію.

— Я нѣсколько разъ разговаривала съ принцемъ послѣ нашей бесѣды, — продолжала Элленъ. — Правда, въ разговорѣ мнѣ не удалось ничего отъ него вывѣдать... Онъ былъ до крайности остороженъ... Однако, случайно, въ его домѣ, куда я была приглашена на чай съ герцогиней, я нашла въ запертомъ ларцѣ двѣ вещи...

— А именно?... — быстро спросилъ посолъ.

— Мотокъ шелковаго шнура... Такой же, какимъ былъ задушенъ бѣдный Дикки... И странной формы маленькій кинжалъ... Вѣроятно, такимъ кинжаломъ былъ убитъ Фейнсъ...

— А... Майо извѣстно, что вы видѣли эти вещи? — спросилъ посолъ, послѣ нѣкотораго раздумья.

— Онъ стоялъ тутъ же... около меня, — отвѣтила Элленъ. — И даже открылъ ларецъ по моей просьбѣ. Вѣроятно, онъ забылъ, что онѣ тамъ...

— Или даже не зналъ, что онѣ находятся въ ларцѣ, — задумчиво произнесъ посолъ.

— Быть можетъ, — согласилась Элленъ, хотя раньше эта мысль не приходила ей въ голову.

— Онъ сказалъ вамъ что-нибудь тогда? — снова спросилъ посолъ.

— Нѣтъ... — быстро отвѣтила Элленъ. — Но въ этомъ не было надобности... Достаточно было посмотрѣть на него... Онъ догадался, что я поняла значенiе этихъ вещей...

Посолъ нѣкоторое время молча ходилъ большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Элленъ, — сказалъ онъ, наконецъ, — вы лишь подтвердили мои догадки... Но все же я сильно потрясенъ тѣмъ, что услышалъ отъ васъ.

Элленъ протянула ему руку.

— Я разсказала вамъ всю правду! — воскликнула она. — Остальное зависитъ отъ васъ. Я еще хотѣла предупредить васъ о томъ, что Майо скоро возвращается на родину...

— Я уже слышалъ объ этомъ, — сказалъ Харви. — Вѣроятно, всѣ эти послѣднiе дни онъ будетъ часто показываться въ обществѣ... Я увѣренъ, что и сегодня онъ на прiемѣ у моей жены...

— Гдѣ и я должна бы быть... — съ усталой усмѣшкой сказала молодая дѣвушка, направляясь въ гостиную. — Но я хотѣла раньше повидаться съ вами.

— Я не пойду съ вами, — промолвилъ посолъ. — У кого нибудь могла бы возникнуть догадка о нашемъ тайномъ разговорѣ... А теперь позвольте пожелать вамъ много, много счастья... Я еще не поздравилъ Сомерфильда... Какъ американскiй гражданинъ, однако, не могу не пожалѣть о томъ, что еще одну изъ моихъ соотечественницъ похитилъ англичанинъ... даже такой, во всѣхъ отношенiяхъ молодецъ, какъ Сомерфильдъ...

Элленъ сдѣлала усилiе, чтобы улыбнуться.

— Благодарю васъ, — отвѣтила она. — День свадьбы еще не назначенъ... Думаю, что это будетъ не скоро..

Элленъ прошла въ прiемныя комнаты герцогини, наполненныя нарядной и оживленной толпой. Принцъ Майо одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ ее...

Онъ взялъ ея руку и нѣкоторое время держалъ ее въ своей рукѣ. Элленъ, несмотря на то, что была готова къ этой

встрѣчѣ, смутилась... Блѣдныя щеки ея покрылись густымъ румянцемъ.

— Это правда?.. — сказалъ, наконецъ Майо.

Элленъ показалось страннымъ, что онъ не говоритъ о другой тайнѣ, такой глубокой пропастью отдѣлившей ихъ другъ отъ друга.

— Да, это правда, что я помолвлена съ сэромъ Чарльзомъ Сомерфильдъ, — отвѣтила она.

— Желаю вамъ отъ души много, много счастья, — проговорилъ онъ. — Что же касается сэра Чарльза, — то я нахожу, что ему больше нечего желать здѣсь на землѣ...

— Вы настоящій придворный, — со смущенной улыбкой отвѣтила Элленъ. — Въ нашей демократической странѣ мы не привыкли къ такимъ рѣчамъ, принцъ...

— Значитъ, вы выходите замужъ за сэра Чарльза?... — задумчиво произнесъ принцъ.

Элленъ показалось, что она уловила какое то недовѣріе въ голосѣ Майо.

— Вы какъ будто недовѣрчиво относитесь къ извѣстію о моей помолвкѣ? — произнесла она. — Сэръ Чарльзъ — богатъ, спортсменъ, охотникъ, прекрасной семьи...

— Несомнѣнно...

По лицу Майо скользнула легкая тѣнь.

— Вы кажется недолюбливаете его? — быстро спросила молодая дѣвушка.

— Мы такъ мало знаемъ другъ друга, — замѣтилъ Майо. — Наши вкусы такъ различны, что мы не могли съ нимъ особенно сблизиться... Однако, разъ вы отмѣтили его своимъ избраніемъ, я готовъ увѣровать въ него.

Въ тонѣ принца зазвучала легкая насмѣшка.

— Скажите же мнѣ, въ чемъ именно ваши вкусы такъ различны? — спросила она. — Вы говорите объ этомъ такъ, какъ будто не одобряете его вкусовъ?...

— Мы съ нимъ — сыны различныхъ отечествъ, — серьезнымъ голосомъ проговорилъ Майо. — Мы совершенно различно понимаемъ жизнь. Передъ моимъ отъѣздомъ мы еще поговоримъ съ вами объ этомъ. А теперь...

— Я напомню вамъ это ваше обѣщаніе, принцъ! — воскликнула Элленъ.

— Во всякомъ случаѣ, — прибавилъ принцъ послѣ нѣкотораго раздумья. — Залогомъ вашего счастья является то обстоятельство, что вы и Сомерфильдъ — люди одной расы.

Элленъ удивленно посмотрѣла на него.

— Когда я говорю вамъ объ этомъ, я вспоминаю своихъ родителей, — сказалъ Майо, какъ бы въ поясненіе своей мысли. — Мой отецъ очень любилъ свое отечество... Онъ былъ очень образованный человѣкъ... но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ со страшной нетерпимостью относился къ нравамъ и обычаямъ другихъ странъ... Мнѣ иногда думается, что мои родители были бы счастливѣе, если бы одинъ изъ нихъ слегка уступалъ другому... Они скоро разошлись, хотя продолжали жить подъ одной кровлей.

— Какъ это грустно было, вѣроятно, для васъ! — замѣтила Элленъ.

— Вы не совсѣмъ правильно поняли меня, — отвѣтилъ Майо. — Что касается меня, то я — настоящій японецъ... Все же я чувствую въ себѣ иногда родство съ этой страной... съ родиной моей матери... въ особенности, когда я здѣсь... Жизнь кажется мнѣ тогда очень печальной... Но простите меня, что я такъ много говорю о себѣ... Сегодня слѣдовало бы говорить только о васъ, вашемъ счастьи...

Съ этими словами Майо поклонился молодой дѣвушкѣ и отошелъ къ какой то старушкѣ, повидимому, желавшей поговорить съ нимъ.

Элленъ невольно проводила его глазами. Какъ онъ былъ обаятеленъ! Съ какою почтительностью склонилъ онъ голову передъ своей престарѣлой собесѣдницей!...

И этого человѣка она только что предала!

Она сдѣлала вдругъ движеніе къ нему, захотѣла вдругъ все разсказать ему, все, до мельчайшихъ подробностей.

— Элленъ!.. Герцогиня хочетъ поговорить съ вами.

Элленъ опомнилась. Передъ ней стоялъ ея женихъ.

Глава 17

Визитъ герцога премьеръ-министру.

— Я хотѣлъ поговорить съ вами относительно приглашеній въ Хэмпшейръ на будущей недѣлѣ, — сказалъ герцогъ, обращаясь къ своей женѣ.

Они сидѣли въ маленькомъ будуарѣ герцогини.

— А кого вы желали бы пригласить? — спросила герцогиня.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы было какъ можно меньше гостей: нѣсколько самыхъ близкихъ друзей и принцъ Майо...

Герцогиня удивленно взглянула на мужа.

— Какъ странно, — промолвила она. — Всѣ точно сговорились! Принцъ Майо! Принцъ Майо! Кажется, будь онъ сыномъ самого японскаго императора, его не могли бы баловать больше...

Герцогъ въ свою очередь удивленно посмотрѣлъ на жену.

— Дорогая Маргарита, — замѣтилъ онъ, — мы т. е. я и мои политическіе друзья, — знаемъ, что мы дѣлаемъ... У насъ есть свои опредѣленные планы... Для насъ очень важна дружба съ этимъ молодымъ японцемъ.

— Но у насъ всегда бываетъ японскій посолъ, — замѣтила она. — Баронъ Хишо, очаровательный собесѣдникъ... Онъ очень расположенъ къ намъ...

— Все это не то... — перебилъ ее мужъ. — Принцъ Майо присланъ сюда по важному дѣлу... Намъ самимъ удалось узнать это лишь черезъ нашъ тайный справочный отдѣлъ въ Токіо... Благо нашей страны требуетъ того, чтобы мы были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ...

Герцогинѣ, американкѣ по происхожденію, всѣ эти расчеты были чужды.

Добродушно улыбнувшись, она сказала:

— Дорогой Генри, но этотъ страшный японецъ не занимается спортомъ. И я, право, не знаю, чѣмъ мы займемъ его... Я могу только обѣщать вамъ, что онъ останется доволенъ столомъ... Что же касается пріятныхъ собесѣдниковъ, то уже ваша обязанность подобрать ихъ... Пока я еще никого

не пригласила кромѣ сэра Чарльза.. Это нужно было сдѣлать изъ за Элленъ...

— Конечно, — согласился герцогъ. — Я радъ, что Элленъ будетъ у насъ... Мнѣ только жаль, что она не англичанка. Я очень хотѣлъ бы, чтобы принцъ серьезно влюбился въ нее...

— Быть можетъ, — сухо замѣтила герцогиня, — вы желали бы, чтобы японецъ серьезно влюбился и въ нашу дочь?...

— Долженъ сознаться, что это искренно бы меня порадовало, — отвѣтилъ герцогъ. — Я еще никогда не встрѣчалъ такого интереснаго во всѣхъ отношеніяхъ и такого серьезнаго молодого человѣка...

— А мнѣ какъ то не вѣрится въ такое совершенство, — задумчиво проговорила герцогиня. — Я часто сомнѣваюсь: дѣйствительно ли онъ такъ правдивъ, какъ кажется?...

Послѣ этого разговора герцогъ отправился на Доунингъ Стритъ, гдѣ тотчасъ же былъ принятъ премьеръ-министромъ.

— Принцъ Майо пріѣдетъ къ вамъ въ имѣніе на будущей недѣлѣ, не правда ли? — тотчасъ же спросилъ премьеръ.

— Да, онъ уже обѣщалъ, — отвѣтилъ герцогъ. — Нужно отдать справедливость этому японцу: если онъ принялъ приглашеніе, то на него можно расчитывать.

Премьеръ-министръ посмотрѣлъ на календарь и нѣкоторое время сидѣлъ въ глубокой задумчивости.

— Надѣюсь, вы ничего не будете имѣть противъ моего пріѣзда... Со мной пріѣдетъ и Брэнсомъ?... — спросилъ онъ, наконецъ.

— Разумѣется, мы будемъ очень рады, — поспѣшилъ отвѣтить герцогъ. — Вѣдь въ домѣ семьдесятъ спаленъ... Но, — скажите: дѣйствительно, порученіе, по которому пріѣхалъ этотъ молодой человѣкъ, такъ важно?...

— Черезъ нѣсколько дней у насъ будетъ очень серьезный разговоръ, — уклончиво отвѣтилъ премьеръ-министръ. — Мнѣ кажется, что даже вы не вполнѣ уясняете себѣ всю важность этого дѣла... Теперь же я слишкомъ занятъ другими дѣлами: изъ Америки продолжаютъ поступать безчисленныя телеграммы по поводу этихъ двухъ убійствъ...

— Да... Какъ странно, что оба убитыхъ — американцы, — замѣтилъ герцогъ.

— Кромѣ того, странно еще многое: напримѣръ, насчетъ Фейнса поступаютъ изъ Вашингтона лишь самыя скудныя свѣдѣнія... Мнѣ кажется, что тамъ что-то утаиваютъ... Хотя мнѣ и не удалось ничего узнать въ бесѣдѣ съ Харви, но мнѣ кажется, что Фейнсъ...

Премьеръ-министръ остановился въ нерѣшительности.

— Я слушаю, — быстро сказалъ герцогъ.

— Покуда я долженъ воздержаться отъ излишней откровенности, — отвѣтилъ министръ. — Я произвожу сейчасъ дополнительное разслѣдованіе и увѣренъ, что скоро мнѣ удастся добраться до самой сути дѣла. Одно несомнѣнно: оба убійства совершены необычайно умно съ поразительной ловкостью. Взять хотя бы убійство бѣднаго Вандерполя: вѣдь онъ былъ атлетическаго сложенія. Несомнѣнно, убійца вошелъ въ экипажъ въ то время, какъ шофферъ остановился гдѣ нибудь на перекресткѣ. Несомнѣнно также, что убійца съ необычайной проворностью набросилъ ему петлю на шею, такъ что тотъ не успѣлъ даже вскрикнуть... А кинжалъ, которымъ былъ убитъ Фейнсъ, вонзенъ былъ въ самое сердце!..

— Американцы, надѣюсь, увѣрены, что мы дѣлаемъ все возможное, чтобы найти убійцъ? — спросилъ герцогъ.

— Я думаю, — отвѣтилъ министръ. — Однако, если бы я разсказалъ вамъ всѣ догадки, существующія относительно этихъ убійствъ, вы подумали бы, что слушаете занимательный и фантастическій романъ... Ничего: на будущей недѣлѣ, я увѣренъ, многое уже выяснится. Но мнѣ надо... Если вы согласны немного подождать, мы выйдемъ вмѣстѣ... Я какъ разъ ѣду въ палату...

Герцогъ согласился.

— Не пойти ли намъ пѣшкомъ? — предложилъ министръ, когда они вышли на улицу, и герцогъ предложилъ ему сѣсть въ свой автомобиль. — Нигдѣ нельзя разговаривать съ такой увѣренностью, что васъ не подслушаютъ, какъ на улицѣ...

— Съ удовольствіемъ, — согласился герцогъ, не любившій ходить пѣшкомъ.

И онъ приказалъ шофферу слѣдовать за ними.

— Дэвенхэмъ, — сказалъ министръ, беря герцога подъ руку, — нѣсколько минутъ назадъ мы говорили о принцѣ Майо... Я хочу, чтобы вы поняли меня: отъ этого молодого японца зависитъ успѣхъ или крушеніе всѣхъ нашихъ плановъ...

— Вы это говорите серьезно? — съ нѣкоторымъ недовѣріемъ спросилъ герцогъ.

— Совершенно серьезно, — подтвердилъ министръ. — Мнѣ достовѣрно извѣстно, по какому порученію онъ пріѣхалъ сюда: ему поручено узнать, выгодно ли будетъ Японіи возобновить договоръ съ нами, или же ей выгоднѣе будетъ заключить договоръ съ другимъ европейскимъ государствомъ... Майо былъ уже во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Онъ долго прожилъ въ Англіи и много путешествовалъ. Онъ побывалъ почти во всѣхъ нашихъ графствахъ... Я увѣренъ, что онъ уже принялъ опредѣленное рѣшеніе. Однако, онъ хранитъ это свое рѣшеніе въ самой строгой тайнѣ... Положительно нельзя вывѣдать у него ни слова... Онъ очаровательный собесѣдникъ, но самый законченный и тонкій дипломатъ, какого мнѣ приходилось когда либо встрѣчать. Я пригласилъ его какъ то обѣдать... Мы были совершенно одни... И долженъ къ стыду своему сознаться, что по окончаніи обѣда я зналъ ровно столько же, сколько и раньше...

— Мнѣ кажется, что принцъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ здѣсь и всѣмъ тѣмъ, что онъ увидѣлъ въ Англіи? — замѣтилъ герцогъ.

— Я не такъ въ этомъ увѣренъ, — возразилъ министръ. — И боюсь, что мы узнаемъ отъ него лишь то, что онъ самъ захочетъ намъ разсказать... Вотъ поэтому то я и хотѣлъ поговорить съ вами... Нужно воспользоваться пребываніемъ Майо у васъ въ имѣніи. Быть можетъ, онъ будетъ болѣе откровененъ съ дамами... У васъ такая умная жена и... кромѣ того, вѣроятно, у васъ будетъ племянница герцогини — очаровательная миссъ Морсъ... Повторяю вамъ, я ни на что не надѣюсь... Однако, малѣйшее указаніе можетъ оказаться для насъ весьма цѣннымъ... нѣсколько словъ, оброненныхъ въ разговорѣ съ дамами...

— Разумѣется, я сдѣлаю все возможное, чтобы дамы

навели его на этотъ разговоръ, — задумчиво проговорилъ герцогъ. — Однако, на женщинъ плохая надежда... Быть можетъ, лучше было бы намъ самимъ серьезно поговорить съ нимъ?...

— Объ этомъ я также думалъ, — тотчасъ же согласился министръ. — Поэтому то я и хочу къ вамъ пріѣхать самъ и привезти съ собой Брэнсома... Если онъ ничего не скажетъ намъ въ теченіе недѣли, мы будемъ знать, что думать... Но помните, Дэвенхэмъ: возобновленіе договора для насъ — вопросъ первостепенной важности...

Герцогъ затянулся папиросой.

— Вся моя семья сдѣлаетъ со своей стороны все возможное... — воскликнулъ онъ. — Мнѣ кажется, что принцъ очень къ намъ расположенъ... Онъ такъ любезенъ...

— Именно эта то любезность и страшитъ меня, — перебилъ его министръ.

Глава 18

Новый пріятель мистера Кульсона

Мистеръ Кульсонъ чувствовалъ себя въ Грандъ Отелѣ въ Парижѣ какъ дома: большую часть времени онъ проводилъ въ американскомъ барѣ. Здѣсь онъ поглощалъ безчисленные коктейли, смотрѣлъ на нарядную и оживленную толпу и встрѣчался съ многочисленными своими согражданами, наводнившими столицу Франціи.

Днемъ онъ занимался дѣлами. Объ этомъ свидѣтельствовалъ объемистый чемоданъ, наполненный документами и чертежами. Онъ съ удовольствіемъ разсказывалъ о своихъ патентахъ, которые собирался вводить въ Европѣ, и всюду расхваливалъ дешевизну новаго способа производства суконъ.

Познакомиться съ мистеромъ Кульсономъ было нетрудно: отъ пяти до семи его можно было застать неизмѣнно въ углу бара. Онъ любилъ слѣдить за игрою на билліардѣ, въ которой нѣкоторые изъ его соотечественниковъ достигали замѣчательной виртуозности.

Мистеръ Кульсонъ охотно завязывалъ новыя знакомства. Повидимому, одиночество томило его. Въ особенности, онъ сошелся съ молодымъ англичаниномъ Гейнсфортомъ, очень благовоспитаннымъ и скромнымъ. Молодой человѣкъ, видимо, понималъ толкъ въ суконномъ дѣлѣ и часто бесѣдовалъ съ тучнымъ американцемъ на эту тему.

Какъ-то мистеръ Кульсонъ предложилъ своему новому знакомому вмѣстѣ обѣдать, а затѣмъ идти въ театръ.

Обѣдъ прошелъ очень оживленно и весело. Мистеръ Кульсонъ ни за что не позволялъ своему пріятелю платить.

Пообѣдавъ, друзья рѣшили ѣхать въ „Фоли Бержеръ". Во время антрактовъ было выпито безчисленное количество коктейлей, чему способствовала жара, стоявшая въ ту пору въ Парижѣ.

Послѣ театра пріятели затѣяли объѣздъ ночныхъ кабачковъ, причемъ въ каждомъ изъ нихъ, мучимые жаждой, неизмѣнно присаживались къ столику.

Во второмъ часу ночи оба уже слегка покачивались. Мистеръ Кульсонъ, казалось, забылъ о своихъ дѣлахъ. Шляпа его съѣхала на бокъ... На губахъ блуждала блаженная улыбка.

Мистеръ Гейнсфортъ казался менѣе захмелѣвшимъ: онъ старался охранить своего новаго пріятеля отъ окружавшей толпы и разъ или два даже обнялъ его за талію, чтобы тотъ не упалъ.

— Будьте осторожны, — предусмотрительно замѣтилъ онъ. — Если у васъ есть что нибудь цѣнное въ карманахъ, лучше отдайте мнѣ на сохраненіе... Въ этой толпѣ васъ легко могутъ ограбить...

— Вы совершенно правы! — воскликнулъ Кульсонъ. — Выньте пожалуйста записную книжку у меня изъ праваго кармана... Осторожнѣе!... Тамъ пятисотфранковая бумажка и чертежъ, который я не согласился бы продать ни за какія сокровища міра!...

Англичанинъ быстро вынулъ записную книжку изъ кармана полупьянаго американца.

— А больше у васъ ничего нѣтъ цѣннаго? — шопотомъ спросилъ онъ... — Никакихъ бумагъ?...

Кульсонъ, которому наскучило притворяться, сѣлъ вдругъ

совершенно прямо. Никогда еще англичанинъ не видѣлъ передъ собой болѣе трезваго человѣка.

— Даже если на мнѣ есть цѣнныя бумаги... развѣ это васъ касается, мой юный другъ? — спокойно спросилъ онъ.

Гейнсфортъ понялъ, что сдѣлалъ промахъ. Партія была проиграна.

— Вы для меня слишкомъ сильный противникъ, мистеръ Кульсонъ, — сказалъ онъ. — Давайте поговоримъ по дѣловому.

— Люблю настоящій разговоръ!... — воскликнулъ Кульсонъ. — Мнѣ до смерти хочется ѣсть!... Пойдемте въ „Абеиде Телемъ", тамъ отличный поваръ... Вы будете имѣть удовольствіе въ свою очередь угостить меня...

Не говоря ни слова Гейнсфортъ отдалъ американцу записную книжку. Черезъ нѣсколько минутъ они сидѣли въ одномъ изъ самыхъ дорогихъ ресторановъ Парижа.

Кульсонъ передалъ своему пріятелю меню.

— Разъ вы платите, то вамъ и выбирать, — промолвилъ онъ.

Англичанинъ, все еще слегка смущенный, заказалъ дорогой ужинъ.

Кульсонъ весело подмигнулъ испанской танцовщицѣ и бросилъ ей нѣсколько игривыхъ замѣчаній на ея родномъ языкѣ. Англичанинъ былъ немало удивленъ такими познаніями своего собесѣдника.

— А теперь поговоримъ о дѣлахъ! — воскликнулъ американецъ. — Вы слѣдите за мной изъ Лондона... Вы — или сыщикъ, или чей то тайный агентъ... Скажите прямо: чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?... Что вамъ нужно отъ меня?... Я жду опредѣленнаго дѣлового предложенія...

Англичанинъ нѣсколько пріободрился. Ему начинало казаться, что игру еще можно выиграть.

— Вы ошибаетесь, мистеръ Кульсонъ, — вкрадчивымъ голосомъ сказалъ онъ. — Я не сыщикъ и не тайный агентъ. У меня есть другъ, который по нѣкоторымъ причинамъ не хочетъ имѣть съ вами дѣло непосредственно. Но онъ предлагаетъ вамъ тысячу фунтовъ за то, чтобы вы разсказали, какіе

документы были украдены у Фейнса, въ ночь убійства, 22-го марта...

— Тысячу фунтовъ?... — повторилъ Кульсонъ. — Продолжайте!...

— Этотъ же пріятель согласенъ прибавить еще тысячу фунтовъ за объясненіе убійства молодого Вандерполя...

— Я вижу, что вашъ другъ милліонеръ! — съ улыбкой воскликнулъ американецъ.

— Не думайте, что я подосланъ полиціей, — продолжалъ англичанинъ. — Разсказъ вашъ не попадетъ въ газеты... Мой другъ менѣе всего желаетъ огласки.

— Вотъ такъ молодецъ!... — воскликнулъ американецъ. — Пріѣхать нарочно сюда въ Парижъ...

— Да... Я нарочно пріѣхалъ сюда, чтобы познакомиться съ мистеромъ Кульсономъ, за здоровье котораго я сейчасъ пью! — отвѣтилъ англичанинъ.

Кульсонъ съ удовольствіемъ опорожнилъ свой бокалъ.

— Если же двѣ тысячи фунтовъ васъ не удовлетворяютъ, то мы пересмотримъ условія... Я увѣренъ, что относительно суммы мы съ вами сойдемся, — продолжалъ англичанинъ. — Я хочу лишь, чтобы вы поняли, мистеръ Кульсонъ, что я — представитель лица или синдиката, назовите какъ хотите.

— Скажите ужъ лучше: правительства, — добродушно перебилъ его американецъ.

— Назовите какъ хотите, — продолжалъ англичанинъ, дѣлая видъ, что не слышалъ послѣдняго замѣчанія. — Вѣдь мы даже не спрашиваемъ васъ имени преступника. Намъ важно знать содержаніе документовъ. Намъ важно также знать, чѣмъ занимался Фейнсъ у себя на родинѣ... Наконецъ, намъ важно знать по какимъ дѣламъ вы пріѣхали сюда въ Парижъ...

— Вы уже заказали ужинъ? — озабоченно спросилъ Кульсонъ.

— О, да... И надѣюсь, вы будете довольны: устрицы, цыплята съ салатомъ, сыръ и бутылка Поммери...

— Отлично!... — воскликнулъ Кульсонъ, протягивая свой стаканъ метръ д-отелю. — Мы созданы для того, чтобы понять другъ друга: для васъ я — мистеръ Джемсъ Кульсонъ,

путешествующій по дѣламъ своего суконнаго производства... Если вы положите на столъ четверть милліона франковъ, я останусь тѣмъ же мистеромъ Кульсономъ, путешествующимъ по дѣламъ своего суконнаго производства. Если вы прибавите еще милліонъ и наполните весь этотъ залъ кредитными билетами, я останусь Кульсономъ, путешествующимъ по дѣламъ своего суконнаго производства... И если наконецъ вы вобьете себѣ это въ вашу юную голову, то мы съ вами можемъ очень пріятно провести вечеръ...

Рейнсфортъ откинулся на спинку сидѣнья и громко разсмѣялся.

— Мистеръ Джемсъ Кульсонъ, — воскликнулъ онъ. — Отъ души поздравляю васъ и ваше начальство!.. А теперь забудемте о дѣлахъ... Кстати, уже подаютъ устрицы...

Глава 19

Таинственный спутникъ м-ра Кульсона

На слѣдующее утро мистеръ Кульсонъ, получивъ пачку писемъ изъ Нью-Іорка, заперся у себя въ комнатѣ. Тщательно просмотрѣвъ ихъ всѣ, онъ позвонилъ и приказалъ подать счетъ. И въ четыре часа выѣхалъ съ „Гаръ дю Норъ“ въ Лондонъ.

Какъ у многихъ дѣловыхъ людей, у мистера Кульсона были свои маленькія слабости. Онъ обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ и не зналъ, что такое нервы. Но во время морской качки онъ бывалъ несчастнымъ человѣкомъ, жестоко страдая отъ морской болѣзни.

Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Булонь онъ потребовалъ себѣ отдѣльную каюту. Но лакей сокрушенно покачалъ головой: двѣ послѣднія каюты были только что заняты.

Щедрыя чаевыя не помогли.

Мистеръ Кульсонъ готовъ уже былъ въ самомъ мрачномъ настроеніи устроиться въ общей каютѣ, когда къ нему подошелъ стоявшій поблизости пассажиръ. Онъ былъ въ тепломъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ.

— Къ несчастью, я кажется, лишилъ васъ каюты, сэръ? — вѣжливо проговорилъ онъ. — И буду очень радъ, если вы

согласитесь помѣститься со мной... Я никогда не страдаю отъ качки. Ночь такъ тепла, что я, вѣроятно, все время просижу на палубѣ...

— Если вы разрѣшите мнѣ уплатить вамъ половину стоимости, — я буду вамъ весьма признателенъ за вашу любезность, — отвѣтилъ Кульсонъ... — Къ несчастью, я совершенно не переношу даже самой незначительной качки...

— Какъ вамъ угодно, сэръ, — сказалъ пассажиръ. — Плата, вѣдь, такъ ничтожна...

Ночь выдалась дѣйствительно теплая. На морѣ была мертвая зыбь. Пароходъ покачивало уже даже въ гавани.

Бормоча про себя ругательства, Кульсонъ направился въ каюту.

— Чувствую, что мнѣ придется плохо, — сказалъ онъ своему сосѣду. — Вы пожалѣете, что взяли меня въ свою каюту...

Незнакомецъ улыбнулся.

— Смѣяться то тутъ нечему! — проворчалъ толстякъ, укладываясь на койкѣ.

— Разрѣшите мнѣ дать вамъ совѣтъ, — сказалъ ему молодой человѣкъ. — Выпейте коньяку съ содой... У меня съ собой отличный коньякъ.

— Нѣтъ ужъ... я все испробовалъ... Мнѣ ничего не помогаетъ, — простоналъ несчастный Кульсонъ.

— Выпейте... — уговаривалъ сосѣдъ. — Увидите, что вы отлично уснете и проспите всю ночь...

Онъ вынулъ изъ чемодана фляжку и налилъ два стакана.

— Ваше здоровье! — провозгласилъ онъ.

Кульсонъ осушилъ стаканъ. Сосѣдъ его хотѣлъ сдѣлать то же. Но въ это мгновеніе пароходъ сильно качнуло, молодой человѣкъ ударился локтемъ о койку и опрокинулъ стаканъ на полъ.

— Ничего... Ничего... — сказалъ онъ кликнувъ лакея. — Я выпью въ барѣ виски...

Американецъ присѣлъ на койку. Онъ чувствовалъ себя явно не по себѣ.

— Итакъ, я покидаю васъ, — сказалъ молодой человѣкъ. — Совѣтую вамъ лечь на спину...

— Коньякъ вашъ былъ... очень... крѣпокъ... — пробормоталъ толстякъ.

Сосѣдъ его безмолвно улыбнулся и вышелъ изъ каюты. Черезъ четверть часа онъ, впрочемъ, вернулся и тщательно заперъ дверь за собой.

Пароходъ уже вышелъ изъ гавани. Его сильно подбрасывало на волнахъ. Кульсонъ, однако, ничего не чувствовалъ: онъ спалъ мертвымъ сномъ.

Пальцы молодого человѣка съ удивительнымъ проворствомъ шарили по всѣмъ карманамъ спящаго. Онъ вытащилъ объемистый кожаный бумажникъ, наполненный бумагами, и внимательно ознакомился съ ихъ содержаніемъ.

Наконецъ, онъ нашелъ, повидимому, то письмо, которое искалъ. Лицо его расплылось въ широкую усмѣшку.

— Нѣтъ печати... — прошепталъ онъ. — Однако, вы отлично играете роль странствующаго коммерсанта, мистеръ Кульсонъ...

Тутъ онъ безшумно выскользнулъ изъ каюты и черезъ десять минутъ вернулся обратно. Мистеръ Кульсонъ продолжалъ крѣпко спать. Молодой человѣкъ старательно положилъ письмо на прежнее мѣсто.

— Мой другъ, — прошепталъ онъ, глядя на страдальческое лицо спящаго, — я кажется немного поторопился. Быть можетъ было бы лучше, если бы я подождалъ, покуда вы передадите его по назначенію. Да, если бы я былъ увѣренъ, что на него послѣдуетъ письменный отвѣтъ, мы съ вами встрѣтились бы еще... Надѣюсь, васъ это не очень изумило бы? А?

Ядовито усмѣхнувшись, онъ вынулъ изъ чемодана небольшой флаконъ, налилъ изъ него полстакана и, слегка приподнявъ голову спящаго, заставилъ его проглотить содержимое.

— Такъ-съ! А теперь можно и отдохнуть...

Онъ вышелъ на палубу и долго стоялъ, любуясь чудной звѣздной ночью, шумомъ и плескомъ волнъ.

Когда онъ вернулся въ каюту, американецъ все еще спалъ.

— Проснитесь, мистеръ Кульсонъ!.. Мы уже почти пріѣхали... — весело воскликнулъ молодой человѣкъ.

Кульсонъ открылъ глаза, съ трудомъ поднялся и присѣлъ

на койкѣ. Онъ чувствовалъ сильную головную боль и нѣкоторое безпокойство.

Его спутникъ вышелъ изъ каюты, предоставивъ ему привести себя въ порядокъ.

Какъ только дверь за нимъ закрылась, американецъ тотчасъ же схватился за бумажникъ и вздохнулъ спокойно лишь послѣ того, какъ убѣдился въ цѣлости всѣхъ писемъ. Онъ съ наслажденіемъ облилъ голову холодной водой и почувствовалъ себя нѣсколько лучше.

— Ну... что? Какъ подѣйствовало мое средство? — улыбаясь спросилъ снова вошедшій въ каюту его сосѣдъ.

— У меня отъ него страшнѣйшая головная боль, — отвѣтилъ американецъ. — Но долженъ сознаться: въ первый разъ въ жизни я не страдалъ отъ морской болѣзни при этомъ проклятомъ переходѣ... Мы скоро пріѣдемъ?

— Черезъ четверть часа... Совѣтую вамъ хорошо поужинать въ Фолькстонѣ...

Мистеръ Кульсонъ привелъ себя въ порядокъ и съ удовольствіемъ выпилъ въ буфетѣ чашку кофе.

Пароходъ, между тѣмъ, входилъ въ гавань.

Въ Фолькстонѣ американецъ тщетно искалъ своего спутника. Онъ искалъ его и на Чаррингъ Кроссѣ. Молодой человѣкъ безслѣдно исчезъ.

— Странно... — проворчалъ американецъ. — Вѣдь я ему еще долженъ за каюту...

Глава 20

М-ръ Кульсонъ проситъ отвѣта

Герцогъ остановился въ переполненной пріемной, чтобы поздороваться съ сэромъ Эдуардомъ Брэнсомомъ.

— Я только что написалъ вамъ нѣсколько словъ, — сказалъ онъ. — Премьеръ-министръ обѣщалъ мнѣ пріѣхать на нѣсколько дней въ Дэвенхэмъ... Надѣюсь, что мы увидимъ и васъ среди своихъ гостей...

— Очень благодаренъ за приглашеніе, — отвѣтилъ Брэнсомъ. — Я знаю, что у васъ будетъ принцъ Майо. Мнѣ кажется, — прибавилъ онъ, опасливо оглядываясь, — что вещи

принимаютъ для насъ непріятный оборотъ на Дальнемъ Востокѣ...

Къ Брэнсому подошелъ секретарь.

— Васъ ждетъ посѣтитель, сэръ... Вѣроятно, вы захотите принять его тотчасъ же?...

И понизивъ голосъ до едва слышнаго шопота, добавилъ:

— Этотъ человѣкъ только что пріѣхалъ изъ Парижа, сэръ. Онъ привезъ важное письмо и увѣряетъ, что долженъ передать его вамъ въ собственныя руки...

Не желая мѣшать, герцогъ простился и отошелъ въ сторону.

— Отъ кого же это письмо и кто этотъ посѣтитель? — быстро спросилъ Брэнсомъ.

— Посѣтитель — американецъ, — отвѣтилъ секретарь. — Хотя у меня нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній относительно него, но мнѣ кажется, что онъ одинъ изъ тѣхъ, которые возятъ секретныя письма изъ Вашингтона въ американское посольство.

— Понимаю... — отвѣтилъ Брэнсомъ.

— Прикажете позвонить мистеру Хэвиленду, сэръ? — спросилъ секретарь.

— Не торопитесь, — отвѣтилъ Брэнсомъ послѣ нѣкотораго размышленія. — Если бы мой гость не желалъ получить отвѣтъ немедленно, мы могли бы сказать, что не можемъ дозвониться къ премьеру... И введите его, пожалуйста, въ мой частный кабинетъ.

Брэнсомъ вошелъ въ кабинетъ, зажегъ люстру и въ задумчивости облокотился на каминъ. Взоръ его устремленъ былъ въ огонь, между бровями легла глубокая складка.

Казалось, никогда еще въ иностранной политикѣ не было такого затишья и такого спокойствія. И лишь тѣ, которые работали за кулисами, понимали, что это могло каждую минуту стать затишьемъ передъ бурей.

Размышленія государственнаго секретаря были прерваны приходомъ секретаря въ сопровожденіи мистера Кульсона. Американецъ еще не вполнѣ оправился послѣ морского путешествія: онъ былъ блѣденъ и казался усталымъ.

— Простите, что безпокою васъ въ такой поздній часъ,

— промолвилъ онъ. — Я очень благодаренъ вамъ, что вы согласились принять меня: дѣло, о которомъ я долженъ переговорить съ вами, весьма спѣшное...

— Насколько я понялъ, мистеръ Кульсонъ, вы пріѣхали къ намъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, — спросилъ Брэнсомъ съ усталымъ видомъ.

— Да, — тотчасъ же отвѣтилъ Кульсонъ. — Я стою во главѣ крупнаго синдиката — Кульсонъ и Брусъ и мнѣ часто приходится бывать въ Европѣ по дѣламъ своей фирмы... Мои друзья изъ Вашингтона очень часто поручаютъ мнѣ во время этихъ путешествій передачу писемъ... Конечно, не потому, что экономятъ на маркахъ.

Тутъ мистеръ Кульсонъ самъ разсмѣялся своей шуткѣ.

Усмѣхнулся и сэръ Эдуардъ.

— У насъ въ Европѣ многія правительства прибѣгаютъ къ тѣмъ же способамъ, — отвѣтилъ онъ. — Ваше молодое государство, по мѣрѣ своего развитія, воспринимаетъ наши европейскіе навыки... Значитъ, вы привезли мнѣ письмо, мистеръ Кульсонъ?...

Американецъ вынулъ изъ бокового кармана письмо.

— Одинъ изъ моихъ друзей, котораго вы, вѣроятно, знаете, просилъ меня передать его вамъ. Завтра я выѣзжаю изъ Соутгемптона на „Принцессѣ Цециліи"... Быть можетъ, если бы я подождалъ часокъ, вы могли бы мнѣ дать отвѣтъ?

— Теперь уже поздно, мистеръ Кульсонъ, — промолвилъ сэръ Эдуардъ, взглянувъ на часы.

Американецъ усмѣхнулся.

— Мнѣ кажется, что вы въ дѣлахъ не привыкли считаться со временемъ, — замѣтилъ онъ.

Сэръ Эдуардъ указалъ американцу на стулъ и позвонилъ.

— Мнѣ нуженъ будетъ шифръ „АЗХ", Сидней, — сказалъ онъ.

Кульсонъ удивленно взглянулъ на него.

— Зачѣмъ вамъ шифръ? — спросилъ онъ. — Я привезъ вамъ личное письмо моего друга. Оно написано просто, безъ всякаго шифра.

Сэръ Эдуардъ въ свою очередь удивленно взглянулъ на

посѣтителя и взялъ у него конвертъ своими длинными, тонкими пальцами.

— Вы не находите, что такой способъ письма немного... неостороженъ? — спросилъ онъ. — Кромѣ того, не думаете ли вы, что слѣдовало хотя бы какъ слѣдуетъ запечатать конвертъ? — прибавилъ сэръ Эдуардъ.

— Какъ! — воскликнулъ американецъ. — Позвольте мнѣ посмотрѣть на него!

Онъ поднесъ конвертъ къ свѣту и внимательно осмотрѣлъ его.

— У меня, когда я открывалъ этотъ конвертъ, было такое чувство, что я не первый вскрываю его, — замѣтилъ сэръ Эдуардъ.

Кульсонъ задумчиво покачалъ головой.

— Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Америки, я не разставался съ этимъ письмомъ, — воскликнулъ онъ. — На конвертѣ нарочно не поставлена печать, дабы онъ не привлекалъ вниманія... Вы даже можете убѣдиться, что адресъ на конвертѣ написанъ тѣмъ же почеркомъ, что и адреса другихъ моихъ дѣловыхъ писемъ (онъ протянулъ нѣсколько конвертовъ для сравненія). — Мой другъ, — назовемъ его „мистеръ Джонсъ“, — весьма осторожный человѣкъ.

Сэръ Эдуардъ лишь молча покачалъ головой. Онъ прочелъ письмо, написанное на одномъ лишь листѣ бумаги, затѣмъ еще разъ внимательно перечелъ его и положилъ на столъ передъ собой.

— Это письмо, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья, — не можетъ быть разсматриваемо, какъ офиціальное сообщеніе... Вы просите устнаго отвѣта, не правда ли?...

— Совершенно вѣрно, — подтвердилъ американецъ. — Устный отвѣтъ въ присутствіи третьяго лица, названнаго въ этомъ письмѣ...

Сэръ Эдуардъ наклонился и снова перечелъ письмо. Когда онъ взглянулъ на своего посѣтителя, лицо его стало еще болѣе серьезно: между бровями легла глубокая складка.

— Знаете ли вы, мистеръ Кульсонъ, что вопросъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, уже много мѣсяцевъ обсуждается кабинетомъ министровъ его величества?... Я согласенъ узнать

мнѣніе лица, упомянутаго въ письмѣ... Назовемъ его „мистеръ Смитъ“, для сходства съ вашимъ „мистеромъ Джонсомъ“... Я думаю, излишне говорить, что если бы даже мы дали вамъ сегодня опредѣленный отвѣтъ, то это было бы лишь частнымъ нашимъ мнѣніемъ и ни въ коемъ случаѣ не могло бы считаться обязательнымъ для правительства страны...

Кульсонъ улыбнулся и нѣсколько разъ одобрительно кивнулъ головой.

— Вотъ это я называю настоящей дипломатіей, сэръ Эдуардъ! — воскликнулъ онъ. — Я всегда говорю моимъ друзьямъ, что они слишкомъ прямолинейны... Когда же я буду имѣть удовольствіе видѣть... мистера Смита?

Сэръ Эдуардъ посмотрѣлъ на часы.

— Возможно, что мистеръ Смитъ сейчасъ какъ разъ здѣсь, на пріемѣ у моей жены, — сказалъ онъ. — Если же онъ еще не пріѣхалъ, мой секретарь позвонитъ ему...

Кульсонъ вновь нѣсколько разъ одобрительно кивнулъ головой.

— Мнѣ кажется, что я выбралъ удивительно удачный вечеръ для своего посѣщенія, — замѣтилъ онъ.

— Сидней, — обратился сэръ Эдуардъ къ вошедшему на звонокъ секретарю. — Найдите мнѣ человѣка, имя котораго я напишу сейчасъ на этой бумажкѣ... Если онъ еще не пріѣхалъ, позвоните ему и попросите его немедленно пріѣхать. Скажите, что дѣло очень спѣшное...

Секретарь бросилъ быстрый взглядъ на бумажку и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Мистеръ Кульсонъ, разрѣшите предложить вамъ чашку кофе или рюмку вина? — любезно спросилъ хозяинъ дома.

— Благодарю васъ, — отвѣтилъ американецъ. — Мнѣ не хочется пить. Если разрѣшите, я закурю...

Сэръ Эдуардъ протянулъ руку къ звонку, но американецъ во-время остановилъ его.

— Очень вамъ благодаренъ... Я всегда курю лишь свои американскія сигары... Пять долларовъ сотня... Не хотите ли попробовать? — въ свою очередь любезно предложилъ онъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, — тотчасъ же отвѣтилъ сэръ

Эдуардъ. — Я предпочитаю папиросы... Мистеръ Кульсонъ, въ ожиданіи мистера Смита, мнѣ хотѣлось бы побесѣдовать съ вами еще по одному вопросу...

Глава 21

Совѣтъ американца

Кульсонъ по привычкѣ переложилъ сигару въ уголъ рта и вопросительно уставился на своего собесѣдника.

— Долженъ сознаться, сэръ Эдуардъ, я очень изумленъ, — проговорилъ онъ. — Не собираетесь же вы, въ самомъ дѣлѣ, заниматься суконнымъ производствомъ?..

Сэръ Эдуардъ улыбнулся.

— Нѣтъ, вопросъ, о которомъ я хотѣлъ бы побесѣдовать съ вами, не имѣетъ ничего общаго съ вашимъ почтеннымъ занятіемъ. Я хотѣлъ лишь спросить васъ, не можете ли вы мнѣ сообщить какія-нибудь свѣдѣнія относительно мистера Фейнса?

— Гм... Того, который такъ загадочно былъ убитъ въ поѣздѣ.. — задумчиво промолвилъ американецъ. — Вѣроятно, вы читаете газеты? Въ бесѣдѣ съ журналистомъ я сказалъ уже все, что мнѣ извѣстно относительно него...

— Дѣло вотъ въ чемъ, — продолжалъ сэръ Эдуардъ, окинувъ своего собесѣдника быстрымъ и проницательнымъ взглядомъ. — Вѣроятно, въ Вашингтонѣ даже представить себѣ не могутъ, сколько усилій мы сдѣлали здѣсь для того... чтобы обнаружить преступниковъ... Однако, ваше правительство ни въ какой мѣрѣ не стремится помочь намъ: наоборотъ, оно хранитъ какое-то особенно строгое молчаніе... Если бы Америка оказала бы намъ немного больше довѣрія, то тѣмъ самымъ весьма и весьма облегчила бы нашу задачу...

Мистеръ Кульсонъ потрогалъ свой гладко выбритый подбородокъ и погрузился въ глубокую задумчивость.

— Я не хочу сказать вамъ ничего непріятнаго, — промолвилъ онъ, наконецъ. — Но если бы подобное преступленіе случилось у насъ въ Нью-Іоркѣ, оно не осталось бы такъ долго безнаказаннымъ...

— Возможно... Но намъ мѣшаетъ отсутствіе всякихъ

свѣдѣній, — спокойно отвѣтилъ сэръ Эдуардъ. — Если бы мы знали, напримѣръ, что мистеру Фейнсу поручена была передача письма или важнаго документа, подобно тому, какой вы только что передали мнѣ, то наша задача была бы значительно облегчена... То же самое и относительно Вандерполя...

Кульсонъ стряхнулъ пепелъ съ сигары и снова зажалъ ее въ уголкѣ рта.

— Боюсь, что ничѣмъ не могу быть вамъ полезнымъ, — промолвилъ онъ.

— Несмотря на то, что вы были послѣднимъ, кто видѣлъ Вандерполя? — воскликнулъ сэръ Эдуардъ. — Поймите! въ вашихъ же интересахъ разсказать намъ совершенно откровенно, какого рода разговоръ произошелъ между вами и покойнымъ секретаремъ вашего посольства... Быть можетъ, вы передали ему какіе-нибудь важные документы. Развѣ это навело бы васъ на вѣрный слѣдъ?

— Въ такомъ случаѣ, мы прежде всего разузнали бы содержаніе этихъ документовъ, кому важно было похитить ихъ, — быстро отвѣтилъ сэръ Эдуардъ.

Кульсонъ вдругъ оживился.

— А если предположить, что похищеніе ихъ важно было именно для нашей страны? — воскликнулъ онъ. — Если предположить, что они содержали инструкціи нашему послу, идущія вразрѣзъ съ вашими интересами? Въ такомъ случаѣ, вы также приложили бы всѣ старанія, чтобы разыскать преступника? Или Скотлэндъ-Ярдъ получилъ бы приказаніе оставить преступниковъ въ покоѣ?

— Я не думалъ, признаться сказать, о своей родной странѣ, — сознался сэръ Эдуардъ. — Мои мысли были направлены совершенно въ другую сторону...

— Позвольте ужъ сказать вамъ совершенно откровенно, — еще болѣе разгорячившись, возразилъ американецъ. — Въ Вашингтонѣ просто не вѣрятъ, что полиція дѣйствительно разыскиваетъ преступниковъ... Я, конечно, разговариваю съ вами, какъ простой американскій туристъ, а не какъ представитель правительства...

Сэръ Эдуардъ слегка пожалъ плечами.

— Быть можетъ, вы дадите намъ совѣтъ, какъ заста-

вить Вашингтонъ перемѣнить это ошибочное мнѣніе? — нѣсколько сухо спросилъ онъ.

Кульсонъ снова стряхнулъ пепелъ съ сигары и погрузился въ размышленіе.

Наконецъ, положивъ сигару въ уголъ рта, онъ промолвилъ:

— Помните, что мое мнѣніе есть лишь мнѣніе мистера Кульсона, путешествующаго по своимъ торговымъ дѣламъ... Такъ вотъ — я бы на вашемъ мѣстѣ прибѣгъ къ единственному дѣйствительному способу для отысканія преступниковъ...

— А именно? — быстро спросилъ сэръ Эдуардъ.

— Я обѣщалъ бы большую денежную награду, — тихо промолвилъ Кульсонъ.

Сэръ Эдуардъ ни минуты не колебался.

— Какая прекрасная мысль! — воскликнулъ онъ. — Завтра же мы объявимъ о томъ, что за всякія свѣдѣнія, которыя поведутъ къ поимкѣ преступниковъ, будетъ выдана награда въ тысячу фунтовъ... Вы думаете, что это произведетъ хорошее впечатлѣніе на вашихъ друзей въ Вашингтонѣ?

— Я право, ничего не могу вамъ сказать, — спокойно отвѣтилъ Кульсонъ. — Повторяю вамъ, это мое личное мнѣніе: назначьте награду, и вамъ легче будетъ найти преступника.

Въ дверь тихо постучали. Секретарь сэра Эверарда посторонился и пропустилъ высокаго элегантнаго англичанина.

— Дорогой Брэнсомъ! — воскликнулъ вошедшій, привѣтствуя хозяина дома крѣпкимъ рукопожатіемъ. — Какія же могутъ быть дѣла въ такой поздній часъ? Я какъ разъ бесѣдовалъ на пріемѣ у вашей жены съ плѣнительной дамой... Удивительно, какъ теперь женщины стали образованы. Эта очаровательная особа посвящала меня въ теорію Гегеля... И хотя я въ ней ничего не смыслю, но съ хорошенькой женщиной готовъ бесѣдовать о чемъ угодно...

Обращаясь къ Кульсону, который при появленіи новаго гостя быстро всталъ, сэръ Эдуардъ сказалъ:

— Мистеръ Смитъ...

Гость хотѣлъ было возразить, но сэръ Эдуардъ жестомъ руки остановилъ его. Затѣмъ онъ представилъ ему Кульсона и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

Вошедшій взялъ письмо, быстро взглянулъ на подпись и, присѣвъ къ столу, внимательно прочелъ его отъ слова до слова.

Окончивъ чтеніе, онъ посмотрѣлъ сначала на сэра Эдуарда, а затѣмъ на американца.

— Мой другъ Брэнсомъ и я часто обсуждали этотъ вопросъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, — сказалъ онъ. — И не вижу причины, почему бы намъ не дать устнаго отвѣта на поставленный вопросъ... Каково ваше мнѣніе, Брэнсомъ?

— Я вполнѣ согласенъ съ вами, — тотчасъ же отвѣтилъ Брэнсомъ.

— Въ такомъ случаѣ, предоставляю вамъ говорить, — сказалъ Смитъ. — Это дѣло ближе касается вашего департамента.

Сэръ Эдуардъ повернулся къ американцу.

— Мистеръ Кульсонъ, вашъ другъ спрашиваетъ васъ, какова будетъ наша позиція въ случаѣ войны между Японіей и Соединенными Штатами... — сказалъ онъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ. — Нашъ отвѣтъ таковъ: войны между вами и Японіей не будетъ, если вашъ кабинетъ не предприметъ какихъ-либо опрометчивыхъ шаговъ. Мы знаемъ навѣрное, что наша союзница не желаетъ войны и не готовится къ таковой... Вопросъ этотъ обсуждается лишь въ дешевыхъ газетахъ для возбужденія интереса у читателей... Повторяю вамъ, войны между вами и Японіей быть не можетъ; это было бы безуміемъ...

Кульсонъ вынулъ изо рта сигару и положилъ ее на край стола.

— Мнѣ было чрезвычайно интересно услышать то, что вы только что сказали; я дословно повторю все это моему другу по ту сторону океана... — промолвилъ онъ. — Однако, я боюсь задержать васъ и потому прошу васъ отвѣтить на вопросъ, поставленный въ письмѣ...

— Развѣ я отвѣтилъ вамъ недостаточно ясно?.. — воскликнулъ сэръ Эдуардъ.

— Вы мнѣ отвѣтили лишь, что война между нами и Японіей была бы безуміемъ... Мой другъ же просилъ васъ сказать, какова будетъ ваша позиція въ случаѣ этой войны... Представьте себѣ, что мы, предвидящіе будущія событія, при-

шли къ убѣжденію, что рано или поздно война эта неминуема. Быть можетъ, мы рѣшимъ, что для насъ лучше воевать теперь, чѣмъ позже... То, что вы мнѣ только что сказали, я могъ бы узнать и на Доунингъ Стритѣ...

Бэнсомъ и его другъ переглянулись.

— Вы разрѣшите, мистеръ Кульсонъ? — сказалъ хозяинъ дома и отвелъ своего друга въ сторону.

— Конечно, конечно! — воскликнулъ американецъ.

Смитъ положилъ руку на плечо своего друга и долго ходилъ съ нимъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Кульсонъ продолжалъ сидѣть въ своемъ креслѣ. Онъ въ первый разъ окинулъ глазами комнату и подумалъ, что врядъ ли его соотечественникъ, занимая такой высокій постъ, удовольствовался бы такой простой обстановкой.

Наконецъ, Бренсомъ и Смитъ подошли къ нему. На этотъ разъ заговорилъ Смитъ:

— Мистеръ Кульсонъ, — началъ онъ. — Мнѣ очень жаль, что я не могу дать вашему другу точнаго и опредѣленнаго отвѣта, какого онъ ожидаетъ... Мое правительство не можетъ отвѣчать на вопросы, основанные на невозможномъ и невѣроятномъ событіи... Если бы, дѣйствительно, такая война разразилась, позиція нашей страны всецѣло зависѣла бы отъ предмета вашего спора... Въ заключеніе, скажу вамъ лишь... Вы, вѣроятно, читаете газеты, мистеръ Кульсонъ?

— Разумѣется, — отвѣтилъ Кульсонъ.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ, вѣроятно, извѣстно гдѣ въ въ настоящее время находится вашъ флотъ. Вы знаете также, сколько мѣсяцевъ ему понадобится на то, чтобы прибыть на Дальній Востокъ. Традиціи нашей страны требуютъ строгаго исполненія договоровъ, какъ бы невыгодны они ни были... Но черезъ три мѣсяца истекаетъ срокъ нашего договора съ Японіей...

— Однако, вы дѣлаете все возможное, чтобы возобновить его! — воскликнулъ Кульсонъ.

— Это уже предоставимъ Божьей милости, — промолвилъ Смитъ. — Я лишь напоминаю вамъ, что срокъ этого договора истекаетъ черезъ три мѣсяца...

Кульсонъ всталъ и взялъ шляпу.

— Благодарю васъ, господа, — сказалъ онъ, — за откровенность! Предоставьте ужъ намъ читать между строкъ... Мой другъ Джонсонъ, несомнѣнно, вполнѣ оцѣнитъ вашу любезность. Конечно, не мнѣ, простому купцу, указывать вамъ на ваши ошибки... Разрѣшите лишь сказать вамъ вотъ что: вы, англичане, на все смотрите лишь со своей узко-національной точки зрѣнія... И Японія, быть можетъ, и убѣдила васъ, что не желаетъ войны... Но она не убѣдила въ этомъ насъ... Что же касается насъ, то будьте увѣрены, что Америка не станетъ воевать изъ-за пустяковъ... Кромѣ того, мы, вѣдь, съ вами все же одной плоти и одной крови... А теперь желаю вамъ спокойной ночи...

Брэнсомъ позвонилъ.

— Проводите этого господина, — сказалъ онъ вошедшему секретарю. — Спокойной ночи и счастливаго пути, мистеръ Кульсонъ...

Послѣ того, какъ дверь за американцемъ закрылась, друзья долго смотрѣли другъ на друга. Смитъ закурилъ папиросу и сталъ задумчиво пускать дымъ колечками.

— Удивляюсь, — замѣтилъ онъ, наконецъ, — какъ наши друзья въ Японіи повѣрили, что мистеръ Джонсонъ лишь играетъ въ кораблики...

Глава 22

Подозрительный паціентъ

На слѣдующее утро по всему Лондону расклеены были плакаты, обѣщавшіе награду въ тысячу фунтовъ за сообщеніе свѣдѣній объ убійцахъ Фейнса и Вандерполя.

Инспекторъ Джексъ быстро направился въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Ему удалось почти тотчасъ же добиться свиданія съ секретаремъ министра.

— Простите меня, что я тревожу васъ, — учтиво сказалъ Джексъ. — Какъ вамъ извѣстно, я — служащій Скотлэндъ-Ярда. Мнѣ хотѣлось бы задать вамъ лишь одинъ вопросъ: возникла ли мысль о наградѣ въ вашемъ министерствѣ?

— Право, мистеръ Джексъ... — началъ секретарь.

— Надѣюсь, сэръ, что вы понимаете, что мною руково-

дитъ не праздное любопытство, — промолвилъ Джексъ. — У меня есть опредѣленныя догадки относительно личности преступника... Я пришелъ къ вамъ исключительно въ интересахъ правосудія. И мнѣ необходимо было бы знать: по чьему почину это сдѣлано? Я лично полагаю, что распоряженіе исходить изъ министерства иностранныхъ дѣлъ?..

Секретарь нѣкоторое время безмолвствовалъ.

— Я не вижу причины скрывать отъ васъ правду, — отвѣтилъ онъ, наконецъ. — Ваша догадка совершенно справедлива.

Джексъ улыбнулся.

— Очень признателенъ вамъ, сэръ, за довѣріе, — сказалъ онъ. — Могу я попросить васъ написать нѣсколько словъ сэру Эдуарду Брэнсому?.. Мнѣ очень важно, чтобы сэръ Эдуардъ согласился немедленно принять меня.

Секретарь молча кивнулъ головой.

Сэра Эдуарда инспекторъ засталъ у дверей его дома, когда тотъ готовился сѣсть въ автомобиль.

— Вы желаете поговорить со мной? — спросилъ онъ Джекса.

Сыщикъ молча протянулъ ему письмо. Прочитавъ его, сэръ Эдуардъ предложилъ сыщику сѣсть съ нимъ въ машину.

— Я ѣду на Доунингъ Стритъ, — сказалъ онъ. — Мы поговоримъ съ вами по дорогѣ.

— Какъ вамъ уже, вѣроятно, извѣстно изъ письма, — началъ Джексъ, послѣ того, какъ они усѣлись въ автомобилѣ, — мнѣ поручено разслѣдованіе убійствъ Фейнса и Вандерполя... У меня есть опредѣленныя догадки относительно личности преступника... Если догадки эти окажутся правильными, то мнѣ придется арестовать лицо очень высокопоставленное... И вотъ, я пришелъ задать вамъ совершенно откровенный вопросъ: дѣйствительно ли вы желаете, сэръ, чтобы преступникъ или преступники были бы преданы суду?

Сэръ Эдуардъ окинулъ своего спутника удивленнымъ взглядомъ.

— Что вы этимъ хотите сказать? — спросилъ онъ. — Вы знаете, что намъ уже нѣсколько разъ намекали изъ Вашингтона, что полиція наша въ этомъ дѣлѣ оказалась далеко

не на высотѣ... Вѣдь именно для поощренія ея и для успокоенія нашихъ друзей по ту сторону океана и была назначена такая большая награда...

Джексъ казался смущеннымъ.

— Значитъ, вы хотите, чтобы виновный былъ арестованъ, кто бы онъ ни былъ? — снова спросилъ онъ.

— Конечно! — воскликнулъ Брэнсомъ. — Я даже не понимаю, какъ вы можете меня объ этомъ спрашивать?

Въ это время автомобиль замедлилъ ходъ у большого зданія на Доунингъ Стритъ.

— Я страшно благодаренъ вамъ за вашъ отвѣтъ, — промолвилъ Джексъ, прощаясь съ сэромъ Эдуардомъ. — Надѣюсь, что еще втеченіе этой недѣли многое удастся выяснить...

Сэръ Эдуардъ долго смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся сыщику.

„Интересно было бы знать, о комъ онъ говорилъ?..“ подумалъ онъ.

Инспекторъ Джексъ не тотчасъ же вернулся въ Скотлэндъ-Ярдъ. По дорогѣ онъ завернулъ въ Сентъ Джесъ Скверъ и долго стоялъ неподвижно. Взглядъ его былъ устремленъ на одинъ изъ угловыхъ домовъ.

Наконецъ, онъ рѣшился, подошелъ къ подъѣзду и позвонилъ.

Дверь тотчасъ же открылъ слуга-японецъ.

— Принцъ Майо дома? — спросилъ сыщикъ.

— Его высочество никого не принимаетъ, — сухо отвѣтилъ слуга.

— Пожалуйста, передайте ему мою карточку, — сказалъ Джексъ, протягивая свою карточку.

Слуга молча проводилъ его въ большую комнату, расположенную въ первомъ этажѣ.

— Я доложу его высочеству... — сказалъ онъ. — Боюсь, однако, что вы только понапрасну теряете время...

Онъ исчезъ безшумно затворивъ за собой дверь.

Инспекторъ Джексъ подошелъ къ дому доктора Уэльса и позвонилъ. Мѣдная дощечка на домѣ была не чищена; часть ограды обвалилась; садъ имѣлъ запущенный видъ.

Лишь послѣ того, какъ онъ позвонилъ второй разъ, ему открылъ дверь самъ докторъ.

— Здравствуйте, — воскликнулъ онъ, повидимому, принявшій инспектора за паціента.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ инспекторъ. — Вѣроятно, я былъ у васъ нѣсколько недѣль назадъ... Мы съ вами говорили о паціентѣ, который былъ раненъ автомобилемъ...

Докторъ разочарованно вздохнулъ и пригласилъ инспектора въ убого обставленную гостиную.

— Я не хочу отнимать у васъ времени, докторъ, — началъ сыщикъ.

Докторъ горько усмѣхнулся.

— О, у меня такъ много свободнаго времени! — воскликнулъ онъ. — Пожалуйста, не стѣсняйтесь...

Сыщикъ посмотрѣлъ на часы; было уже почти двѣнадцать.

— Я хотѣлъ предложить вамъ поѣхать со мной въ городъ, позавтракать. Разумѣется, мое начальство вознаградитъ васъ за потерянное время.

— Я, право, не вижу, чѣмъ я могъ бы быть вамъ полезенъ, — возразилъ докторъ. — Я уже все разсказалъ вамъ, что зналъ. Конечно, я съ удовольствіемъ поѣду съ вами въ городъ, но боюсь, что это совершенно излишне...

— Мы охотно идемъ на этотъ рискъ, — воскликнулъ Джексъ. — Намъ чрезвычайно важно было бы узнать ваше мнѣніе относительно одного лица... У насъ много основаній подозрѣвать именно его въ совершеніи убійства... Впрочемъ такъ же много основаній и противъ... Вы одинъ можете разрѣшить наши сомнѣнія... Считайте, что за день, проведенный въ городѣ, вы могли бы принять двадцать пять паціентовъ. Вамъ будетъ уплачено соотвѣтствующимъ образомъ... Мы можемъ выѣхать тотчасъ же...

Они двинулись въ путь менѣе, чѣмъ черезъ полчаса.

Въ то же утро Элленъ была приглашена герцогиней на завтракъ въ „Савой-Отель“. Она знала, что должна будетъ встрѣтиться тамъ съ принцемъ Майо. Это сильно тревожило ее.

И, дѣйствительно, поздоровавшись съ герцогиней, принцъ тотчасъ же подошелъ къ ней.

— Я узналъ сегодня утромъ очень пріятную новость, — сказалъ онъ улыбаясь. — Вы также приглашены въ Дэвенхэмъ... Я съ удовольствіемъ отдохну въ деревнѣ отъ городского шума... Не правда ли, Дэвенхэмъ славится своими цвѣтниками?.. Я такъ люблю цвѣты. На моей родинѣ вѣдь ихъ такъ много! А какой у насъ климатъ!..

— Только цвѣты и климатъ? — нѣсколько вызывающе спросила Элленъ. — Это еще мало для счастья.

— Миссъ Элленъ, — отвѣтилъ японецъ съ глубокимъ вздохомъ, — звѣзды намъ недоступны... Мы можемъ ими только любоваться...

Герцогиня съ добродушной улыбкой подошла къ нимъ.

— Джонъ обѣщалъ приготовить сегодня какой-то необыкновенный омлетъ, — сказала она. — Но при условіи, что мы сядемъ за столъ ровно въ половинѣ второго... Если мы опоздаемъ хотя бы на пять минутъ, онъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность...

За столомъ принцъ Майо опять сидѣлъ около Элленъ, и она все время внимательно наблюдала за нимъ. Онъ былъ спокоенъ и любезенъ, какъ всегда.

Элленъ отмѣтила его почтительное отношеніе къ старикамъ. Въ то же время — молодежи онъ всегда внушалъ невольное уваженіе. Даже, когда мужчины оставались одни, никто не рѣшался сказать при немъ грубаго слова.

Все это такъ не вязалось съ ужаснымъ преступленіемъ, въ которомъ онъ, якобы, былъ замѣшанъ, что Элленъ невольно вздрогнула. Нѣтъ! эти тонкія руки не могли быть обагрены кровью...

— Итакъ, мы съ вами встрѣтимся въ Дэвенхэмѣ! — вдругъ услышала она голосъ принца. — Вѣдь мнѣ недолго еще осталось жить въ этой странѣ...

— Вы, дѣйствительно, такъ скоро уѣзжаете? — слегка дрогнувшимъ голосомъ спросила Элленъ.

— Да, я, вѣроятно, покину Англію въ самые ближайшіе дни, — отвѣтилъ принцъ.

— Вы отправитесь изъ Лондона прямо въ Японію? — спросила Элленъ послѣ небольшого молчанія.

— Да, въ Европѣ мнѣ больше нечего дѣлать, — отвѣтилъ принцъ. — Крейсеръ, присланный за мной Его Величествомъ, уже въ Соутгемптонѣ...

— Вы говорите о своей работѣ такъ, точно вы собирали здѣсь матеріалы для большого труда... и — улыбаясь замѣтила Элленъ.

— Я старался войти въ жизнь вашей страны, понять ваши нравы и обычаи.

— И... каковы же ваши заключенія?.. — тихимъ голосомъ спросила молодая дѣвушка.

Глаза японца странно блеснули. Онъ улыбнулся снисходительной улыбкой взрослаго, разговаривающаго съ ребенкомъ.

— Я уже говорилъ вамъ, что пріѣхалъ сюда для блага своей страны и не сожалѣю о томъ... Мое пребываніе здѣсь было удивительно пріятнымъ. Я встрѣтилъ къ себѣ большое расположеніе и исключительную доброту...

— Вы похожи на школьника, послѣ долгой и утомительной учебы возвращающагося домой, — пошутила Элленъ.

Въ то же мгновеніе Сомерфильдъ, сидѣвшій по другую сторону молодой дѣвушки, замѣтилъ съ недовольнымъ видомъ:

— Элленъ, всякій разъ когда вы встрѣчаетесь съ этимъ японскимъ принцемъ, вы не говорите ни слова со мной!...

— Но онъ скоро насъ покидаетъ, Чарли, — съ улыбкой отвѣтила дѣвушка.

— И слава Богу! Ужъ я то объ этомъ печалиться не стану! — сквозь зубы проговорилъ молодой человѣкъ.

Завтракъ близился къ концу, и вскорѣ вся компанія перешла пить кофе въ огромный холль отеля.

Принцъ Майо снова очутился около Элленъ.

— Что мнѣ нравится въ вашихъ ресторанахъ, завтракахъ и обѣдахъ, — замѣтилъ онъ, — это — нечаянныя встрѣчи съ людьми самыхъ различныхъ положеній...

— Да... Вотъ, напримѣръ, тамъ въ углу сидятъ двое... — начала молодая дѣвушка и вдругъ умолкла.

Въ углу сидѣли инспекторъ Джексъ и докторъ Уэльсъ.

Они дѣйствительно рѣзко отличались отъ нарядной наполнявшей залъ толпы. Костюмъ инспектора былъ слишкомъ новъ и какъ-то неловко сидѣлъ на немъ, костюмъ же доктора былъ слишкомъ потертъ и помятъ, чтобы казаться приличнымъ.

— Какъ странно, что вы указали именно на этихъ двухъ мужчинъ, — замѣтилъ Майо. — Я знаю одного изъ нихъ, и, если вы меня простите, подойду къ нему.

Элленъ не могла отъ волненія выговорить ни слова.

Принцъ Майо своей легкой походкой направился къ сыщику. Тотъ тотчасъ же вскочилъ.

— Надѣюсь, вы совершенно поправились, — спросилъ Майо, протягивая ему руку. — Я чувствую себя страшно виновнымъ передъ вами. Въ моихъ комнатахъ иностранцу, дѣйствительно, можетъ показаться душно...

Джексъ пробормоталъ нѣсколько благодарственныхъ словъ.

Майо привѣтливо кивнулъ ему и вернулся къ Элленъ.

Сыщикъ снова опустился въ кресло и закурилъ сигару. Онъ избѣгалъ смотрѣть на своего спутника.

— Кто этотъ господинъ? — спросилъ докторъ. — Вы называли его принцемъ, если не ошибаюсь?

Сыщикъ вздохнулъ. Онъ былъ видимо разочарованъ.

— Это принцъ Майо, — отвѣтилъ онъ. — Японецъ.

Докторъ удивленно посмотрѣлъ на принца, сидѣвшаго рядомъ съ Элленъ.

— Удивительно, какъ всѣ эти японцы похожи другъ на друга... — прошепталъ онъ, — но все же...

Онъ остановился, не окончивъ фразы.

— Вы вспоминаете вашего ночного паціента? — быстро спросилъ сыщикъ.

— Совершенно вѣрно, — согласился докторъ. — На одно мгновеніе мнѣ показалось, что это тотъ же человѣкъ... Только онъ совершенно иначе себя держитъ...

Инспекторъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ молча курить сигару.

— Вы не думаете, что вашимъ ночнымъ посѣтителемъ могъ быть принцъ? — спросилъ онъ наконецъ доктора.

Докторъ еще разъ внимательно посмотрѣлъ въ сторону Майо.

— Не могу вамъ этого сказать, — промолвилъ онъ. — Я хотѣлъ бы увидѣть его поближе... Я не былъ подготовленъ къ этой встрѣчѣ. Повторяю вамъ, тонъ его голоса и манера себя держать совершенно иные... И все же...

Мистеръ Джексъ просiялъ.

Глава 23

Странное недомоганіе м-ра Джекса

Что же случилось съ сыщикомъ у принца?

Инспекторъ Джексъ опустился въ кресло. Разсуждать теперь было уже поздно. Въ то же время посѣщеніе принца могло разстроить всѣ его планы.

Махнувъ рукой, онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, съ любопытствомъ разглядывая безцѣнныя коллекціи стариннаго оружія, статуэтки изъ слоновой кости, бронзовыхъ идоловъ, портьеры изъ поблекшей ткани.

Въ комнатѣ какъ всегда стоялъ удушливый запахъ жженыхъ травъ и цвѣтовъ. И Джексу черезъ нѣсколько мгновеній сдѣлалось какъ-то не по себѣ.

Онъ подошелъ къ окну и выглянулъ на залитую солнцемъ площадь. Подъ окномъ въ палисадникѣ онъ замѣтилъ цвѣтущій кустъ сирени и глубоко вздохнулъ, пожалѣвъ, что онъ за стекломъ. Еще черезъ мгновеніе онъ попытался открыть окно. Но — тщетно. Тогда онъ направился къ двери.

Пока онъ шелъ по мягкому восточному ковру, ему показалось, что комната завертѣлась передъ его глазами. Онъ задыхался въ этомъ душномъ воздухѣ. Вытянувъ впередъ руки, онъ безпомощно повалился на полъ.

Очнулся онъ въ маленькой комнатѣ, окна которой выходили въ садъ. Онъ лежалъ на низкомъ диванѣ. Передъ нимъ стоялъ слуга-японецъ держа въ рукахъ стаканъ.

Сыщикъ съ наслажденіемъ вдохнулъ въ себя свѣжій воздухъ: огромное окно было отворено настежь. Онъ присѣлъ на диванѣ и удивленно оглядѣлся вокругъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сыщика стоялъ Майо и сочувственно смотрѣлъ на него.

— Какъ вы себя чувствуете?... — спросилъ японецъ. — Надѣюсь, вамъ лучше?...

— Да, мнѣ гораздо лучше, — тотчасъ же отвѣтилъ сыщикъ. — Я не могу понять, что со мной случилось?...

— Вѣроятно, вы уже съ утра нехорошо себя чувствовали? — тѣмъ же спокойнымъ и ласковымъ голосомъ продолжалъ принцъ. — Когда я вошелъ въ комнату, вы лежали на полу безъ сознанія...

Джексъ оглядѣлся опытнымъ глазомъ сыщика. Онъ замѣтилъ, что стаканъ, который держалъ въ рукахъ слуга, былъ пустъ. Онъ смутно припомнилъ, что его заставили что-то проглотить въ полубезчувственномъ состояніи.

— Я чувствовалъ себя совершенно здоровымъ сегодня утромъ... И даже, когда вошелъ въ вашъ домъ, — продолжалъ сыщикъ. — Я, право, не знаю, почему потерялъ сознаніе... Думаю, что меня одурманилъ запахъ какихъ-то травъ въ вашей пріемной...

— Въ такомъ случаѣ, не тревожьтесь: многіе не переносятъ этого запаха, — замѣтилъ принцъ. — Но, кажется, вы хотѣли переговорить со мной. Быть можетъ, вы чувствуете себя еще не совсѣмъ хорошо и желали бы отложить разговоръ до другого раза?...

— О, нѣтъ... Я совершенно оправился! — воскликнулъ Джексъ.

Майо сдѣлалъ знакъ слугѣ, и тотъ тотчасъ же безшумно удалился.

— Принцъ, — началъ инспекторъ, когда они остались одни. — Загадка моя не изъ легкихъ. Я не желалъ бы причинить вамъ ни малѣйшей непріятности... Но вмѣстѣ съ тѣмъ, у меня есть обязанности, съ которыми приходится считаться. Вѣроятно, вамъ извѣстно, что въ Англіи всѣ равны передъ закономъ, независимо отъ происхожденія?.. Я слышалъ, что въ вашей странѣ это не совсѣмъ такъ?...

— Отлично, — съ улыбкой отвѣтилъ принцъ. — Обращайтесь со мной такъ, какъ если бы я былъ самымъ обыкновеннымъ иностранцемъ пріѣхавшимъ въ вашу страну... Кромѣ того, — прибавилъ онъ, — пока я въ вашей странѣ, я подчиняюсь англійскимъ законамъ...

— Вѣроятно, вамъ извѣстно, что мнѣ поручено разслѣдованіе убійствъ американскихъ гражданъ Фейнса и Вандерполя, — продолжалъ сыщикъ.

— Я вижу, что разслѣдованіе находится въ опытныхъ рукахъ, — любезно замѣтилъ Майо.

Сыщикъ слегка наклонилъ голову, какъ бы въ благодарность за лестную оцѣнку своей дѣятельности.

— Всѣ собранныя мною до сихъ поръ доказательства и свидѣтельскія показанія указываютъ на то, что преступникъ былъ иностранецъ, — продолжалъ сыщикъ.

— Такъ... — замѣтилъ принцъ. — Вѣроятно, въ вашей странѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ, многіе относятся отрицательно къ иностранцамъ.

— Кромѣ того, мои свѣдѣнія сходятся на томъ, что преступникъ — одной съ вами національности, ваше высочество...

Принцъ удивленно поднялъ брови.

— Японецъ?... — переспросилъ онъ. — Я, право, очень сожалѣю, что мой соотечественникъ нарушилъ законы вашей страны... Но въ такомъ случаѣ вамъ остается одно: вы должны арестовать его и поступить съ нимъ согласно вашимъ законамъ, какъ съ обыкновеннымъ преступникомъ...

— Вѣроятно, мы это и сдѣлаемъ со временемъ, — тихимъ голосомъ сказалъ инспекторъ. — Теперь у насъ еще нѣтъ достаточныхъ уликъ...

Принцъ вздохнулъ.

— Конечно, не мнѣ давать вамъ указанія, — произнесъ онъ.

— Теперь я перейду прямо къ дѣлу и разскажу, почему я осмѣлился потревожить ваше высочество, — тѣмъ-же тихимъ голосомъ продолжалъ инспекторъ. — У насъ есть опредѣленныя указанія на то, что преступникъ, такъ или иначе, принадлежитъ къ числу вашихъ слугъ...

— Къ числу моихъ слугъ? — изумленно воскликнулъ Майо. — Простите, мистеръ Джексъ, но я свою очередь предложу вамъ вопросъ: вамъ, вѣроятно, случалось когда-нибудь ошибаться?...

— Не разъ, — откровенно признался сыщикъ.

— Въ такомъ случаѣ, боюсь, что и на этотъ разъ вы

ошиблись, — спокойно проговорилъ японецъ. — У меня четырнадцать слугъ японцевъ, секретарь, метръ д-отель и дворецкій... Быть можетъ вамъ покажется это невѣроятнымъ, но за все время моего пребыванія въ вашей странѣ никто изъ моихъ слугъ не переступалъ порога этого дома... Никто за исключеніемъ моего секретаря, который былъ нѣсколько недѣль въ Парижѣ...

Сыщикъ удивленно посмотрѣлъ на Майо.

— Какъ же это?... — недовѣрчиво пробормоталъ онъ. — Развѣ они никогда не ходятъ въ театры, не гуляютъ?...

Майо покачалъ головой.

— Вы не знаете обычаевъ нашей страны, — промолвилъ онъ. — Они — мои слуги, и... обязанность ихъ — смотрѣть за моимъ домомъ. На улицахъ вашихъ европейскихъ столицъ они, быть можетъ, возбудили бы смѣхъ своимъ появленіемъ... Они не ищутъ развлеченій...

— Значитъ, они даже не выходятъ подышать свѣжимъ воздухомъ? — все болѣе и болѣе недоумѣвая спросилъ сыщикъ.

— Воздухъ вашихъ улицъ нельзя назвать свѣжимъ, — улыбнулся Майо. — У нихъ есть садъ позади дома, гдѣ они и проводятъ свободное отъ службы время... Не смотрите на меня съ такимъ изумленіемъ, мистеръ Джексъ. У васъ на западѣ и у насъ на востокѣ — совершенно различные взгляды на службу: для насъ служба родинѣ или хозяину — своего рода служеніе... Мои слуги не задумываясь пожертвуютъ для меня жизнью, точно такъ же, какъ каждый японецъ пожертвуетъ жизнью для блага родной страны...

Инспекторъ нѣкоторое время сидѣлъ молча, какъ бы что-то обдумывая. Затѣмъ онъ всталъ и приблизился къ Майо.

— Принцъ, въ такомъ случаѣ то, что я вамъ скажу, еще болѣе необъяснимо, — тихимъ голосомъ промолвилъ онъ. — Въ ночь убійства Фейнса, уже подъ утро было замѣчено, что одинъ изъ вашихъ соотечественниковъ вошелъ въ вашъ домъ...

— Мистеръ Джексъ, —спокойно отвѣтилъ Майо, — я былъ единственнымъ японцемъ, который вошелъ въ домъ въ это утро...

Инспекторъ направился къ двери.

— Ваше высочество, я весьма признателенъ вамъ за тѣ свѣдѣнія, которыя вы изволили мнѣ сообщить. И особливо — за ваше вниманіе къ легкому недомоганію, случившемуся со мною у васъ...

Принцъ привѣтливо улыбнулся.

— Мистеръ Джексъ, — отвѣтилъ онъ. — Нашъ разговоръ былъ весьма интересенъ мнѣ... И если я чѣмъ-нибудь могу быть въ дальнѣйшемъ вамъ полезенъ, прошу васъ не стѣсняясь обращаться ко мнѣ.

Глава 24

Сыщикъ отказывается отъ предложенія

Инспектору Джексу, наконецъ, повезло; уже одиннадцать разъ онъ заходилъ въ больницу Св. Фомы, и каждый разъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „нельзя!"

Сегодня же его попросили подождать: больному стало лучше. Вскорѣ въ пріемной показалась сидѣлка въ бѣлоснѣжной косынкѣ.

— Пожалуйста... но не больше десяти минутъ, — улыбаясь сказала она.

— Еще одинъ вопросъ... — воскликнулъ Джексъ. — Есть надежда, что онъ поправится?...

— О! Теперь уже не можетъ быть въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія... — весело воскликнула сидѣлка. — Вотъ онъ... Только — не дольше десяти минутъ...

Джексъ сѣлъ у кровати. Больной — блѣдный и худощавый молодой человѣкъ — посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Вы пришли, чтобы узнать подробности, не такъ ли? — началъ молодой человѣкъ. — Я уже разсказывалъ какъ-то все доктору передъ операціей... Съ вами мнѣ они не позволили тогда говорить...

— Я очень радъ, что вамъ лучше... — сказалъ инспекторъ. — Итакъ, разсказывайте только самое главное... Вамъ нельзя много говорить...

— Да... Если бы колесо омнибуса сдѣлало еще поворотъ, то я лишился бы обѣихъ ногъ, — воскликнулъ молодой человѣкъ. — А все изъ-за него!

— Вы видѣли, какъ онъ вошелъ въ такси? — быстро спросилъ сыщикъ.

— Да... Я уѣхалъ съ Чарингъ Кросса въ Кенсингтонъ Паласъ Отель на велосипедѣ, — началъ молодой человѣкъ, — на углу Хеймаркетъ стритъ было такое скопленіе экипажей, что пришлось остановиться. Я удержался за крыло такси, стоявшаго передо мной, чтобы не слѣзть съ велосипеда.

Къ больному подошла сидѣлка и поднесла къ губамъ его кружку.

— Выпейте... — сказала она. — Это васъ подкрѣпитъ...

— Какъ вкусно!... — воскликнулъ больной, выпивъ содержимое кружки. — Такъ вотъ, — я держался за крыло такси. Рядомъ медленно продвигался автомобиль... Изъ него вышелъ очень элегантный господинъ и заговорилъ черезъ окно съ пассажиромъ такси. Затѣмъ онъ открылъ дверь и вошелъ внутрь... Я повторяю, онъ былъ прекрасно одѣтъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и цилиндрѣ...

— И дальше?... — нетерпѣливо спросилъ инспекторъ.

— Я все время слѣдовалъ за такси. Около Парка снова пришлось остановиться изъ-за скопленія экипажей, и я видѣлъ, какъ элегантный господинъ вышелъ изъ машины и затерялся въ толпѣ... Черезъ нѣсколько минутъ я обогналъ такси и заглянулъ внутрь: молодой человѣкъ, ѣхавшій въ немъ, почти лежалъ на сидѣньи... Глаза его смотрѣли такъ страшно, что я на мгновеніе потерялъ власть надъ собой... Въ то же мгновеніе что-то толкнуло меня... И больше я ничего не помню... Очнулся я уже здѣсь, въ больницѣ...

— Вы думаете, что узнали бы господина, вошедшаго въ такси? — спросилъ Джексъ.

— О!... навѣрное, — воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Хорошо... Въ слѣдующій изъ пріемныхъ дней я снова приду къ вамъ на полчаса, — сказалъ сыщикъ, вставая.

— Спасибо... Я буду очень радъ, — отвѣтилъ больной.

Въ глубокой задумчивости вышелъ Джексъ изъ больницы. Онъ самъ не зналъ, почему больничный запахъ іода и эфира напомнилъ ему душную комнату въ домѣ Майо, и невольно вздрогнулъ.

Путь его лежалъ какъ разъ къ особняку японца на Сентъ

Джемсъ Скверъ. На углу площади онъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ принцемъ Майо. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ въ лицѣ японца. Онъ любезно привѣтствовалъ Джекса.

— Мистеръ Джексъ, — сказалъ онъ. — Я какъ разъ васъ хотѣлъ видѣть... Если вы свободны — быть можетъ, вы не откажетесь побесѣдовать со мной нѣсколько минутъ...

Инспекторъ нѣсколько мгновеній колебался. Въ присутствіи этого японца, такъ любезно привѣтствовавшаго его, онъ чувствовалъ себя ребенкомъ и по уму и по знаніямъ. Въ то же время — онъ долженъ былъ сознаться, что, несмотря на нѣкоторое неодолимое предубѣжденіе — принцъ былъ ему пріятенъ.

— Прекрасно! — отвѣтилъ онъ.

— Если бы я пригласилъ васъ къ себѣ — съ улыбкой продолжалъ Майо, — вы, быть можетъ, побоялись бы вновь очутиться въ моей гостиной... Поэтому давайте лучше побродимъ немного по Сентъ Джемсъ Парку?... Тамъ мы можемъ поговорить...

Онъ ласковымъ движеніемъ взялъ инспектора подъ руку. Джексъ молча кивнулъ головой. Въ этотъ утренній часъ аллеи были почти пустынны.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами по очень важному дѣлу, мистеръ Джексъ, — проговорилъ Майо. — Правительство моей страны очень заинтересовано вашей системой полиціи... Мы во многомъ еще, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, отстали отъ европейскихъ странъ. Напримѣръ у насъ въ Токіо нѣтъ учрежденія, подобнаго вашему Скотлэндъ Ярду...

Инспекторъ Джексъ удивленно и недоумѣвающе посмотрѣлъ на своего собесѣдника.

— И вотъ — въ послѣднихъ телеграммахъ, полученныхъ мной изъ Японіи, меня просятъ найти лицо, способное въ корнѣ реорганизовать нашу полицію... Мнѣ даже предоставлены полномочія — выбрать это лицо... И... я хотѣлъ бы поручить вамъ эту важную и отвѣтственную задачу, — прибавилъ принцъ Майо, повернувшись къ сыщику.

Джексъ съ притворнымъ изумленіемъ поглядѣлъ на японца.

— Ваше предложеніе дѣлаетъ мнѣ большую честь, —

пробормоталъ онъ. — Мнѣ кажется, все-же, что я недостаточно свѣдущъ для такого отвѣтственнаго дѣла...

— Я охотно беру на себя этотъ рискъ, предлагая вамъ этотъ постъ, — промолвилъ Майо.

— Кромѣ того, не скажу, чтобы мнѣ улыбалось въ мои годы пускаться въ такое далекое путешествіе и заново налаживать свою жизнь въ совершенно чужой для меня странѣ... — продолжалъ Джексъ.

— Разумѣется, вы вольны поступать, какъ вамъ угодно, — замѣтилъ принцъ. — Однако, долженъ вамъ замѣтить, что, когда моя родина нуждается въ чьихъ-нибудь услугахъ, она очень щедро за нихъ платитъ... Ваша работа тамъ продолжалась бы, несомнѣнно, не болѣе трехъ лѣтъ... За эту трехлѣтнюю работу вы получили бы тридцать тысячъ фунтовъ...

— Тридцать тысячъ фунтовъ?... — воскликнулъ Джексъ.

— Да... именно — улыбаясь подтвердилъ японецъ.

— А когда нужно выѣхать отсюда? — спросилъ сыщикъ послѣ нѣкотораго раздумья.

— Въ этомъ, быть можетъ, заключается самое тяжелое условіе, — промолвилъ принцъ. — Выѣхать придется завтра въ четыре часа дня изъ Соуттемптона...

Инспекторъ испытующе посмотрѣлъ на принца.

— У меня большія связи въ Скотлэндъ Ярдѣ, и мнѣ удастся получить для васъ отпускъ, — продолжалъ Майо. — Помните, мистеръ Джексъ, — тридцать тысячъ фунтовъ и полная свобода дѣятельности въ Японіи... Вѣроятно, вамъ года пятьдесятъ два или пятьдесятъ три... Пятидесяти шести лѣтъ вы вернетесь въ Англію состоятельнымъ человѣкомъ.

— Да!... Предложеніе лестное, — сказалъ сыщикъ... — И однако же, мнѣ кажется, что я не приму его...

— Почему? — спросилъ японецъ.

— Потому, что мнѣ нужно сначала найти убійцу Фейнса и Вандорполя... — отвѣтилъ сыщикъ.

Принцъ Майо продолжалъ медленно идти по аллеѣ. Брови его едва замѣтно сдвинулись, лицо стало еще болѣе непроницаемымъ.

— Я не понимаю, какую это связь имѣетъ съ нашимъ разговоромъ, мистеръ Джексъ, — промолвилъ онъ. — Вы могли

бы передать это дѣло другому... И, вообще, мнѣ совершенно безразлично, будетъ ли обнаруженъ преступникъ, о которомъ вы говорите, или нѣтъ... Я сдѣлалъ вамъ предложеніе и жду отвѣта...

Джоксъ покачалъ головой.

— Принцъ Майо, — сказалъ онъ, — объ этомъ не можетъ быть и рѣчи... Я весьма признателенъ вамъ за оказанную мнѣ честь, но долженъ отъ нея отказаться.

— Ваше рѣшеніе окончательно? — спросилъ принцъ, въ упоръ глядя на него.

— Окончательно...

— Японія, — задумчиво продолжалъ Майо, — прекрасная страна.

— Да... но и лондонскій климатъ не вреденъ мнѣ... — отвѣтилъ сыщикъ.

— А мнѣ кажется, что именно лондонскій климатъ чрезвычайно вреденъ для вашего здоровья, — замѣтилъ принцъ. — Вспомните, вѣдь я былъ свидѣтелемъ чрезвычайно страннаго припадка, случившагося съ вами.

— Въ моей профессіи не приходится съ этимъ считаться, — отвѣтилъ Джексъ.

Принцъ Майо остановился. Они пришли къ перекрестку двухъ аллей.

— Жаль... — задумчиво проговорилъ онъ. — Мнѣ кажется, что вы очень хорошо справились бы съ возложенной на васъ задачей... Во всякомъ случаѣ, подумайте о моемъ предложеніи... Мнѣ кажется, что морское путешествіе было бы вамъ чрезвычайно полезно...

Майо кивнулъ головой сыщику и медленными шагами отошелъ отъ него

Глава 25

Паціентъ доктора — принцъ Майо

Иногда цѣлыми днями къ доктору Уэльсу не заглядывалъ ни одинъ паціентъ. Небольшія сбереженія его приходили къ концу. Кредиторы осаждали его со всѣхъ сторонъ.

Онъ втайнѣ надѣялся на вторичное посѣщеніе инспектора Джекса: кромѣ удовольствія побывать въ городѣ и позавтра-

кать въ хорошемъ ресторанѣ, это посѣщеніе дало возможность безбѣдно просуществовать цѣлую недѣлю.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его поѣздки въ Лондонъ съ инспекторомъ, къ дому подъѣхалъ автомобиль. Изъ него вышелъ элегантно одѣтый иностранецъ.

Докторъ, отказавшій слугѣ уже недѣлю назадъ за неимѣніемъ средствъ, самъ открылъ дверь.

Молодой человѣкъ снялъ шляпу и учтиво ему поклонился.

Гладкіе черные волосы, слегка вкось поставленные глаза и выдающіяся скулы обличали въ немъ японца.

— Докторъ Уэльсъ, — не правда ли? — спросилъ молодой человѣкъ.

Докторъ попросилъ посѣтителя войти въ убогую гостиную.

— Это сюда былъ доставленъ молодой человѣкъ, на котораго наѣхалъ и едва не раздавилъ автомобиль? — спросилъ посѣтитель.

— Да... Онъ счастливо отдѣлался... У него оказались лишь самыя незначительныя царапины, — отвѣтилъ докторъ.

— Я — секретарь этого молодого человѣка, — промолвилъ посѣтитель. — Онъ послалъ меня за вами. Нога его совершенно зажила, но началась боль въ боку, причиняющая ему сильныя страданія. Онъ проситъ васъ немедленно пріѣхать къ нему.

Докторъ блаженно улыбнулся.

— А гдѣ живетъ вашъ хозяинъ? — спросилъ онъ.

— Въ Лондонѣ, на Сентъ Джемсъ Скверъ...

Докторъ посмотрѣлъ на часы.

— Это займетъ у меня довольно много времени, — замѣтилъ онъ. — Мнѣ придется попросить одного изъ моихъ друзей замѣнить меня здѣсь... Надѣюсь, вашъ хозяинъ пойметъ, что за этотъ визитъ мнѣ нужно будетъ заплатить нѣсколько больше, чѣмъ...

— Объ этомъ вы можете не безпокоиться, докторъ. Онъ хочетъ, чтобы его осмотрѣлъ тотъ же врачъ, который осматривалъ его въ день несчастья...

— Въ такомъ случаѣ, подождите здѣсь... Я вернусь черезъ нѣсколько минутъ: мнѣ нужно написать записку моему другу...

Въ дѣйствительности, доктору не нужно было писать ни-

какой записки: онъ хотѣлъ лишь смѣнить слишкомъ ужъ потертый костюмъ на болѣе новый.

Вскорѣ онъ появился вновь и съ наслажденіемъ усѣлся въ роскошный автомобиль.

Домъ въ Сентъ Джемсъ Скверъ, поразилъ деревенскаго доктора своей роскошью. Принцъ Майо почти тотчасъ же вышелъ къ нему.

— Я очень радъ видѣть васъ, докторъ, — любезно улыбаясь и протягивая руку, сказалъ японецъ. — Вы такъ хорошо меня вылѣчили, что я уже боялся, что никогда больше не увижу васъ...

— А я очень радъ, что нога ваша больше не безпокоитъ васъ, — отвѣтилъ докторъ. — Но, къ сожалѣнію, я слышалъ, у васъ появились боли въ боку...

— Да, иногда у меня бываютъ боли въ боку... — сказалъ Майо. — Я воспользовался этимъ, чтобы пригласить васъ сюда... Но разрѣшите предложить вамъ чего-нибудь выпить послѣ дороги?

— Быть можетъ, я прежде освидѣтельствовалъ бы васъ, — нерѣшительно промолвилъ докторъ.

Майо позвонилъ и приказалъ подать виски.

— Съ этимъ можно подождать, — воскликнулъ Майо. — Не забудьте, что у насъ на востокѣ гостепріимство — своего рода религія. О моихъ недомоганіяхъ мы поговоримъ потомъ. А теперь скажите мнѣ, понравился ли вамъ ресторанъ „Савой Отеля", гдѣ я видѣлъ васъ нѣсколько дней назадъ послѣ завтрака?

Докторъ удивленно уставился на принца.

— Какъ? Это были вы? — пробормоталъ онъ.

— Конечно... Я былъ совершенно увѣренъ, что вы меня узнаете, — тихо проговорилъ Майо.

Докторъ не могъ придти въ себя отъ изумленія: двоюродный братъ японскаго императора, разъѣзжающій по ночамъ на велосипедѣ въ дешевенькомъ костюмѣ!

— Ничего такъ не занимаетъ меня здѣсь въ Европѣ, какъ эти велосипедные рестораны, — тѣмъ же ровнымъ и спокойнымъ голосомъ продолжалъ японецъ. — Долженъ сознаться, что у насъ въ Японіи вовсе нѣтъ хорошихъ ресторановъ...

— Да... Это замѣчательный ресторанъ, — подтвердилъ докторъ, немного пришедшій въ себя отъ изумленія. — Послѣ завтрака мы съ моимъ пріятелемъ посидѣли въ холлѣ и...

— Какое совпаденіе! — воскликнулъ японецъ. — Мой пріятель — мистеръ Джексъ, оказывается, и вашъ другъ?

— Я ошибся, назвавъ его пріятелемъ. — поправился докторъ. — Я, собственно, очень недавно познакомился съ нимъ...

Принцъ удивленно поднялъ брови. Въ это время слуга принесъ виски и докторъ налилъ себѣ большой стаканъ.

— Какъ мало хитрости въ этихъ европейцахъ! — Майо вздохнулъ и рѣшилъ прямо приступить къ дѣлу.

— Докторъ! — промолвилъ онъ, — по состоянію моего здоровья мнѣ нуженъ постоянный врачъ...

Уэльсъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Но вы, вѣдь, кажется, совершенно здоровы? — пробормоталъ онъ.

— Не всегда, — тотчасъ же отвѣтилъ Майо. — И вотъ, я хотѣлъ предложить вамъ поступить ко мнѣ въ качествѣ домашняго врача на два мѣсяца...

— Вы хотите сказать, что я долженъ буду поселиться здѣсь, въ вашемъ домѣ? — быстро спросилъ докторъ.

— Именно, — тотчасъ же отвѣтилъ Майо. — Кромѣ того, я поставлю вамъ еще нѣкоторыя условія, которыя съ перваго взгляда, быть можетъ, покажутся вамъ странными... Не знаю, важна ли для васъ та сумма, которую я назначу вамъ въ качествѣ гонорара, и играютъ ли для васъ вообще роль деньги...

— Огромное, огромное значеніе! — совершенно искренне признался докторъ. — Я очень нуждаюсь въ деньгахъ...

Майо улыбнулся.

— Мнѣ страшно мила ваша откровенность, — замѣтилъ онъ. — А скажите, докторъ, много у васъ въ округѣ постоянныхъ паціентовъ?

Докторъ запнулся на мгновеніе и опять совершенно откровенно отвѣтилъ:

— Ни одного...

Майо вновь улыбнулся; на этотъ разъ — широкой добродушной улыбкой.

— Вы мнѣ болѣе и болѣе нравитесь, докторъ! — вос-

кликнулъ онъ. — Повторяю, я поставлю вамъ нѣкоторыя условія, но предлагаю вамъ за услуги тысячу гиней за два мѣсяца...

Докторъ нѣкоторое время не въ силахъ былъ выговорить ни слова. Взглядъ его упалъ на стаканъ съ виски, стоявшій передъ нимъ, и онъ залпомъ опорожнилъ его.

— Тысячу гиней?.. — пробормоталъ онъ, наконецъ.

— Я предвидѣлъ, что сумма эта вполнѣ удовлетворитъ васъ, — замѣтилъ Майо. — Но помните, я ставлю два непремѣнныхъ условія...

— Условія для меня безразличны! Я согласенъ! — воскликнулъ докторъ.

— Такъ вотъ эти условія таковы: — невозмутимо продолжалъ Майо. — Вы видите эту маленькую гостиную... Къ вашимъ услугамъ газеты, иллюстрированные журналы, книги. Въ этомъ ящикѣ вы найдете самыя дорогія гаванскія сигары. Рядомъ находится спальня, такъ же хорошо, даже роскошно обставленная...

— Я вѣдь не привыкъ къ роскоши... — вздохнулъ докторъ.

— Эти двѣ комнаты будутъ ваши, — сказалъ Майо. — И первымъ и непремѣннымъ условіемъ будетъ то, что съ сегодняшняго дня втеченіе двухъ мѣсяцевъ вы не выйдете отсюда.

— Вы это говорите серъезно? —пробормоталъ озадаченный докторъ.

— Совершенно... — подтвердилъ Майо. — А вотъ и другое условіе: вы не должны никому писать и ни отъ кого получать писемъ втеченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ. Даже ваши сосѣди не должны знать, что сталось съ вами... А черезъ два мѣсяца вы имъ объясните все, какъ вамъ будетъ угодно...

— И мои обязанности будутъ заключаться лишь въ томъ, чтобы лѣчить васъ? — спросилъ докторъ.

— Да... когда понадобится, — отвѣтилъ Майо.

— Разрѣшите пощупать вашъ пульсъ?

Майо нехотя повиновался.

— Но вы совершенно здоровы, — задумчиво сказалъ докторъ. — Никакого врача вамъ не нужно.

— Напротивъ, докторъ, вы мнѣ страшно нужны... Вы видите, я готовъ даже заплатить вамъ тысячу гиней...

— Для того, чтобы я оставался въ этихъ двухъ комнатахъ? — спокойнымъ голосомъ спросилъ докторъ.

— Совершенно вѣрно, — промолвилъ Майо. — Принимаете вы мое предложеніе?

— А если бы я отказался?! — воскликнулъ докторъ.

Майо нѣсколько мгновеній колебался.

— Не будемте обсуждать этого вопроса, — предложилъ онъ. — Я думаю, вы будете настолько благоразумны, что не откажетесь,..

— Возможно, что я и не откажусь, — согласился докторъ. — А вдругъ?

— Отъ этого положеніе вещей ничуть не измѣнится, — спокойно отвѣтилъ Майо. — Вы не покинете этихъ комнатъ втеченіе двухъ мѣсяцевъ...

Докторъ откинулся на спинку кресла и тихо разсмѣялся.

— Въ такомъ случаѣ, вы меня просто... похитили? — спросилъ онъ.

— Удивительно мѣткое выраженіе! — воскликнулъ Майо. — Между прочимъ, въ которомъ часу вы обычно завтракаете?

— Мнѣ кажется, что сейчасъ было бы какъ разъ время приступить къ этому, — замѣтилъ докторъ.

Майо всталъ.

— Отлично, — сказалъ онъ, — я пришлю сейчасъ сюда слугу... Мой поваръ славится на весь Лондонъ, и я увѣренъ, что вы имъ останетесь довольны... Кромѣ того, прошу васъ составить списокъ интересующихъ васъ книгъ и журналовъ...

— А когда же мнѣ прикажете освидѣтельствовать васъ?— спросилъ докторъ.

— Я буду ежедневно заходить къ вамъ, — отвѣтилъ принцъ. — Такъ что времени у насъ будетъ достаточно...

Майо привѣтливо кивнулъ доктору и вышелъ изъ комнаты.

Глава 26

Докторъ Уэльсъ — плѣнникъ принца

Когда принцъ Майо находился среди своихъ соотечественниковъ, его никакъ нельзя было принять за японца. Его превосходительство, баронъ Хишо, японскій посолъ въ Великобританіи, былъ типичный японецъ, съ выдающимися скулами, косо поставленными узкими глазами и блестящими черными волосами.

Принца Майо, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ въ глубокомъ креслѣ и задумчиво курившаго папиросу, можно было принять скорѣе за итальянца или за испанца.

Въ особенности же плавна и легка была походка принца. Онъ унаслѣдовалъ ее отъ матери, про которую говорили въ обществѣ, что ни одна женщина не обладала такой неслышной и изящной поступью.

— Значитъ, мы скоро должны съ вами разстаться, принцъ? — съ грустью сказалъ посолъ.

— Да... Очень скоро... На будущей недѣлѣ я приглашенъ въ Дэвенхэмъ. Я слышалъ, что тамъ будетъ премьеръ-министръ и сэръ Эдуардъ Брэнсомъ. Это будетъ какъ бы моимъ прощальнымъ визитомъ.

Посолъ нѣкоторое время сидѣлъ въ глубокой задумчивости.

— Я очень мало васъ видѣлъ со времени вашего путешествія въ Германію и другія страны, — замѣтилъ онъ, наконецъ. — Ваши взгляды послѣ этого не измѣнились?

— Нисколько, — быстро отвѣтилъ Майо. — За послѣдніе мѣсяцы мнѣ удалось увидѣть много интереснаго, — мечтательно прибавилъ онъ. — Я видѣлъ германскую армію на маневрахъ, разговаривалъ съ офицерами и, гдѣ могъ, съ солдатами... Я побывалъ на соціалистическихъ митингахъ... Я видѣлъ французскую артиллерію... Я былъ гостемъ президента французской республики... Сюда я вернулся какъ разъ къ большимъ морскимъ маневрамъ и видѣлъ самый мощный флотъ и самую совершенную дисциплину въ мірѣ...

— Я не буду задавать вамъ никакихъ вопросовъ, — промолвилъ посолъ. — Я знаю, что императоръ желаетъ, чтобы вы

все разсказали непосредственно ему. Я хочу лишь спросить васъ: вы пришли къ какому-нибудь опредѣленному заключенію?

— О, да, — тотчасъ же отвѣтилъ принцъ. — Я не буду даже дѣлать изъ этого особенной тайны. Вы знаете, дорогой баронъ, или догадываетесь о томъ. По моему, черезъ годъ, быть можетъ, черезъ два или три, грянетъ громъ и разразится буря... И въ этотъ часъ нашъ начальникъ будетъ радъ, что мы свободны... Война между нами и нашимъ величайшимъ соперникомъ на Тихомъ океанѣ будетъ величайшей битвой, когда-либо видѣнной человѣчествомъ.

— И въ нашей побѣдѣ трудно сомнѣваться, — задумчиво добавилъ посолъ. — Развѣ что въ станѣ нашихъ враговъ вдругъ объявится геній... Америка слишкомъ богата, слишкомъ поглощена наживой... Ея сыны говорятъ на сотняхъ языковъ, какъ во время вавилонскаго столпотворенія... Будущее принадлежитъ нашему отечеству и нашей расѣ...

Оба нѣкоторое время сидѣли молча въ глубокой задумчивости.

Посолъ нѣсколько разъ украдкой взглядывалъ на своего гостя. Наконецъ онъ снялъ очки и спросилъ, глядя прямо въ глаза молодому человѣку:

— Скажите, Майо... Вашъ путь на родину безопасенъ?

— Ваше вниманіе меня глубоко трогаетъ, — началъ Майо.

— Какъ же мнѣ не безпокоиться за васъ? — воскликнулъ баронъ Хишо. — Мѣсяцъ назадъ я самъ искалъ вашей помощи; наши друзья по ту сторону океана сообщили намъ, что въ Англію направляется тайное донесеніе о цѣляхъ морской демонстраціи американскаго флота. Я послалъ за вами... Мы оба рѣшили, что совершенно необходимо узнать содержаніе этихъ документовъ...

— Мы нашли ихъ... — прошепталъ Майо. — Это было большимъ счастьемъ...

— Вы нашли ихъ, — перебилъ посолъ. — Моей заслуги здѣсь нѣтъ никакой. Здѣсь, подъ кровлей посольства, вы въ безопасности. Но въ городѣ я боюсь, что даже двоюродный

братъ японскаго императора не можетъ быть въ полной безопасности...

Майо пожалъ плечами. Лицо его было совершенно серьезно и свѣтилось какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ; видно было, что онъ презираетъ опасность и привыкъ смотрѣть ей прямо въ глаза.

— Я часто также думалъ объ этомъ, — сказалъ онъ. — Я исполнилъ свой долгъ... Если же ко мнѣ будетъ предъявленъ счетъ, я готовъ заплатить по нему... Прежде всего нужно довести до конца начатое дѣло. А затѣмъ... Годомъ раньше или годомъ позже... не все ли равно? Мы съ вами знаемъ, что каждый изъ насъ готовъ хотя бы завтра отдать жизнь за отечество...

Баронъ Хишо медленно всталъ съ кресла и низко поклонился принцу.

— Принцъ Майо, — торжественно произнесъ онъ, — когда я васъ слушаю, мнѣ кажется, что я у себя на родинѣ. Ваши слова еще болѣе убѣждаютъ меня, что истина на нашей сторонѣ... Солнце, вѣдь, восходитъ съ востока...

Когда принцъ Майо вернулся домой, слуга, открывшій дверь, прошепталъ ему что-то тихимъ голосомъ.

— Отлично, — улыбаясь, отвѣтилъ принцъ. — Я сейчасъ пройду къ нему.

Докторъ Уэльсъ сидѣлъ въ удобномъ глубокомъ креслѣ и курилъ дорогую сигару. На столикѣ около него лежалъ ворохъ газетъ. Онъ замѣтно поправился и пополнѣлъ. На немъ было свѣжее платье и бѣлье, сшитое изъ лучшаго матеріала.

Майо вошелъ и тщательно закрылъ за собой дверь.

— Здравствуйте, докторъ, — любезно протягивая руку, сказалъ онъ. — Мнѣ сказали, что вы желаете меня видѣть?

Докторъ указалъ на лежащія передъ нимъ газеты.

— Простите, что я побезпокоилъ васъ, — сказалъ онъ, привставъ. — Я лишь хотѣлъ спросить, читали ли вы это объявленіе?

Майо молча взялъ въ руки первую попавшуюся газету.

„Пятьдесятъ фунтовъ награды. Въ среду утромъ безслѣдно исчезъ изъ своего дома докторъ Спенсеръ Уэйльсъ. Награда будетъ выдана лицу, которое дастъ свѣдѣнія о его мѣсто-

пребываніи. Въ послѣдній разъ доктора видѣли въ лимузинѣ по дорогѣ въ Лондонъ".

Майо улыбнулся и положилъ газету обратно на столъ.

— Я знаю, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не въ состояніи заплатить за эти свѣдѣнія пятьдесятъ фунтовъ, да и не интересуется мною, исключая...

— Исключая кого? — быстро спросилъ японецъ.

— Инспектора Джекса, — воскликнулъ докторъ.

— Что же? — задумчиво промолвилъ Майо. — Пятьдесятъ фунтовъ, конечно, большая сумма... Но не забудьте, что я плачу вамъ тысячу гиней за то, что вы живете здѣсь... Разница большая, не правда ли?

— Дѣло не въ этомъ, — перебилъ его докторъ. — Сидя здѣсь безъ всякаго дѣла, я невольно размышлялъ о многомъ... И старался догадаться, почему инспекторъ Джексъ такъ заинтересовался свалившимся съ велосипеда лицомъ, которому я оказалъ помощь, и почему Джексъ повезъ меня въ Лондонъ и устроилъ мнѣ встрѣчу съ этимъ лицомъ... Мнѣ во всемъ этомъ происшествіи кажутся странными двѣ вещи...

— А именно?

— Я никакъ не могу понять, что побудило васъ кататься на велосипедѣ между одиннадцатью и двѣнадцатью часами ночи.

— И во-вторыхъ?

— И во-вторыхъ, я знаю, что въ полумилѣ отъ моего дома проходитъ линія сѣверо-западной желѣзной дороги... А вы помните, вѣроятно, что за полчаса до того, какъ вы пришли ко мнѣ въ ту ночь, по этой линіи прошелъ экстренный поѣздъ, заказанный мистеромъ Фейнсомъ... Вы помните, вѣроятно, и показаніе машиниста, что единственнымъ мѣстомъ пути, гдѣ онъ замедлилъ ходъ, былъ туннель, отчетливо видимый изъ моего дома...

Докторъ умолкъ и испытующе взглянулъ на Майо; японецъ продолжалъ сидѣть неподвижно, привѣтливо улыбаясь. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на его лицѣ.

— Я понялъ теперь, — съ видимымъ усиліемъ продолжалъ докторъ, — что Джексъ все время слѣдитъ за вами. Онъ убѣжденъ, что вы причастны къ этому таинственному убійству въ поѣздѣ.

Принцъ молча кивнулъ головой.

— Мнѣ кажется, что вы совершенно правы, — спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ онъ. — Мое присутствіе въ этомъ мѣстѣ должно было показаться ему по меньшей мѣрѣ подозрительнымъ...

Докторъ наклонился впередъ и схватился за ручки кресла.

— Такъ вотъ почему я былъ приглашенъ вами въ качествѣ домашняго врача? — воскликнулъ онъ.

— Дорогой докторъ, — улыбаясь возразилъ Майо, — я думалъ, что вы давно уже догадались объ этомъ. Вѣдь даже принцы крови не станутъ понапрасну тратить тысячи гиней...

Докторъ вскочилъ на ноги. Глаза его гнѣвно сверкали.

— Вы знаете тайну этого убійства? — воскликнулъ онъ.

— Къ чему вы меня объ этомъ спрашиваете? — спокойно отвѣтилъ японецъ. — Если я отвѣчу вамъ утвердительно, вы не сочтете возможнымъ оставаться здѣсь... Васъ замучитъ совѣсть... Вѣдь я не обязанъ доносить на себя... Повѣрьте мнѣ, для васъ будетъ спокойнѣе не доискиваться истины...

— Но если вы дѣйствительно замѣшаны въ это дѣло, и если я не явлюсь для дачи показаній, то я становлюсь вашимъ сообщникомъ? — воскликнулъ докторъ.

— Только въ томъ случаѣ, если бы вы оставались здѣсь добровольно, — успокоилъ его Майо. — Я увѣряю васъ, что вы не будете въ состояніи говорить съ инспекторомъ Джексомъ до тѣхъ поръ, пока мнѣ это будетъ нужно... Такъ что, видите, вамъ не въ чемъ винить себя... Я, конечно, ни минуты не думалъ, что обѣщанная награда въ пятьдесятъ фунтовъ могла повліять на ваше отношеніе ко мнѣ... Если же я ошибся, то вамъ стоитъ лишь сравнить эту награду съ той суммой, которую я обѣщалъ уплатить вамъ...

Докторъ въ волненіи поднялся.

— Но предположите, что я не согласенъ дольше оставаться здѣсь? Что, будучи убѣжденъ въ вашей причастности къ этому убійству, я отказываюсь отъ тысячи гиней?

— Я опять-таки повторяю вамъ, — спокойно проговорилъ Майо, — что вы здѣсь такой же плѣнникъ, какъ если бы находились въ самой неприступной крѣпости... Мнѣ хотѣлось бы

только знать, желаете ли вы остаться здѣсь добровольно, или нѣтъ?

Докторъ безсильно опустился въ кресло: онъ больше не сомнѣвался, что имѣетъ дѣло съ преступникомъ.

— Простите меня, — мягкимъ голосомъ заговорилъ Майо. — Я просто думалъ, что вы давно уже все поняли... А теперь мнѣ нужно идти. Передъ уходомъ я лишь хотѣлъ еще спросить васъ; согласны ли вы дать мнѣ честное слово, что не сдѣлаете попытки бѣжать отсюда?

Докторъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, этого слова я вамъ не дамъ, — твердымъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

Поздно ночью онъ подошелъ къ двери, ведущей въ коридоръ. Она оказалась незапертой. Коридоръ погруженъ былъ въ полнѣйшую темноту. Докторъ пошелъ вдоль стѣны, нащупывая ее все время руками.

Вдругъ его схватила за горло желѣзная рука.

— Пустите! — завопилъ онъ.

— Идите обратно въ вашу комнату! — услышалъ онъ шопотъ надъ своимъ ухомъ.

Докторъ долженъ былъ повиноваться. Придя къ себѣ въ комнату, онъ замѣтилъ слѣды крови на своей шеѣ.

Черезъ нѣсколько времени онъ осторожно пріоткрылъ дверь на площадку лѣстницы и выглянулъ; кругомъ не было ни души. Однако, у него все время было такое ощущеніе, что за нимъ слѣдятъ.

И въ первый разъ въ жизни онъ подумалъ, что тысяча гиней не такое ужъ большое богатство, какъ ему казалось до сихъ поръ.

Приблизительно въ тотъ же самый часъ принцъ Майо сидѣлъ въ оперѣ, въ ложѣ герцогини и разговаривалъ съ лэди Грэсъ.

— Скажите, принцъ, — спросила дѣвушка. — Неужели вы не будете жалѣть о нашихъ театрахъ, о нашей музыкѣ, обо всѣхъ нашихъ развлеченіяхъ?

— Въ моей странѣ мы нѣсколько серьезнѣе смотримъ на жизнь, — тихо промолвилъ японецъ. — Быть можетъ, мы даже

слишкомъ серьезны... Въ насъ нѣтъ той беззаботности, какой я невольно любуюсь здѣсь...

Лэди Грэсъ не могла понять, говоритъ ли Майо серьезно, или шутитъ.

— Вѣроятно, въ глубинѣ души вы все же жестоко осуждаете насъ, — сказала она.

— Нѣтъ! нѣтъ! — взмолился онъ. — Тутъ только разница въ воспитаніи...

Развѣ вы дѣйствительно видите такую большую разницу между японцами и англичанами? Напримѣръ, между вами и мной, — начала она и вдругъ смущенно опустила глаза. — Васъ можно свободно принять за англичанина... за государственнаго человѣка, или ученаго...

— Благодарю васъ... Я страшно польщенъ... — съ улыбкой сказалъ японецъ.

— А вы... какъ вы думаете о насъ? — еще смущеннѣе спросила лэди Грэсъ. — Неужели мы, англійскія дѣвушки, такъ сильно отличаемся отъ дѣвушекъ-японокъ вашего круга?

Майо на мгновеніе задумался. Вопросъ былъ поставленъ слишкомъ прямо.

Мужчины всѣхъ странъ гораздо больше похожи другъ на друга, — отвѣтилъ онъ, наконецъ. — Они подобны травѣ, растущей повсюду. Но цвѣты, какъ вы сами знаете, въ каждой странѣ разные...

Глава 27

Министръ сожалѣетъ о прежнихъ временахъ

Въ билліардной Дэвенхэмъ Кастля собрались всѣ приглашенные герцоги.

Самъ хозяинъ сидѣлъ на широкомъ угловомъ диванѣ и бесѣдовалъ съ премьеръ-министромъ и сэромъ Эдуардомъ.

— Вмѣстѣ съ развитіемъ цивилизаціи исчезаютъ многіе весьма дѣйствительные способы борьбы съ преступниками... — задумчиво замѣтилъ министръ.

— А именно? — спросилъ сэръ Эдуардъ.

— А именно, — пояснилъ министръ, — лѣтъ пятьсотъ

назадъ мы заперли бы этого молодого человѣка въ крѣпость и при помощи всяческихъ инквизиціонныхъ инструментовъ вывѣдали бы у него правду...

— А если бы правда эта шла вразрѣзъ съ интересами нашего государства? — спросилъ герцогъ, закуривая сигару.

— Мы заставили бы его перемѣнить мнѣніе... — тотчасъ же отвѣтилъ министръ.—Даже, если вмѣстѣ съ этимъ пришлось бы измѣнить его столь привлекательную внѣшность... Да... Приходится сознаться, что время, когда выворачивали суставы, имѣло свои преимущества. Посудите сами; вы, три самыхъ вліятельныхъ государственныхъ дѣятеля страны, безсильны что-либо сдѣлать... Мы должны ждать, пока этому молодому человѣку заблагоразсудится заговорить съ нами. Отъ него зависитъ наша судьба; останемся ли мы у власти, или же будущій историкъ удѣлитъ намъ лишь нѣсколько снисходительныхъ словъ... Отъ него зависитъ, — будетъ ли мнѣ воздвигнута статуя въ Уэстминстеръ-Ярдѣ, которую патріотически настроенная молодежь увѣнчаетъ лавровымъ вѣнкомъ.

Герцогъ улыбнулся и съ наслажденіемъ затянулся сигарой.

— Мнѣ кажется, что вы сильно преувеличиваете роль этого молодого человѣка, — замѣтилъ онъ. — Баронъ Хишо въ отличныхъ отношеніяхъ съ нами, а я думаю, что словамъ его придается при японскомъ дворѣ не больше значенія, нежели словамъ этого желтаго щеголя... Вѣдь онъ не занимаетъ никакого офиціальнаго положенія... Съ нимъ считаются лишь, какъ съ двоюроднымъ братомъ императора...

Премьеръ-министръ вздохнулъ.

— Дорогой герцогъ, — отвѣтилъ онъ, — надо, все-таки, признать, что онъ ведетъ себя отлично. Съ того дня, какъ онъ вручилъ мнѣ довѣрительное письмо японскаго императора, я не переставая наблюдалъ за нимъ. И могу засвидѣтельствовать, что за всѣ восемнадцать мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Европѣ, онъ ни разу не отклонился отъ намѣченной имъ цѣли. И ни одинъ человѣкъ за все это время не былъ посвященъ въ его тайныя мысли... А онъ побывалъ и въ Германіи, и во Франціи, и во многихъ другихъ странахъ...

Герцогъ погрузился въ глубокую задумчивость.

— Хотѣлъ бы я знать, — промолвилъ онъ, наконецъ, — Удастся ли намъ вывѣдать отъ него правду передъ отъѣздомъ?..

Министръ покачалъ головой.

— Посмотрите хотя бы сейчасъ на него, — замѣтилъ онъ. — Вотъ онъ учитъ лэди Сайндерсонъ играть на билліардѣ. Онъ показываетъ ей, какъ нужно держать кій... Онъ выбралъ именно ее, потому что никто не обращалъ на нее вниманія... Вы видѣли, какъ молодыя дѣвушки кружились около него и старались завладѣть его вниманіемъ? Въ этомъ сказался весь принцъ Майо. Если на него посмотрѣть теперь со стороны, можно подумать, что это самый добродушный и безхитростный человѣкъ... Однако, мнѣ пришла въ голову не плохая мысль; вы, вѣроятно, читали въ газетахъ вчерашнюю его рѣчь въ Херрикъ Клубѣ?

— Да, — тотчасъ же отвѣтилъ герцогъ. — Мнѣ даже показалось, что на этотъ разъ онъ былъ менѣе скрытенъ, чѣмъ обычно...

— Но и я еще никогда не слышалъ, чтобы онъ говорилъ болѣе откровенно объ учрежденіяхъ нашей страны, — согласился министръ. — Какъ только представится случай, я спрошу его о нѣкоторыхъ подробностяхъ его рѣчи... Впрочемъ, онъ навѣрное, станетъ увиливать...

— Если вы хотите это сдѣлать сейчасъ, то торопитесь, — замѣтилъ герцогъ. — Партія кончилась, и онъ собирается уходить съ Элленъ.

Министръ всталъ и приблизился къ молодымъ людямъ.

— Миссъ Морсъ, — обратился онъ къ Элленъ, — разрѣшите мнѣ похитить у васъ принца? Намъ нужно переговорить съ нимъ...

— Вы хотите сказать, что принцъ мой плѣнникъ? — улыбаясь спросила Элленъ.

— Мы всѣ плѣнники миссъ Морсъ, — съ любезной улыбкой замѣтилъ Брэнсомъ, — и враги Сомерфильда.

Майо отошелъ съ министромъ къ дивану, гдѣ только что происходила бесѣда сановниковъ.

— Принцъ, — началъ министръ, — мы только что говорили о вашей вчерашней рѣчи въ Херрикъ Клубѣ.

Майо улыбнулся.

— Мы съ большимъ интересомъ прочли то, что вы сказали, — замѣтилъ Брэнсомъ. — Но самымъ интереснымъ для насъ является то, о чемъ вы промолчали...

Принцъ нѣкоторое время стоялъ въ глубокой задумчивости. Онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимое желанiе разсказать людямъ, выказавшимъ ему столько вниманiя и довѣрiя, о всѣхъ тѣхъ наблюденiяхъ, которыя только иностранецъ могъ сдѣлать въ ихъ странѣ.

— Я былъ въ очень затруднительномъ положенiи, — началъ Майо. — Мнѣ пришлось выслушать необычайную похвалу нашей армiи и нашему военному генiю...

Въ эту минуту къ мужчинамъ приблизились герцогиня и Элленъ.

— Можно и намъ послушать? — спросила Элленъ. — Я прочла всю вашу вчерашнюю рѣчь...

— Миссъ Элленъ, я лишь возражалъ противъ излишней похвалы нашей армiи и нашему военному генiю... Я не могу заставить европейцевъ понять, что у насъ нѣтъ большой армiи, но великая нацiя, объединенная однимъ мощнымъ чувствомъ, утраченнымъ здѣсь на западѣ... Съ этимъ чувствомъ, мистеръ Хевилэндъ, — продолжалъ Майо, обращаясь къ премьеръ-министру, — у насъ каждый ребенокъ рождается. Оно живетъ въ его душѣ и такъ же дорого ему, какъ то цвѣтущее дерево, подъ которымъ онъ играетъ... Оно заставляетъ его браться за ружье такъ же естественно и охотно, какъ ваша молодежь берется за теннисныя ракеты и футбольные мячи... Въ сердцахъ же моихъ соотечественниковъ оно сильнѣе и постояннѣе, нежели любовь къ родителямъ, къ женѣ и къ дѣтямъ... Но простите, я, кажется утомилъ васъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! Но почему же вы думаете, принцъ, что въ насъ нѣтъ этихъ чувствъ? — промолвилъ герцогъ. — Вспомните послѣднiя войны...

— Да, но эти чувства все больше и больше угасаютъ въ васъ! — горячо воскликнулъ принцъ. — Я согласенъ: ваши народы откликаются на призывъ родины въ минуту опасности... Но съ какими знанiями они приходятъ подъ знамена? Развѣ это солдаты, твердо знающiе свое дѣло,

посвятившіе ему свою жизнь? Для насъ патріотизмъ — совершенно другое. Онъ не пробуждается въ насъ, какъ здѣсь, лишь въ минуты опасности. Онъ живетъ и развивается вмѣстѣ съ плотью и кровью каждаго ребенка, онъ — часть его существа. У насъ каждый солдатъ можетъ поспорить по знаніямъ съ генераломъ. Повторяю, у насъ нѣтъ великой арміи, но есть великая нація, религія которой — защита отечества въ минуты опасности...

Послѣдовало продолжительное молчаніе. Премьеръ-министръ и Брэнсомъ переглянулись.

— Вотъ, значитъ, то, о чемъ вы вчера промолчали?— воскликнула Элленъ.

— Быть можетъ, мнѣ и теперь не слѣдовало бы говорить этого, — тихимъ голосомъ промолвилъ принцъ. — Но я знаю, что для васъ взглядъ этотъ не новъ... многіе изъ вашихъ соотечественниковъ раздѣляютъ его... Но иногда своему труднѣе бываетъ увидѣть, чѣмъ чужому... Вотъ почему я и рѣшился вамъ высказать все, надъ чѣмъ я неоднократно задумывался...

Всѣ три государственныхъ дѣятеля не сказали ни слова.

Майо предложилъ Элленъ руку.

— Вы обѣщали мнѣ показать зимній садъ, миссъ Элленъ. Надѣюсь, что вы сдержите обѣщаніе? — тихо промолвилъ онъ.

Глава 28

Принцъ принимаетъ участіе въ скачкахъ

Послѣ обычной утренней прогулки Майо прошелся по цвѣтнику. Невольно пестрые гіацинты и желтые крокусы напомнили ему его родину съ ея цвѣтущими полями и деревьями.

Онъ присѣлъ на каменную ограду, отдѣлявшую цвѣтникъ отъ парка, и погрузился въ глубокую задумчивость. Взглядъ его направленъ былъ на виднѣвшуюся на горизонтѣ черную полосу лѣса, за которымъ начиналось море.

Вдругъ онъ услышалъ шумъ шаговъ по гравію. Передъ нимъ стояла Элленъ въ изящной амазонкѣ.

— Пойдемте же пить кофе! — воскликнула она. — Вѣроятно. всѣ уже собрались въ столовой.

— Вы собираетесь на прогулку? — спросилъ принцъ.

— Какъ же... Сегодня у насъ большой „стипль чэзъ“... Лэди Грэсъ въ страшномъ горѣ; капитанъ Чальмерсъ, который долженъ былъ скакать на ея кобылѣ „Долли“, въ послѣднюю минуту отказался... А она такъ надѣялась взять кубокъ...

— Какое непоправимое несчастье! — улыбаясь замѣтилъ Майо. — И какъ жаль, что я не могу ничѣмъ помочь вашей подругѣ...

— Грэсъ сегодня утромъ почти плакала.

Послѣднія слова Элленъ сказала почти уже въ столовой.

— Еще бы! — тотчасъ же откликнулась на нихъ огорченная хозяйка „Долли“. — Никогда не прощу этого капитану Чальмерсу! Никогда! Онъ не смѣлъ отказываться! Правда, „Долли“ вчера немного капризничала, но что изъ этого?

— Дѣйствительно, ужасная досада! — стараясь быть серьезнымъ, сказалъ Майо. — А почему бы вамъ не попросить другого наѣздника замѣнить капитана... или просто грума?

Сидѣвшіе за столомъ переглянулись.

— Эта скачка только для джентльмэновъ, — поспѣшилъ пояснить принцу герцогъ. — Разумѣется, Чальмерсу можно было найти замѣстителя. Но скачка назначена на сегодня, а съ „Долли“ не такъ легко совладать...

— Но среди вашихъ друзей неужели не найдется никого, кто могъ бы замѣнить Чальмерса? — спросилъ принцъ. — Напримѣръ, сэръ Чарльзъ.

— Сэръ Чарльзъ скачетъ на собственной лошади, — съ гримасой отвѣтила Грэсъ. — И хотя она ни въ какое сравненіе съ „Долли“ идти не можетъ, онъ все же ни за что отъ нея не откажется.

— Разумѣется, нѣтъ! — воскликнулъ сэръ Чарльзъ.

Онъ былъ въ щегольскомъ красномъ фракѣ и бѣлыхъ рейтузахъ.

— Я, право, въ отчаяніи, лэди Грэсъ, — снова съ усмѣшкой произнесъ принцъ. — Но, можетъ быть, я могу вамъ помочь? Можетъ быть, вы разрѣшите мнѣ скакать вмѣсто Чальмерса?

Всѣ снова переглянулись.

— Вы? — воскликнула лэди Грэсъ.

— Вы говорите серьезно, принцъ? — спросила Элленъ.

— Совершенно, — спокойно отвѣтилъ Майо. — Если мнѣ разрѣшатъ скакать, и если лэди Грэсъ ничего не будетъ имѣть противъ того...

— Но... — нерѣшительно замѣтилъ герцогъ, — я не зналъ... что вы спортсмэнъ, принцъ...

— Быть можетъ, въ томъ смыслѣ, какъ это принято здѣсь, я и не спортсмэнъ... Но что касается верховой ѣзды, то тутъ я совершенно увѣренъ въ себѣ...

— Вы когда-нибудь уже принимали участіе въ „стипль чэзѣ"? — съ любопытствомъ спросилъ Сомерфильдъ.

— Никогда, — спокойно отвѣтилъ Майо. — Однако, не думаю, чтобы это было такъ трудно...

— Главный вопросъ въ томъ... — началъ Сомерфильдъ и запнулся.

— Продолжайте, — спокойно замѣтилъ Майо, глядя ему прямо въ глаза.

— Сомерфильдъ хотѣлъ сказать, дорогой принцъ, — выручилъ сэра Чарльза герцогъ, — что „сипль чэзъ" требуетъ извѣстной подготовки... Вы вѣдь никогда не скакали на „Долли"?

Принцъ весело улыбнулся.

— Это не имѣетъ ни малѣйшаго значенія... Во время битвы подъ Мукденомъ мнѣ пришлось смѣнить за одинъ день двѣнадцать лошадей...

— Но можетъ быть, — прибавилъ Майо, обращаясь къ молодой дѣвушкѣ, — лэди Грэсъ не пожелаетъ довѣрить мнѣ своей лошади?

— Напротивъ, принцъ, — горячо воскликнула молодая

дѣвушка. — Я очень прошу васъ скакать на „Долли“ и ставлю на васъ всѣ мои деньги...

— У васъ есть костюмъ для верховой ѣзды? — тревожно спросила Элленъ.

— Разумѣется, — улыбнулся Майо. — Я сейчасъ переодѣнусь.

— Мы выѣдимъ черезъ полчаса, — сказалъ герцогъ. — Быть можетъ, вы хотѣли бы проѣхать до скакового поля верхомъ, принцъ, чтобы освоиться съ лошадью?

— Нѣтъ, я предпочитаю ѣхать съ вами въ автомобилѣ, — отвѣтилъ Майо, вставая изъ-за стола.

Послѣ ухода принца всѣ заговорили вдругъ.

— Я считаю, что это безуміе! Никогда не участвовать въ „стипль чэзѣ“, и скакать въ первый разъ на такой кобылѣ, какъ „Долли“! — воскликнулъ Сомерфильдъ. — На вашемъ мѣстѣ, я пожалѣлъ бы свою лошадь, Грэсъ!

— Благодарю за совѣтъ! — нѣсколько вызывающимъ тономъ отвѣтила молодая дѣвушка. — Но если бы даже принцъ сказалъ мнѣ, что онъ никогда въ жизни вообще не садился на лошадь, то и тогда я довѣрила бы ему „Долли“...

Сомерфильдъ съ презрительной улыбкой отвернулся къ Элленъ.

— А каково ваше мнѣніе? — спросилъ онъ.

— Я вполнѣ согласна съ Грэсъ, — твердымъ голосомъ отвѣтила дѣвушка.

На ипподромъ Майо и его спутники, изъ-за лопнувшей шины, пріѣхали съ значительнымъ опозданіемъ: первая скачка уже кончалась.

— Какъ вамъ не везетъ! — воскликнулъ герцогъ, обращаясь къ принцу. — До начала вашего заѣзда остается такъ мало времени, что я могу вамъ показать лишь поле съ верхняго этажа трибунъ. Возьмите съ собой бинокль...

— Отлично, — отвѣтилъ японецъ. — Покажите мнѣ только стартъ, дорогу и финишъ.

Съ мѣста, куда поднялись герцогъ и Майо, все поле было отлично видно. Герцогъ указалъ принцу на живую изгородь, какъ на самое опасное препятствіе.

Японецъ лишь на мигъ остановилъ бинокль на этомъ препятствіи и улыбнувшись указалъ на группу деревьевъ.

— Съ которой стороны ихъ нужно обогнуть? — спросилъ онъ.

— Съ лѣвой, — отвѣтилъ герцогъ. — И помните, что нужно все время держаться красныхъ флажковъ...

— Отлично, — сказалъ Майо и началъ спускаться.

Въ паддокѣ какъ разъ выводили лошадей. Принцъ внимательно оглядывалъ ихъ.

— Эта нравится мнѣ больше другихъ! — сказалъ онъ вдругъ, указавъ на гнѣдую кобылу.

— Какое счастье! — улыбаясь замѣтилъ герцогъ. — Это и есть „Долли".

Принцъ бросилъ мгновенный взглядъ на кобылу и направился къ Элленъ и Сомерфильду.

— „Долли" — прекрасная лошадь! — промолвилъ онъ, обращаясь къ сэру Чарльзу. — И думаю, что обскачу васъ...

— Хотите пари? — предложилъ Сомерфильдъ.

— Съ удовольствіемъ, — согласился Майо. — Назовите только сумму... Я вѣдь не знаю вашихъ обычаевъ...

— Сколько хотите, — небрежно бросилъ Сомерфильдъ. — Отъ десяти до тысячи фунтовъ.

— Прекрасно!.. Тысячу фунтовъ въ такомъ случаѣ! — воскликнулъ Майо.

— Идетъ! — раздраженно отвѣтилъ сэръ Чарльзъ.

— Майо легко вскочилъ въ сѣдло. Лошадь тотчасъ же взвилась на дыбы. Съ веселой улыбкой японецъ потрепалъ ее по шеѣ. Всѣмъ показалось, что онъ прошепталъ ей что-то на ухо. „Долли" тотчасъ же успокоилась.

Лэди Грэсъ смотрѣла на эту картину затаивъ дыханіе.

— Что вы ей прошептали на ухо, принцъ? — съ любопытствомъ спросила она. — Я еще никогда не видѣла „Долли" такой спокойной...

— Ваша „Долли" понимаетъ по-японски, лэди Грэсъ, — отвѣтилъ Майо съ очаровательной улыбкой. — Мы съ ней будемъ большими друзьями. До свиданья, лэди Грэсъ... Кубокъ достанется вамъ!..

— Я вѣрю! онъ дѣйствительно возьметъ кубокъ! —

горячо воскликнулъ герцогъ. — Посмотрите; какъ онъ сидитъ въ сѣдлѣ!

Въ то же мгновеніе „Долли“ сдѣлала такой прыжокъ, что иной наѣздникъ едва удержался бы въ сѣдлѣ. Майо даже не шелохнулся.

Лэди Грэсъ разсмѣялась.

— Я поставила на него всѣ свои карманныя деньги... за цѣлый годъ... И не жалѣю объ этомъ...

— Пошли!.. — закричалъ герцогъ.

Всѣ затаили дыханіе. Казалось, Майо даже не замѣтилъ перваго препятствія. На второмъ одна изъ лошадей упала. Майо, слѣдовавшій непосредственно за ней, круто повернулъ. „Долли“ прыгнула, какъ кошка. Принцъ не пошевелился въ сѣдлѣ.

— У него итальянская посадка!.. — съ восхищеніемъ воскликнулъ Брэнсомъ.

Вскорѣ всадники скрылись за деревьями.

Когда они снова показались, Майо скакалъ вторымъ. Первымъ шелъ Сомерфильдъ. Кромѣ нихъ оставалось всего три лошади. На одномъ изъ слѣдующихъ препятствій лошадь Сомерфильда едва не упала, но во-время выпрямилась, и Сомерфильдъ удержался въ сѣдлѣ.

Всадники подходили къ живой изгороди. Сомерфильдъ взялъ препятствіе первымъ, но не чисто и потерялъ первое мѣсто. „Долли“ взвилась надъ препятствіемъ и опустилась, какъ птица. Майо точно приросъ къ ея хребту.

Вдругъ, — когда они выходили на прямую дорожку, Майо явственно покачнулся въ сѣдлѣ. Всѣ затаили дыханіе. Въ слѣдующій мигъ онъ снова выпрямился, снова какъ бы окаменѣлъ...

Сомерфильдъ уже давно пустилъ въ ходъ хлыстъ, и лошадь его скакала изъ послѣднихъ силъ, Майо еще не дотрагивался до хлыста.

Послѣднее препятствіе было взято имъ такъ же чисто, какъ и предыдущія. Лишь у самаго столба онъ одинъ разъ тронулъ „Долли“ хлыстомъ и окончилъ скачку первымъ опередивъ Сомерфильда на двѣнадцать корпусовъ.

Когда онъ проходилъ мимо трибунъ, герцогъ замѣтилъ, что одно изъ стремянъ было оборвано.

— Поздравляю васъ, Грэсъ! — воскликнулъ онъ. — Вотъ это скачка!.. Онъ взялъ послѣднее препятствіе уже безъ стремени!..

И кинулся къ Майо.

— Поздравляю васъ!.. — крикнулъ онъ на ходу. — Но что случилось у васъ со стременемъ?..

— Объ этомъ ужъ спросите вашего грума, — улыбаясь отвѣтилъ японецъ. — Впрочемъ, это, какъ вы видите, не имѣетъ большого значенія... Я очень огорченъ за сэра Чарльза... Но — что дѣлать?.. Его лошадь гораздо хуже „Долли“.

У входа на трибуны ихъ встрѣтила сіяющая лэди Грэсъ. Она подала Майо обѣ руки и съ жаромъ воскликнула:

— Я никогда никому въ жизни не была еще такъ благодарна!.. Какъ вы чудесно скакали!..

Принцъ улыбнулся смущенно.

— Лэди Грэсъ, для меня эта скачка была громаднымъ наслажденіемъ... — промолвилъ онъ. — И вамъ не за что благодарить меня! просто — ваша лошадь лучше другихъ... Вѣдь не думали же вы, что я свалюсь съ сѣдла только потому, что я не англичанинъ?

— Сколько мнѣ помнится, нѣсколько англичанъ и упало во время скачки, — улыбаясь замѣтилъ герцогъ.

— Не преувеличивайте моей заслуги,—отвѣтилъ Майо.— У меня въ батальонѣ девятьсотъ всадниковъ... И увѣряю васъ: если бы хотя одинъ изъ нихъ скакалъ хуже меня, его перевели бы въ пѣхоту... Миссъ Морсъ, — прибавилъ онъ вдругъ, обращаясь къ Элленъ, — мнѣ искренно жаль, что лошадь сэра Чарльза хуже „Долли“... Надѣюсь, вы не гнѣваетесь на меня?..

Къ нимъ какъ разъ приближался Сомерфильдъ: красный фракъ и бѣлые рейтузы его были забрызганы грязью. Онъ былъ красенъ и едва сдерживалъ свою ярость.

Элленъ внимательно посмотрѣла на него, и переведя взоръ на принца Майо, тихо сказала:

— Нѣтъ, принцъ... ни одного мгновенья.

Глава 29

Дженсъ подозрѣваетъ принца

Передъ обѣдомъ, всѣ гости герцога собрались въ большой гостиной. Погода внезапно перемѣнилась. Подулъ холодный сѣверный вѣтеръ и всѣ съ наслажденіемъ усѣлись около пылавшаго камина.

Разговоръ естественно зашелъ о скачкахъ.

Молодые люди, во главѣ съ Сомерфильдомъ, презрительно пожимали плечами.

— Онъ скакалъ, несомнѣнно, недурно, — замѣтилъ сэръ Чарльзъ. — Но на „Долли“, въ концѣ концовъ, и трудно было не придти первымъ...

— Вполнѣ согласенъ съ вами! — рѣшительно заявилъ капитанъ Уильмотъ. — Кромѣ того, посадка напоминаетъ жокея...

— А я нахожу, что это одно изъ самыхъ красивыхъ зрѣлищъ, какое мнѣ когда-либо приходилось видѣть! — воскликнула лэди Грэсъ.

— Во всякомъ случаѣ, ему сильно повезло, — нѣсколько смутившись сказалъ Сомерфильдъ. — Что касается меня, то я, разумѣется, не могу назвать принца настоящимъ спортсмэномъ... Спортъ — не военная наука... И весь этотъ вздоръ, что онъ говорилъ вчера...

Тутъ въ разговоръ совершенно неожиданно вмѣшалась Элленъ. Глаза ея гнѣвно сверкали.

— Чарли!.. — вскрикнула она. — Вы разсуждаете, какъ ребенокъ!.. Мнѣ стыдно за васъ!..

Молодой человѣкъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее.

— Довольно этихъ ребяческихъ разговоровъ!.. — страстно вновь заговорила дѣвушка. — Вы всѣ ненавидите принца лишь за то, что онъ не принимаетъ участія въ вашихъ глупыхъ играхъ. У него есть болѣе высокіе интересы, чѣмъ спортъ. Да, онъ — мужчина, а не мальчишка... Онъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ людей, которыхъ вы не понимаете и не въ состояніи понять...

Щеки Элленъ пылали. Глаза горѣли.

Лэди Грэсъ стремительно поднялась со своего мѣста, приблизилась къ своей подругѣ и такъ же горячо заявила:

— Я совершенно согласна съ Элленъ!

Герцогиня снисходительно улыбнулась.

— Не нужно ссориться изъ-за пустяковъ! — промолвила она. — Каждый живетъ по своему... У каждаго свои вкусы и привычки, привитыя воспитаніемъ...

Сомерфильдъ, совершенно ошеломленный въ первое мгновеніе вмѣшательствомъ Элленъ, наконецъ, пришелъ въ себя.

— Мнѣ кажется, лучше оставить этотъ разговоръ, — сухо сказалъ онъ. — Я не думалъ, что онъ можетъ быть такъ непріятенъ миссъ Морсъ... Эверардъ, не сыграть ли намъ партію на билліардѣ... У насъ еще есть время до обѣда.

Капитанъ Уильмотъ смутился, онъ не любилъ ссоръ. Къ тому же онъ зналъ о помолвкѣ своего друга съ Элленъ.

— Быть можетъ миссъ Морсъ... — началъ онъ.

Элленъ повернулась къ нему.

— Каждое мое слово было сказано вполнѣ сознательно. Я говорила не сгоряча и никогда не отступлюсь отъ своего мнѣнія... Ясно?..

Она рѣшительно взяла подъ руку свою подругу и направилась къ дверямъ.

— Элленъ, вы молодецъ!.. — воскликнула Грэсъ, когда онѣ поднимались по лѣстницѣ. — Но Чарли кажется страшно обидѣлся на васъ...

— Вѣроятно, — замѣтила Элленъ. — Должна сознаться, мнѣ хотѣлось его немного проучить: ужъ очень онъ самодоволенъ...

— Значитъ, вы теперь не такъ уже ненавидите принца? — съ лукавой улыбкой спросила Грэсъ.

— О, нѣтъ!..—воскликнула Элленъ. — Раньше я просто не понимала его... Развѣ можно ненавидѣть его?

Грэсъ глубоко вздохнула.

— Но только, Элленъ, зачѣмъ онъ такъ много говоритъ о своей родинѣ?..

Элленъ ничего не отвѣтила. Онѣ дошли до комнаты Грэсъ и остановились передъ ярко пылавшимъ каминомъ.

— Мнѣ кажется, что онъ лишенъ всѣхъ обычныхъ человѣческихъ слабостей, — вновь задумчиво заговорила Элленъ, — иногда мнѣ даже хотѣлось бы, чтобы онъ былъ болѣе обыкновеннымъ человѣкомъ... Онъ мнѣ напоминаетъ тѣхъ каменщиковъ, которые строятъ великолѣпный сказочный дворецъ и которымъ никогда не суждено жить въ немъ!..

Грэсъ еще разъ глубоко вздохнула. Взоръ ея былъ задумчиво устремленъ въ огонь. Элленъ нѣкоторое время молча смотрѣла на нее, а затѣмъ взяла ее за руки.

— Дорогая Грэсъ, иногда трудно бываетъ примириться съ мыслью, что есть вещи совершенно невозможныя, недостижимыя, — тихимъ голосомъ сказала она. — Однако, это такъ... И лучше понять во-время, чѣмъ страдать потомъ всю жизнь...

— Но я не понимаю, почему это невозможно?.. — горячо воскликнула молодая дѣвушка. — Мы съ нимъ принадлежимъ къ одному кругу...

— Впрочемъ, — дрогнувшимъ голосомъ добавила она, — онъ не любитъ меня...

— Не говорите такъ, милая... — ласково обняла ее Элленъ. — Онъ, вообще, иного міра человѣкъ... И, подумайте, развѣ вы могли бы жить въ Японіи?..

— Я поѣхала бы за нимъ на край свѣта, если бы только онъ любилъ меня!.. — воскликнула Грэсъ со слезами въ голосѣ. — Но это... невозможно... Онъ никогда не пойметъ... Элленъ, вы навѣрное скажете, что я глупая... но...

Элленъ нѣжно поцѣловала свою подругу.

— Ахъ, Грэсъ, — прошептала она. — Я знаю еще и другихъ глупыхъ женщинъ на свѣтѣ...

Вечеромъ, когда всѣ спустились къ обѣду, разговоръ какъ то не клеился: у всѣхъ еще была въ памяти ссора Элленъ съ женихомъ.

Одна только Элленъ — въ чудесномъ черномъ бархатномъ платьѣ съ букетомъ алыхъ розъ на плечѣ, казалась совершенно спокойной, а за обѣдомъ разговаривала съ же-

нихомъ, какъ будто ничего не случилось. Онъ же, все еще не опомнившійся послѣ размолвки, еле отвѣчалъ ей.

Лэди Грэсъ сидѣла рядомъ съ принцемъ. Онъ описывалъ ей красоты своей родины, а она смотрѣла на него большими печальными глазами.

— Брэнсомъ, я видѣлъ, вы читали вечернія газеты, — сказалъ премьеръ-министръ. — Есть какія-нибудь новости?..

— Ничего особеннаго... — отвѣтилъ Брэнсомъ. — Развѣ то, что полиція увѣряетъ, что напала на вѣрный слѣдъ убійцы Фейнса и Вандерполя и что арестъ его послѣдуетъ сегодня вечеромъ или завтра...

Принцъ поднялъ голову.

— Вы, кажется, говорите объ этихъ загадочныхъ убійствахъ?.. Кто-нибудь арестованъ?..

— Я читалъ лишь раннее изданіе газеты, — отвѣтилъ Брэнсомъ. — Возможно, что теперь убійца уже арестованъ... Оказывается, какой то молодой человѣкъ, случайно ѣхавшій на велосипедѣ рядомъ съ машиной Дикка, видѣлъ, какъ какой-то господинъ на одномъ изъ перекрестковъ вошелъ въ такси, а на слѣдующемъ вышелъ изъ него... Онъ увѣряетъ, что совершенно легко узналъ бы этого неизвѣстнаго, если бы ему довелось встрѣтиться съ нимъ...

— Странно... — сказалъ Майо, — почему же онъ такъ поздно сообщилъ объ этомъ полиціи?.. — Я не помню, чтобы раньше объ этомъ писали въ газетахъ.

Сомерфильдъ все время наблюдалъ за своей невѣстой...

— Вы сегодня очень блѣдны, Элленъ, — замѣтилъ онъ. — Или этотъ черный бархатъ въ соединеніи съ алыми розами создаетъ такое впечатлѣніе?

Въ это время въ столовую вошелъ слуга Майо и прошепталъ нѣсколько словъ на ухо дворецкому. Тотъ тотчасъ же подошелъ къ принцу.

— Ваше высочество, просятъ къ телефону изъ Лондона, — сказалъ онъ.

Майо приподнялся, вопросительно глядя на хозяйку. Герцогиня кивнула.

Принцъ быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты: онъ шелъ тою же легкой и спокойной походкой, какъ и всегда.

Взявъ трубку, онъ тотчасъ же узналъ голосъ своего секретаря Сото:

— Ваше высочество, здѣсь инспекторъ Джексъ съ полицейскимъ. Онъ проситъ разрѣшенія обыскать домъ...

— Съ какой цѣлью? — быстро спросилъ Майо.

— Чтобы обнаружить, какъ онъ говоритъ, лицо скрывающееся, по его свѣдѣніямъ, здѣсь, — послышался отвѣтъ.

— А ордеръ на обыскъ у него есть?

— Нѣтъ. Онъ надѣялся, что ваше высочество разрѣшитъ ему осмотрѣть домъ и безъ офиціальныхъ документовъ...

— Хорошо, — отвѣтилъ Майо. — А скажите, Сото, вы совершенно увѣрены, что докторъ ни съ кѣмъ не сообщался?...

— Совершенно увѣренъ, ваше высочество, — послышался отвѣтъ. — Если ваше высочество прикажете, съ нимъ будетъ покончено...

— Нѣтъ... этого не надо дѣлать... Но не позволяйте ему выходить изъ своихъ комнатъ... — приказалъ Майо. — А Джексу скажите, что завтра въ три часа я буду въ Лондонѣ и тогда онъ можетъ придти...

— Слушаюсь... — отвѣтилъ Сото.

Майо повѣсилъ трубку и нѣкоторое время стоялъ въ глубокой задумчивости.

Глава 30

Элленъ начинаетъ понимать принца

Возвращаясь изъ библіотеки, онъ встрѣтилъ Элленъ.

— Простите меня, — сказалъ онъ, подходя къ ней. — Я слышалъ вашъ разговоръ съ сэромъ Чарльзомъ... Вѣроятно, вамъ предстоитъ сегодня объясненіе? Не правда ли?

— Да, намъ нужно серьезно поговорить съ сэромъ Чарльзомъ и придти къ какому-нибудь рѣшенію, — нахмурившись отвѣтила Элленъ.

— А вы увѣрены, что не углубите еще больше происшедшей между вами ссоры? — спросилъ Майо.

Элленъ удивленно взглянула на него.

— Почему вы объ этомъ заговорили? — тихимъ голосомъ спросила она. — Развѣ васъ это интересуетъ?..

— Пойдемте въ зимній садъ, — предложилъ онъ. — Вы знаете, что я не пью вина и потому предпочитаю не возвращаться въ столовую, когда мужчины остаются одни... Я бы хотѣлъ поговорить съ вами до того, какъ вы увидите вашего жениха...

Элленъ задумалась.

— Вспомните, что мнѣ недолго осталось жить въ этой странѣ...

Молодая дѣвушка улыбнулась и медленными шагами направилась въ зимній садъ.

— Я провелъ среди васъ нѣсколько самыхъ счастливыхъ мѣсяцевъ своей жизни, — сказалъ Майо, когда они усѣлись у фонтана.

— Почему же вы такъ скоро уѣзжаете? — тихимъ голосомъ спросила Элленъ.

— Миссъ Элленъ, — такимъ же тихимъ голосомъ отвѣтилъ онъ, — на этотъ вопросъ я отвѣчаю всѣмъ, что работа моя здѣсь окончена, что я уже послалъ свой докладъ императору, что меня ждетъ важная и отвѣтственная работа на родинѣ... Вамъ же я отвѣчу другое...

Понемногу блѣдность исчезла съ лица Элленъ: легкій румянецъ окрасилъ ея щеки. Глаза оживились и заблестѣли. Она съ жадностью прислушивалась къ голосу Майо. Неужели она услышитъ сейчасъ тѣ слова, о которыхъ втайнѣ давно мечтала?

— Я хотѣлъ спросить васъ, миссъ Элленъ, помните ли вы тотъ день, когда вы оказали мнѣ честь посѣтивъ мой домъ съ вашей тетушкой?.. — спросилъ Майо.

— Конечно...

— Я показалъ вамъ ларецъ... — продолжалъ Майо.

Элленъ схватила его за руку.

— Довольно!.. — воскликнула она. — Вы не знаете, сколько я изъ-за этого передумала и перестрадала!

Майо на нѣкоторое время умолкъ. Глаза его были устремлены вдаль.

— Мнѣ часто хотѣлось знать, что вы подумали обо мнѣ въ тотъ мигъ?.. — проговорилъ онъ наконецъ.

Элленъ слегка вздрогнула и ничего не отвѣтила.

— Вѣдь скоро уже, — напомнилъ онъ ей, — я навсегда уйду изъ вашей жизни...

Элленъ продолжала молчать.

— Вы знаете, въ жизни бываютъ вещи неизбѣжныя, — заговорилъ снова Майо. — У меня не было выбора... То, что произошло, было неотвратимо... Я не могъ поступить иначе... Не думайте, что я хочу вызвать ваше сочувствіе... Но когда мы съ вами разстанемся, я хотѣлъ бы, чтобы у васъ сохранились обо мнѣ лишь свѣтлыя воспоминанія... Мы, японцы, холоднѣе васъ... Мы живемъ больше разсудкомъ... Но... случилось такъ... что мною овладѣло большое чувство...

— И все-таки вы уѣзжаете?... — чуть слышно прошептала Элленъ.

— Да... Я уѣзжаю... и хочу проститься съ вами, — такъ же тихо отвѣтилъ японецъ. — Я хотѣлъ бы, чтобы вы вспоминали обо мнѣ съ добрымъ чувствомъ...

— Вамъ не нужно объ этомъ просить меня, — почти шопотомъ проговорила молодая дѣвушка.

— Вы выйдете замужъ за сэра Чарльза Сомерфильда и будете счастливы, — задумчиво продолжалъ Майо. — Я увѣренъ, что со временемъ у него появятся иные интересы, и онъ станетъ достоенъ васъ...

Послышался шумъ шаговъ. Къ нимъ приближался Сомерфильдъ. Майо тотчасъ же всталъ.

— Сэръ Чарльзъ, — сказалъ онъ, — я хочу проститься съ вами. Мнѣ звонили изъ Лондона и завтра я долженъ ѣхать...

— Герцогъ будетъ въ отчаяніи! — Сухо замѣтилъ Чарли.

— Да, да... Я какъ разъ собирался сообщить ему о своемъ отъѣздѣ...

Майо поклонился и вышелъ изъ сада.

— Если онъ дѣйствительно уѣзжаетъ... — началъ Сомерфильдъ.

— Чарли, — перебила его невѣста, — если вы хотите, чтобы я вышла за васъ замужъ, то никогда ни однимъ словомъ не осуждайте принца Майо...

— Человѣка, котораго вы ненавидѣли еще мѣсяцъ назадъ? — удивленно спросилъ молодой человѣкъ.

Элленъ печально покачала головой.

— Я просто не понимала его... — отвѣтила она.

— Гмъ... Разъ онъ дѣйствительно уѣзжаетъ, то объ этомъ не стоитъ говорить... — пробормоталъ Чарли.

Глава 31

Политическія соображенія принца

Библіотека въ Дэвенхемъ Кастлѣ была громадная и мрачная комната съ огромными окнами и высокими книжными шкапами, доходящими до самаго потолка.

Открывъ дверь, принцъ Майо увидѣлъ герцога въ дальнемъ углу, за небольшимъ овальнымъ столикомъ. По правую его руку сидѣлъ премьеръ-министръ, по лѣвую — сэръ Эдуардъ.

— Я вамъ не мѣшаю?.. — спросилъ Майо. — Я понялъ, что вы желаете меня видѣть?

— Да... Мы ждали васъ, — отвѣтилъ герцогъ, указавъ принцу на кресло.

Майо покачалъ головой.

— Мнѣ легче говорить стоя, — замѣтилъ онъ.

Министръ заговорилъ первымъ, безъ всякихъ предисловій. Лицо его было сосредоточено и серьезно.

— Принцъ Майо, — началъ онъ, — быть можетъ, мы говоримъ съ вами въ послѣдній разъ... Вы отправляетесь къ себѣ на родину... Быть можетъ, было бы болѣе разумно ни о чемъ не спрашивать васъ, подождать офиціальнаго сообщенія вашего правительство... Однако, сэръ Эдуардъ и я — мы думали, что намъ слѣдуетъ передъ вашимъ отъѣздомъ переговорить съ вами... Прежде, нежели продолжать, я, однако прошу васъ совершенно откровенно сказать мнѣ, согласны ли вы обсудить съ нами вмѣстѣ нѣкоторые вопросы?

Принцъ Майо стоялъ нѣкоторое время молча, погруженный въ глубокую задумчивость.

— Быть можетъ, мистеръ Хевилэндъ, если бы вы задали мнѣ этотъ вопросъ мѣсяцъ назадъ, — сказалъ Майо, — я отвѣтилъ бы вамъ иначе. — Съ тѣхъ поръ, однако, обстоятельства перемѣнились. Отъѣздъ мой состоится такъ скоро, и кромѣ того, — я встрѣтилъ здѣсь по отношенію къ себѣ столько доброты, что мнѣ хотѣлось бы даже поговорить о нѣкоторыхъ вопросахъ... Тѣмъ паче, что о нихъ никогда не можетъ возникнуть офиціальная переписка между нашими странами...

— Повѣрьте, дорогой принцъ, что мы очень цѣнимъ ваше расположеніе и вашу откровенность, — промолвилъ министръ.

— Мнѣ кажется, что самая вѣрная изъ политикъ, — политика откровенности, — продолжалъ Майо. — Такъ вотъ, слушайте. Вы, разумѣется, знаете, что я путешествую по Европѣ не для перемѣны впечатлѣній...

Министръ и Брэнсомъ многозначительно переглянулись.

— Я пріѣхалъ въ Европу, — продолжалъ Майо, — чтобы представить докладъ моему двоюродному брату — японскому императору, выгодно ли для насъ возобновлять договоръ съ вашей страной. Мой докладъ готовъ и уже даже отправленъ въ Японію...

Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе.

Первымъ прервалъ его министръ.

— И скоро мы узнаемъ о немъ мнѣніе вашего правительства? Не такъ ли? Вы это хотѣли сказать? — спросилъ онъ принца.

— Да, — отвѣтилъ Майо.

— А не нашли бы вы возможнымъ изложить намъ теперь же въ частной бесѣдѣ краткое содержаніе вашего доклада?..

— Охотно! — тотчасъ же отвѣтилъ японецъ. — Я посовѣтовалъ своему императору не возобновлять съ вами договора.

— Не возобновлять? — удивленно переспросилъ министръ.

— Да...

Въ библіотекѣ вновь воцарилось молчаніе. На этотъ разъ — тягостное.

— Быть можетъ, вы обвините меня въ неблагодарности? — воскликнулъ Майо. — Но моя единственная забота — благо моей родины... И я привыкъ во всѣхъ своихъ поступкахъ руководствоваться лишь...

— Принцъ Майо, — прервалъ его министръ, — мы не смѣемъ судить васъ... но быть можетъ, вы объясните намъ, какія причины повліяли на ваше рѣшеніе...

Майо глубоко вздохнулъ.

— Мнѣ очень тяжело говорить объ этомъ, — отвѣтилъ онъ.

— Продолжайте, — воскликнулъ министръ, послѣ того, какъ Майо нерѣшительно остановился.

— Мнѣ было предписано прежде всего составить себѣ ясное представленіе о военной мощи вашей страны, — продолжалъ со вздохомъ принцъ Майо. — И, долженъ сказать, что, по моему разумѣнію, Англіи, какъ военной силы, не существуетъ... Что можетъ сдѣлать въ случаѣ нападенія вашъ флотъ, разсѣянный повсюду?

Брэнсомъ наклонился впередъ и сильно взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Я могу доказать вамъ, что вы ошибаетесь... Поѣдемте со мной на будущей недѣлѣ въ Альдершотъ...

Майо снова глубоко вздохнулъ.

— Сэръ Эдуардъ, — отвѣтилъ онъ, — я много разъ былъ въ Альдершотѣ и видѣлъ ваши морскіе маневры... Корень зла — въ самомъ составѣ вашей арміи, въ вашей молодежи. Я изъѣздилъ всѣ ваши большіе города... Я наблюдалъ, какъ проводятъ свободное время ваши служащіе и рабочіе... По субботамъ послѣ обѣда они неизмѣнно отправляются на какое-нибудь большое спортивное состязаніе — футболъ или регби. Послѣ состязанія они наводняютъ кафе и обсуждаютъ недостатки и достоинства чемпіононъ, пьютъ и курятъ. Умѣютъ ли они ѣздить верхомъ?.. Умѣютъ ли они стрѣлять?.. Какія чувства питаютъ они къ своей ро-

динѣ?.. Какъ они будутъ защищать ее въ случаѣ опасности?.. Простите меня, что говорю съ вами такъ откровенно...

Майо снова умолкъ. Министръ нахмурился. Онъ хотѣлъ что-то возразить, но Брэнсомъ перебилъ его.

— Намъ все же кажется, что союзъ съ Англіей представляетъ нѣкоторыя выгоды для Японіи... — замѣтилъ онъ. — Вы вѣдь не станете отрицать, что безъ нашего вмѣшательства Соединенные Штаты объявили бы вамъ войну четыре мѣсяца назадъ?..

— И это опять таки является причиной безполезности договора между нами, — спокойно отвѣтилъ Майо. — И вы, и я — мы отлично знаемъ, что рано или поздно война между Америкой и Японіей неминуема... И вспыхни она — мы, конечно, не можемъ разсчитывать на вашу помощь...

— Договоръ, заключенный между нашими правительствами... — началъ Брэнсомъ.

Но Майо перебилъ его:

— Вы не будете отрицать, — быстро проговорилъ онъ, — что двѣ недѣли назадъ отъ извѣстнаго вамъ лица, проживающаго въ Америкѣ, вами получено письмо. Въ немъ васъ спрашивали: какова будетъ ваша позиція въ случаѣ войны между Америкой и Англіей?..

Брэнсомъ почти вскрикнулъ отъ удивленія. Министръ же спокойно сказалъ:

— Я вижу, у васъ — прекрасно поставленъ тайный отдѣлъ, принцъ... Быть можетъ, вамъ извѣстенъ и нашъ отвѣтъ?..

— Да... Примѣрно... Вы отвѣтили Вашингтону, что договоръ съ нами не является для васъ священнымъ... Вообще, вашъ отвѣтъ былъ уклончивъ...

— Какимъ же образомъ вы узнали объ этомъ? — быстро спросилъ Хевилэндъ.

— О! зная вопросъ, — объ этомъ такъ не трудно было догадаться!.. — спокойно отвѣтилъ Майо. — И на этомъ, если позволите, и кончимъ нашъ разговоръ...

— Спасибо за откровенность, принцъ, — замѣтилъ министръ. — Итакъ, вы ищете союзника, на помощь

котораго могли бы разсчитывать въ случаѣ войны съ Америкой?..

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ Майо.

— И что же? Удалось вамъ обрѣсти его среди европейскихъ государствъ?.. — спросилъ министръ.

— Нѣтъ! У насъ, можетъ быть, лишь одинъ союзникъ, — быстро отвѣтилъ Майо. — И я уже писалъ объ этомъ императору... Востокъ и Западъ слишкомъ далеки другъ отъ друга... Помощь придетъ къ намъ отъ болѣе близкой страны!..

— Китай!.. — воскликнулъ Хевилэндъ.

— Да... Китай... такой, какимъ мы его возсоздадимъ! — съ жаромъ воскликнулъ Майо. — Вѣроятно, мы съ вами уже не увидимъ этого, но придетъ время, когда завоеванія Греціи и Рима покажутся ничтожными передъ стремительнымъ движеніемъ соединенныхъ армій Китая и Японіи... А до этого времени намъ не нужны союзники... Мы терпѣливы — и будемъ ждать...

Въ комнату вошелъ лакей.

— Ваша свѣтлость, — сказалъ онъ, приблизившись къ герцогу, — васъ просятъ къ телефону съ Доунингъ-Стритъ по очень важному дѣлу.

— Пойдемте, Хевилэндъ, — сказалъ герцогъ. — Вѣроятно, дѣло, дѣйствительно, важное, разъ мнѣ звонятъ въ такой поздній часъ. Вы насъ простите, принцъ?..

Майо безмолвно поклонился.

Глава 32

Принцъ отказывается отъ помощи

Майо стоялъ въ глубокой задумчивости у окна своей маленькой гостиной въ Девенхэмъ Кастлѣ. При слабомъ свѣтѣ луны онъ отчетливо различалъ очертанія деревьевъ въ паркѣ. Вдали блестящей полосою серебрилось море.

Гдѣ-то внизу часы пробили два. Замокъ былъ погруженъ въ полную темноту. Лишь въ одномъ окнѣ флигеля,

отведеннаго для слугъ, виднѣлся огонь. Майо зналъ, что его шофферъ не спитъ, готовый по первому приказу тронуться въ путь.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати четырехъ часовъ Майо не разъ думалъ объ этой послѣдней поѣздкѣ въ Соутгемптонъ, гдѣ его ожидалъ, присланный за нимъ японскимъ императоромъ, крейсеръ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ могъ быть внѣ предѣловъ досягаемости. Однако, онъ никогда не рѣшился бы на такой поступокъ: бѣжать... ночью... тайкомъ... — Нѣтъ! нѣтъ!

Майо быстрыми шагами прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ.

Вдругъ ему показалось, что въ дверь тихо постучали.

Онъ остановился и выпрямился.

Въ то же мгновеніе ручка тихо повернулась, и дверь открылась. На порогѣ ея стояла Элленъ.

— Миссъ Морсъ!.. — воскликнулъ японецъ, бросаясь къ ней.

Элленъ протянула руку, какъ бы умоляя его не двигаться. Нѣсколько секундъ она стояла молча, какъ бы прислушиваясь. И тихо закрыла за собой дверь.

— Миссъ Элленъ... — шопотомъ сказалъ Майо. — Вы не должны оставаться здѣсь...

Она не обратила вниманія на его слова. Мелкой дрожью дрожали кружева на ея платьѣ. Глаза горѣли возбужденно и безпокойно.

— Слушайте... — прошептала она. — Я должна была придти... Вы не знаете, что происходитъ въ домѣ... За послѣдніе полчаса телефонъ звонилъ безпрерывно... Премьеръ-министра вызывали изъ министерства внутреннихъ дѣлъ... Одному изъ сыщиковъ удалось собрать достаточно уликъ для того... чтобы получить разрѣшеніе... арестовать васъ...

— Арестовать меня? — со странной усмѣшкой спросилъ Майо.

— Да! да! — безъ голоса вскрикнула Элленъ, — арестовать васъ! И если они докажутъ, что вы убили Фейнса и Вандерполя... Послушайте меня, принцъ! Молю васъ...

— Нѣтъ, миссъ Элленъ! нѣтъ!—спокойно проговорилъ Майо. — Я никогда не бѣжалъ отъ своей судьбы...

— Нѣтъ! вы не должны оставаться здѣсь!.. — Вы должны бѣжать!.. Это обвиненіе слишкомъ ужасно!.. Если вы невиновны, Богъ поможетъ вамъ... Если же вы виновны, — я все же хочу, чтобы вы бѣжали...

— Миссъ Элленъ! — ласково возразилъ Майо, — я очень тронутъ вашей заботой... очень тронутъ, миссъ Элленъ. Но бѣжать я не могу... Я не тать...

— Ахъ, принцъ, я знаю!.. Я знаю все... Но судъ не станетъ разбираться въ этомъ... Васъ будутъ судить какъ обыкновеннаго преступника... Вы должны, должны бѣжать...

— Нѣтъ! миссъ Элленъ! Не будемъ говорить объ этомъ... это невозможно.

— Вы не понимаете! — ломая руки вскрикнула Элленъ, — что несмотря на то, что вы двоюродный братъ императора, васъ ждетъ то-же, что и всякаго... убійцу... Они только что говорили объ этомъ внизу... Вы не причислены къ посольству... Вы здѣсь частное лицо... Завтра утромъ будетъ уже поздно... Немедленно садитесь въ автомобиль и поѣзжайте въ Соутгемптонъ! Умоляю васъ!

Майо взялъ руки дѣвушки и нѣжно посмотрѣлъ на нее.

— Дорогая миссъ Элленъ, какъ мнѣ благодарить васъ за вашу доброту! — Я уже говорилъ вамъ: мы разно относимся къ жизни и къ смерти... Вамъ кажется, что жизнь — нѣчто безцѣнное, мы же готовы отдать ее во всякую минуту... Я ни о чемъ не сожалѣю... Даже если бы я могъ надѣяться въ жизни на счастье, я не старался бы избѣгнуть смерти...

Элленъ упала передъ нимъ на колѣни.

— Развѣ вы не понимаете, почему я пришла сюда?.. — вскрикнула она. — Вѣдь это я разсказала про кинжалъ и шнуръ...

Майо не шевельнулся. На губахъ его заиграла улыбка.

— Да, я знаю... И вы поступили правильно, — сказалъ онъ.

— Но я не могу... Я вѣчно буду казнить себя... Развѣ вы не понимаете, что будетъ съ вами?..

Майо ласково положилъ ей руку на плечо.

— Массъ Элленъ, не думайте, что я позволю рукѣ полицейскаго прикоснуться ко мнѣ... Повторяю вамъ: смерть не страшитъ меня.

Элленъ встала. Она поняла, что рѣшеніе Майо неизмѣнно, что ничто не можетъ поколебать его.

— И, простите... но вы не должны здѣсь оставаться... — заключилъ Майо.

Онъ проводилъ Элленъ до порога и поднесъ ея руку къ губамъ.

— Не бойтесь за меня... — улыбаясь сказалъ онъ. — Моя звѣзда горитъ еще очень ярко...

Онъ указалъ рукой на раскрытое окно, въ которомъ виднѣлось звѣздное небо.

— Сегодня она горитъ еще ярче обыкновеннаго...

Не говоря больше ни слова, Элленъ вышла изъ комнаты. Майо медленно закрылъ за ней дверь и долго прислушивался къ звуку удалявшихся шаговъ ея. Затѣмъ — прошелъ въ спальную, раздѣлся, легъ въ кровать и заснулъ.

На слѣдующее утро, когда онъ проснулся, вся комната была уже залита яркими лучами солнца.

Около кровати его стоялъ слуга:

— Ванна вашего высочества готова...

Майо быстро одѣлся, вышелъ на террасу, прошелъ въ цвѣтникъ. И долго ходилъ по аллеямъ, любуясь цвѣтами.

— Его свѣтлость проситъ ваше высочество пожаловать къ нему... — услышалъ онъ подлѣ себя голосъ слуги.

Майо усмѣхнулся.

— Прекрасно... Скажите его свѣтлости, что я сейчасъ приду...

Герцогъ ждалъ Майо въ библіотекѣ.

— Добраго утра... — сказалъ Майо, подходя къ хозяину дома. — Сегодня такое чудесное утро... Мнѣ даже показалось, что въ воздухѣ пахнетъ миндальными цвѣтами... какъ у меня на родинѣ...

— Принцъ Майо, — серьезно проговорилъ герцогъ, — я просилъ васъ придти сюда, какъ хозяинъ дома... Мнѣ нужно поговорить съ вами. И ночью, и утромъ ко мнѣ

поступали неблагопріятныя для васъ свѣдѣнія со стороны нашихъ блюстителей законовъ... Я считаю своимъ долгомъ напомнить вамъ, что, несмотря на всѣ наши недостатки, о которыхъ вы вчера такъ краснорѣчиво говорили, въ отношеніи правосудія мы все же достигли нѣкоего идеала: аристократъ и простолюдинъ равны у насъ передъ закономъ... Въ Англіи нѣтъ человѣка, который обладалъ бы властью остановить карающую руку закона...

Майо слегка наклонилъ голову.

— Дорогой герцогъ, — сказалъ онъ, — я великолѣпно знаю и ваши законы, и ваши установленія. И долженъ сознаться, что мы, японцы, многому можемъ поучиться у васъ въ этой области.

— Я хочу, чтобы вы поняли, принцъ, что даже, несмотря на обычай гостепріимства, я безсиленъ былъ бы защитить даже самое высокопоставленное лицо изъ моихъ друзей отъ законной кары...

— Вполнѣ понимаю васъ, — отвѣтилъ Майо. — Всякій иностранецъ долженъ подчиняться законамъ той страны, въ которой живетъ.

— Слушайте же меня, принцъ, — продолжалъ герцогъ. — Сегодня утромъ полиціи будетъ данъ ордеръ на производство обыска въ вашемъ домѣ на Сентъ-Джемсъ Скверъ... Одинъ изъ служащихъ Скотлэндъ-Ярда будетъ, по всей вѣроятности, дожидаться вашего возвращенія... Онъ утверждаетъ, что у него есть свидѣтели, могущіе удостовѣрить, что вы нарушили законы нашей страны... Я не буду задавать вамъ никакихъ вопросовъ... Мой восьмидесятисильный Даймлеръ къ вашимъ услугамъ... Я слышалъ, что японскій крейсеръ ожидаетъ васъ въ Соутгемптонѣ... Быть можетъ, я могу еще что-нибудь сдѣлать для васъ?

Принцъ покачалъ головой.

— Герцогъ, я прошу васъ не тревожиться обо мнѣ: я дамъ отвѣтъ за все, что сдѣлалъ...

Герцогъ ласково положилъ руки на плечи молодого человѣка. Дэвенхэмъ былъ выше шести футовъ ростомъ: въ сравненіи съ нимъ принцъ Майо казался почти мальчикомъ.

— Майо, — сказалъ онъ, — мы всѣ полюбили васъ —

и моя жена и моя дочь. Мы не хотимъ вамъ зла... Но помните, что американскій посолъ нѣсколько иначе относится къ этому дѣлу... Ради насъ, ради всѣхъ, кто желаетъ вамъ добра, воспользуйтесь моимъ автомобилемъ. Черезъ полчаса вы будете въ Соутгемптонѣ...

Майо опять съ улыбкой покачалъ головой. И слегка дрогнувшимъ, ласковымъ голосомъ сказалъ:

— Дорогой другъ, если вы хотите оказать мнѣ услугу, прикажите черезъ полчаса отвезти меня въ Лондонъ...

Глава 33

Вѣрный сынъ Японіи

Сначала было рѣшено, что герцогъ Хэвиләндъ, сэръ Эдуардъ и принцъ Майо поѣдутъ одни въ Лондонъ. Но герцогиня, лэди Грэсъ и Элленъ, у которыхъ глаза казались нѣсколько припухшими въ этотъ день, въ послѣднюю минуту объявили, что онѣ тоже ѣдутъ.

Въ одиннадцать часовъ были уже въ Лондонѣ.

— Мы пріѣхали такъ быстро, — сказалъ Майо, — что я позволю себѣ попросить васъ всѣхъ зайти ко мнѣ на десять минутъ. Мнѣ хочется, чтобы каждый изъ васъ выбралъ себѣ что-нибудь на память изъ моихъ вещей... Мнѣ будетъ пріятно думать, что, такимъ образомъ, вы всегда будете хотя на мгновеніе вспоминать обо мнѣ...

Черезъ нѣсколько минутъ автомобили подкатили къ Сентъ Джемсъ-Скверу.

Въ домѣ принца незамѣтно было никакого волненія. Дверь такъ же безшумно распахнулась и молчаливый слуга-японецъ вышелъ имъ навстрѣчу.

Принцъ повелъ всѣхъ въ свою библіотеку.

— Я хочу проститься съ вами здѣсь, — сказалъ онъ. — Вы видите, въ комнатѣ этой нѣтъ ни одной вещи, которая не была бы привезена изъ Японіи... Здѣсь я чувствую себя какъ бы на родинѣ... Здѣсь я чувствую себя настоящимъ хозяиномъ этого дома...

— Герцогъ, — продолжалъ онъ, снимая со стѣны гравюру, — этой гравюрѣ двѣсти лѣтъ... Окажите мнѣ честь принять ее. Мистеръ Хэвилэндъ, этотъ лакированный ларецъ стоялъ на столахъ семи императоровъ... — и поочередно принцъ подносилъ присутствующимъ подарки.

Взявъ съ письменнаго стола бронзовую статуэтку Майо повернулся къ Элленъ.

— Миссъ Элленъ, эта статуэтка безцѣнна. — Пять поколѣній нашей семьи склонялись передъ ней. Она — воплощеніе нашей родной страны, за которую каждый изъ насъ радъ отдать жизнь...

Въ этотъ мигъ дверь безшумно отворилась, и на порогѣ показался инспекторъ Джексъ. За нимъ слѣдовали докторъ Уэльсъ и молодой человѣкъ, котораго сыщикъ навѣщалъ въ больницѣ.

Майо чуть поблѣднѣлъ и двинулся навстрѣчу сыщику.

Вдругъ дверь шумно распахнулась. Въ комнату вбѣжалъ японецъ, одѣтый въ простое рабочее платье, и упалъ на колѣни передъ своимъ господиномъ.

— Въ чемъ дѣло, Сото? — удивленно спросилъ принцъ Майо.

Японецъ умоляюще посмотрѣлъ на него и повернулся къ инспектору Джексу.

— Мистеръ Джексъ, — воскликнулъ онъ. — Это я убилъ въ поѣздѣ американца и похитилъ у него бумаги... Всѣ другіе невиновны... Я одинъ виновенъ... Вотъ докторъ, перевязавшій мнѣ ногу... Я сказалъ ему, что упалъ съ велосипеда... Это я убилъ мистера Вандерполя... Я надѣлъ платье моего господина и вошелъ въ его автомобиль. Я задушилъ американца и взялъ его бумаги... Этотъ человѣкъ, — онъ указалъ на молодого человѣка, — видѣлъ меня... Мой господинъ ничего не зналъ обо всемъ этомъ. Я сдѣлалъ такъ изъ любви къ Японіи и изъ ненависти къ Америкѣ...

Сото умолкъ и припалъ къ ногамъ принца. Докторъ нагнулся надъ нимъ.

— Онъ, дѣйствительно, напоминаетъ мнѣ моего ночного паціента, — сказалъ докторъ. — И одѣтъ въ то же платье...

— А что вы скажете? — спросилъ Джексъ другого свидѣтеля.

Молодой человѣкъ колебался.

— Онъ того же роста, что и тотъ господинъ, — сказалъ онъ, наконецъ. — Я думаю, что это онъ...

Сыщикъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но Майо остановилъ его.

— Подождите! — сказалъ онъ повелительнымъ голосомъ.

И склонившись надъ своимъ слугой, спросилъ его по-японски:

— Сото, почему ты это сдѣлалъ?

Сото собачьимъ взглядомъ посмотрѣлъ на принца.

— Ваше высочество! — воскликнулъ онъ также по-японски, — я сдѣлалъ это ради блага родины... Развѣ вы можете меня осуждать за это, вы, отдавшій всю свою жизнь на служеніе ей?.. Моя жизнь никому не нужна... Вы же вернетесь въ Японію и сядете по правую руку императора... О, ваше высочество!

Онъ вдругъ вытянулся и остался недвижимъ.

Докторъ бросился къ нему, но Майо покачалъ головой.

— Теперь вы безсильны... — сказалъ онъ. — Сото отравился...

Наступило мгновенное молчаніе. Герцогъ тихо, наципочкахъ двинулся изъ комнаты. За нимъ, такъ же безшумно, послѣдовали остальные.

Долго, въ глубокой задумчивости, стоялъ Майо надъ трупомъ своего слуги.

— Спи спокойно, Сото... — наконецъ, прошепталъ онъ. — Ты былъ вѣрнымъ сыномъ Японіи... Спи, Сото... Спи...

Конецъ.